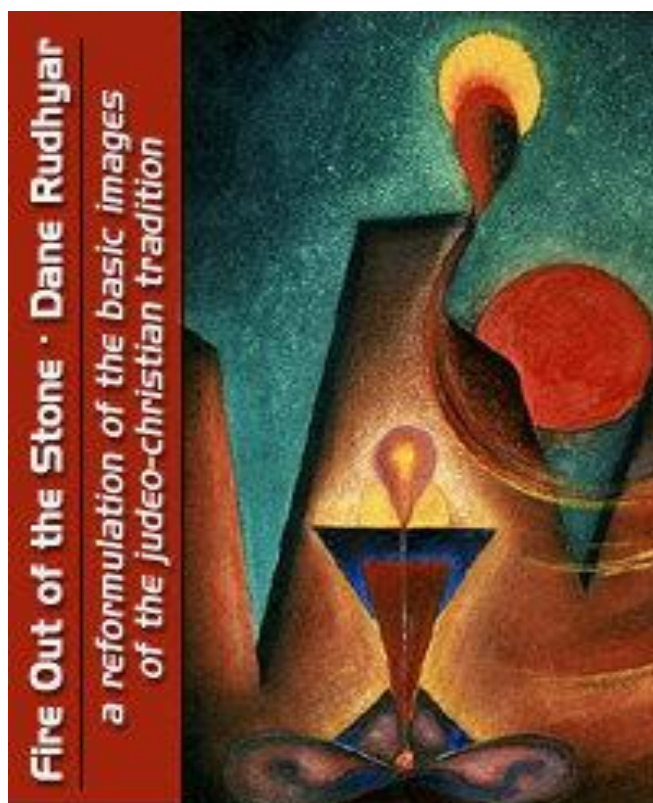

Дэйн Радьяр

ОГОНЬ ИЗ КАМНЯ

Переформулирование основных образов иудео-христианской традиции.

Оглавление

1. Не повторять, но обновлять	3
2. Сущность и Субстанция	11
3. Стать «больше-чем-человеком».....	19
4. Отцовство Бога	30
5. В центре душа	40
«Живущая душа».....	43
Целостность это единство в проявлении.	44
«Индивидуальная Душа»	45
«Божественная душа».	49
6. Творение и эволюция.....	53
Появление и осуществление циклического времени	53
Творческий процесс МОЖЕТ быть понят	55
Творческое начало	57
Основной паттерн.....	59
Семь Дней	60
Человеческая эволюция и Господь Бог	63
7. Кризис и грех.....	65
Тёмные начала	69
(1) «Грехопадение» в Эдеме и «Изгнание»	71
(2) Каин и Авель	74
(3) «Женитьба» Сынов Бога	77
8. Объединение Бога и человека	79
Завет с Ноем.....	81
Завет с Авраамом.....	82
Завет с Моисеем	85
Завет с царями.....	87
9. Любовь Христа.....	90
Завет с индивидуумами.....	90
Божественный Возлюбленный.....	92
Завет Христа	94
Путь и Жизнь	97
10. Жизнь в посредничестве и ее парадоксы.....	104
Заповеди Блаженства.....	109
Апостолы и люди-семена	113

1. НЕ ПОВТОРЯТЬ, НО ОБНОВЛЯТЬ

«и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего»

Римлянам 12:2

«Только личность, осмелившаяся изменяться, способна думать творчески»

Чарльз Моррис – «Открытие Себя».

Над мировой ситуацией наших дней доминируют три факта. Первый из них – тот факт, что сам дух и характер нашего западного общества и нашей «предположительно христианской» цивилизации постоянно находились, и находятся, в ситуации вызова. Влияние коммунистической идеологии и текущее расширение управляемых Советами наций бросает свой вызов в недвусмысленной и непреклонной форме. Также вызов бросают все разновидности экономического и научного материализма в нашей стране, а также широкое распространение криминала, безумия, болезней, коллективной истерии, политической коррупции, преступности в среде подростков; существуют также почти невидимые опасности – живущие в тени нашей демократической традиции – характерное для нас подчёркивание значения продуктивности «любой ценой», всеобщего физического благополучия и технологий, понимаемых как панацея.

Вторым фактом является то, что в Азии, Африке и на обоих американских континентах, нарастающая волна «цветных народов» борется против твёрдой позиции превосходства белых и христиан, понуждая нас предъявить доказательства тому, что мы имеем правомерное и жизнеспособное притязание на мировое превосходство; и что наше завоевание – угнетение (и часто порабощение) этих народов – было оправдано (по крайней мере, в долгосрочной перспективе), предоставленной им возможностью обрести по ходу нашего завоевания великие ценности, рождающие чувство собственного значения.

Третьим фактом является то, что западно-христианский мир не смог убедительно продемонстрировать готовность и способность встретить названные два вызова, особенно те явления, с которыми мы сталкиваемся с начала распространения Ислама в седьмом веке и монгольского вторжения в тринадцатом.

Недавно мы дали отпор атакующему коммунизму в Корее, но могла ли существующая дипломатия (или воображаемая) вообще решить такую проблему – вопрос другой. Как-то внезапно осознав свою военную слабость, мы бросились перевооружаться. Наши производственные мощности и экономическая сила, наше инженерное мастерство и огромный запас обученного человеческого ресурса, – возможно этого достаточно, чтобы со временем совладать с военным аспектом коммунистического вызова. Но это только один аспект. Он не может ответить на более фундаментальный и всем известный вызов, брошенный христианской цивилизацией и её образу жизни. Такое положение даже на руку тем силам, которые изнутри Соединённых Штатов разрушают основания этой цивилизации и характерного образа жизни. Американские генералы и адмиралы оказываются во главе западных сил; но делает ли это Христа и христианские ценности бесспорными и действенными на пути, направленном к гармонизации **многочисленных человеческих проблем наших дней**? Это проблемы, которые актуальны для европейских народов так же, как для индусов и китайцев; в том числе актуальны для нас, американцев.

Выигрывать войны привычно для США. Но каким окажется мир после победы? Войну можно выиграть производительностью и военной мощью, но чтобы выиграть мир, нужен другой вид силы; нужна сила духовной направленности и эффективной цели, сила, порождаемая верой, видением, пониманием – содержанием любви. Чтобы выиграть мир, нужно за-

воевать сердца и уважение людей. Это означает: в своём поведении демонстрировать ценности и идеалы, на которых стоишь сознательно и целенаправленно, за которые борешься. Это значит быть защищенным в себе, поскольку утверждён в Боге – если веришь в Бога, – а мы говорим, что верим.

В процветающей и чрезвычайно продуктивной Америке свирепствует сегодня эпидемия моральной и духовной незащищенности. Это без сомнения является основной причиной широко оглашённого «возвращения к религии», как в среде «интеллектуалов», так и в среде «обычных людей»; а также это является причиной чрезмерно распространённого алкоголизма, шизофрении, язвы желудка, повсеместного использования барбитуратов и транквилизаторов. Эта моральная и духовная незащищенность оказывает мощнейшее психосоматическое влияние. Она ведёт к коррупции и сексуальным преступлениям, приёму наркотиков и жестокости. Это масштабное коллективное заболевание свирепствует в Америке и по всему западному миру. Существует острая потребность в целительстве – и не только тела. Значительно сильнее в лечении нуждается психика, душа и ум. Поэтому многие обращаются к Богу. Они просят Христа, божественного Целителя, о совершенном лекарстве, об избавлении от тотального зла. В своём поиске, имея страстное желание, идут они в церковь «прежних лет», искать путь к Христу. **Найдут ли они его там?**

Способны ли, и готовы ли христианские церкви исцелить болезнь западного общества властью духа и, в полном смысле слова, «во Имя» Христа? Способны и готовы ли они взять на себя предводительство и руководство, встречаясь с вызовом, с которым сталкивается христианская цивилизация как внутри, так и за её пределами? Способны и готовы ли они сделать Христа существующим сегодня для человечества (такого, как оно есть) действительным спасителем, исцелителем и вдохновителем современного человека, мучимого болезнями, конфликтами, страхами, проблемами сегодняшнего дня? Если они всё же способны и готовы, то доказательства этому не очевидны и не убедительны.

Веками мы принимали Христа и считали превосходство христианских идеалов неизблемым и само собой разумеющимся. Когда власть церкви после 18-го столетия начала утрачиваться, мы отчасти спроецировали эту нашу гордость (превосходства) на демократические институты, а позже на «нашу науку» и чудеса технологий. Их превосходство мы снова нашли само собой разумеющимся; и некоторое время никого не задевало наше самовосхваление. Но теперь мы поставлены в оборонительную позицию. Христианство, которое в первые века представляло собой вызов Римской империи, теперь само принимает вызов. Христианство находится в оборонительной позиции, как и демократия; и это несмотря на видимое возрождение религии и распространение американского влияния. Мы больше не можем в безмятежном спокойствии (самоуспокоении) считать наше превосходство само собой разумеющимся, поскольку теперь уже всерьёз никто этого не признаёт. Бесплезно впредь заявлять (как очевидность), что нам принадлежит привилегированное мировое положение лидеров человечества. В глазах тех, кто требует доказать правомерность американских претензий, доказательство почти полностью исчерпывается фактом громадной материальной производительности, благосостояния и высокого уровня инженерного персонала; **но этого недостаточно**. Этого мало для прочного и несомненного лидерства в современном мире, непрерывно раздираемом конфликтующими идеологиями.

Люди в Азии, и даже в Европе и Латинской Америке, отчаянно нуждаются в пище, инструментах и вещах первой необходимости; но они нуждаются и в **большем**.

Вопрос в том: сможем ли мы дать им это «большее»? Сможем ли мы взять на себя ответственность лидерства в мысли, то есть духовного лидерства? Мы должны сделать это, если не попадём, подобно Римской империи, в руки освобождённых рабов и «чужих богов» из бескрайних просторов Матери всех религий, Азии; если, конечно, христианство не исчезнет постепенно, как исчезли религии средиземноморского мира, которые однажды были просто поглощены и вытеснены.

Вызов, с которым мы должны столкнуться, требует от нас много больше, чем просто быть «хорошими христианами в само-собой-разумеющейся манере». То, что мы считаем само собой разумеющимся – всегда теряет для нас свою высоту (одухотворённость). Невозможно создать новый мир и новое общество с «доказанными» ценностями; с образами, идолами, устаревшими идеями, которые невольно поблёкли от фамиллярности и ставшего привычным чувства безусловного превосходства. Так невозможно создать новый мир; но мы **призваны** это сделать или, по крайней мере, попытаться лидировать в этой попытке. Действительно ли мы пытаемся? **Действительно ли** мы пытаемся сделать это, если фактически направляемся назад, к старым церквям нашего детства? Проповедники там рассказывают знакомые нам истории, возможно, делая это с великим мастерством и красноречием, возможно, по-настоящему веря, что если все церкви снова наполнятся, то наша нация и вся западная цивилизация будет спасена. Но подобная вера не приближает нас к роли лидеров «ради Христа» и творцов нового общества!

Возрождение старых форм не является творением. Творческое лидерство это динамический процесс проецирования ценностей. Эти ценности должны нести свежесть мистерии сверхсознательного: происхождения должны они быть бого-вдохновлённого, духов-высвобождающего, если они существуют как побуждающие (подталкивающие) к действию. Ценности должны быть сегодняшними. Они должны быть согреты чувством и непосредственностью личного опыта, чтобы их существование могло убеждать и преобразовывать – а это много больше, чем «реформировать». Никто не может стать духовным лидером, если не имеет опыта личного переживания духа, хотя бы в малой степени. Действительно, на фоне массового отречения от духовных ценностей, никто не может в наши дни стать истинным и живым **христианским** лидером, если он сам не **испытал** в какой-то мере реальность Христа.

Слово «опыт» не стоит понимать здесь слишком буквально. По-существу, это не является вопросом фактического «видения» или «слышания» (голоса). Это означает глубокое, прямое, личное и преобразующее осознание того, что актуально и созидательно служит основанием для тех ценностей и идеалов, которые мы рассматриваем как фундаментальные в христианстве и всей западной цивилизации. В этом осознании смешаны мысли и чувства, и в своём единстве они поляризуют ещё большую способность – некую силу. Она «сходит» и освещает, раздувая в нас холодный огонь – спокойный энтузиазм – сознательную индивидуальную волю. Учитывая, что эта сила прочувствована мало, и наш традиционный подход к духу, Богу и Христу кристаллизует большинство умов, пугающихся любых новых сил (как «революционных»), христианство зачастую не оставляет мужчинам и женщинам способности к истинному духовному лидерству.

Духовное лидерство – это сила изменять сердца и умы мужчин и женщин, перестраивать общество. Поскольку примеров такого лидерства было (и остаётся) совсем немного, наше западное общество не способно передать современному человечеству – ввергнутому в хаос, беспокойному, **но всё же востребовавшему, ищущему базовые ценности** – послание духа, которое должно быть передано по праву сложившейся исторической судьбы.

Если бы сила Христа была живой, резонирующей, действующей и творческой в нашем обществе и в наших церквях, мы уже передали бы послание духа сотням миллионов людей в Индии, Китае и Африке. Если бы сила Христа была живой и творческой в русской церкви, то была бы невозможной победа марксистского материализма в сердцах этого чрезвычайно религиозного народа. Если бы христианский корень нашей цивилизации был активным и пульсирующим в «свободном мире», о котором мы говорим, то не было бы шансов для сыновей министров, таких как Фукс, стать предателями; для блестящих интеллектуалов, таких как Эллиот-Кюри во Франции и многих таким вот образом **одарённых людей в Америке, искать в коммунистической идее канал для своей творческой энергии и экстериоризации своих социальных надежд.**

Мы провозглашаем сегодня, что христианство это величайшее откровение Бога, что

оно уникально, и Христос «един и единственный Сын Бога». Мы говорим, что дух есть наивысший определяющий фактор во вселенной; что свобода личности и уважение неотъемлемых прав человека, демократические институты и идеалы нашей западной цивилизации есть ценности, которые ни один человек, познавший их, не может не назвать священными. Но, если так, то единственно возможной причиной широкого распространения материалистических и тиранических идеологий среди народов, веками признававших христианство – будь то нацистская Германия или коммунистическая Россия, – является факт, что христианство потеряло силу в этих странах; что формальные прихожане, в большинстве своём, перестали быть христианами в духовном смысле, а также в реальных делах, чувствах и помыслах. Христианству бросает вызов не некая сила со стороны; потому что **всякое** оружие и любая техника, используемая «коммунизмом», изначально были произведены людьми тех стран, которые насквозь пропитаны христианскими ценностями.

Что случилось с этими ценностями и людьми, чьей задачей было (и есть) сохранять их живыми как «стандарты» жизни? Неужели потеряли они свою силу вдохновлять и вести людей к более возвышенной жизни, размышлять о великом, подражать примеру великих христиан?

Любой набор ценностей и идеалов перестаёт быть эффективным, когда вожди народа более не в состоянии творчески вдохновляться этими ценностями. Если в этот момент из широких слоёв не возникает оппозиционной группы, оспаривающей лидерство с целью занять их место и перенастроить общество на исходные идеалы, – неизбежно следует духовное разложение. Увы, наши лидеры не могут (или не хотят), в большинстве случаев, получать творческое вдохновение в **традиционно формулируемых** христианских ценностях. На протяжении многих десятилетий христианство не «делало историю». Оно породило – это правда – много великих индивидуумов; оно соединяет многие грани нашего сложного и конкурентного общества, которое, в противном случае, взлетело бы на воздух. Но лидерство нашего общества не выражается в духе христианства как мотивирующей, действующей, миропреобразующей силы. Основные конфликты и проблемы современного человека не позволили мобилизовать новый, наполненный глубокой творческой силой Образ Христа. Избавление от этих проблем не испрашивалось у **живого** Христа, но когда спрашивалось у христианства, вопрос относился к Христу древней традиции, которая сложилась в среде распадающегося средиземноморского общества девятнадцативековой давности.

Теперь **мы** являемся членами относительно дезинтегрированной цивилизации – новой цивилизации нового типа дезинтегрированности, с новыми проблемами, которые и не снились во времена Апостолов или их ближайших последователей, занятых созданием формы (впоследствии длинной) традиции европейского христианства. Именно они лепили форму традиции, не Иисус. В Иисусе, и через Него, произошло высвобождение импульса Христа; но были следовавшие за ним люди, которые создали формулировки, теологию, ритуалы. **Они** воплотили импульс Христа в форме и религии, и в то время это отвечало их потребностям и соответствовало возможностям неофитов, использовавших наследие мысли и культурную память групп, в которых они несомненно были творческими лидерами.

Около шести веков спустя, после падения Римской империи и возвышения варваров в Европе, новый Рим стал центром новых решений, нового творческого высвобождения, новой интеграции, – христианский мир в это время противостоял неудержимому размаху исламского вызова. Христианство, имевшее дело в основном с германскими народами и изнурёнными остатками римского мира, смогло себя трансформировать, желая соответствовать новым условиям и новым потребностям. Святой Бенедикт предложил одно решение – Папа римский, Григорий, другое. Оба творили духовную, религиозную, культурную историю.

Очередные шесть веков прошли. Христианский мир снова столкнулся с серьёзным вызовом, – вызов пришёл опять с Востока. Монголы и тюрки завоевали большую часть восточной христианской ойкумены; но в этот раз христианству, в его византийском варианте, не

хватило жизнестойкости, чтобы абсорбировать и обратить в свою веру завоевателей из Азии. Наоборот, монголы оставили глубокий след в России; демократическая и жизнеспособная (vital) киевско-русская культура исчезла, а вскоре за ней погибла и Византия.

В то же время, крестоносцы, которые с 1100 г. н.э. вошли в близкий контакт с народами Ближнего Востока, принесли на Запад множество животворящих идей и духовных семян как «первоисточник западного духа». Духовное пробуждение началось во Франции, но вскоре было приостановлено жадностью и тиранией королей и папства (избиение альбигойцев, тамплиеров и т.д.). Тем не менее, пробуждение распространилось благодаря движению рыцарства, и христианская любовь засияла в великой личности святого Франциска.

Очередной шестисотлетний период отмечен подъёмом современной интеллектуальной силы человека, науки и материализма. Постепенно рационалисты и гуманисты дали рождение демократии. Однако, вовсе не желая того (и не прямо, но шаг за шагом), некоторыми из своих коренных предпосылок они породили чудовище – коммунистическое государство. И теперь, снова с Востока, христианство жестоко атакуется стремительной силой – идеологически и политически. Злорадствуя, эта сила однако поглощает все проблемы новых экономических и социальных условий, порождённые успехом Запада – научные, технологические, интеллектуальные достижения, которые, увы, отделены от Духа Христа, Любви и Его Света. В то же время, значительное увеличение населения земли сформировало на переднем крае поистине новый тип человека, новый баланс сил между духовно-культурной элитой и массами.

Каким был (за последний век) ответ воспитанной в христианских традициях нашей элиты, когда она столкнулась с этим потенциальным мировым кризисом? Она продолжала обсуждать христианство, прислуживая при этом резонам жадности, вожделения и поклонения Мамоне. Христианство само по себе, в коллективной общности церквей и своих институтов, не нашло новых решений для преодоления этих проблем и растущих конфликтов. Теперь эти конфликты кристаллизованы и сконцентрированы в ядовитой силе мирового коммунизма. Для лидеров, ведущих нас к новым социальным и экономическим горизонтам – горизонты эти могли бы осветиться зарей новой эры человечества, – ответом на серьёзный вызов послужило жестокое проявление силы порабощения и тирании, что коренным образом противоречит сущностным христианским ценностям.

Атака, на этой последней стадии, должна быть отражена военной силой, но лишь там, где это необходимо. Любому человеку, даже с самым скромным осознанием духовных ценностей и исторических фактов, должно быть очевидно, что основной вызов сам по себе, никогда не получит адекватного (с продолжительным успехом) ответа посредством одного только физического оружия: будь то танки или атомные бомбы, хорошие управленцы или великолепные институты теоретиков. Этот вызов является в полном смысле идеологическим и духовным, – он подталкивает к выработке личного отношения и духовной убеждённости, к открытию и осознанию ценностей, которые могут возбуждать **нас, современных мужчин и женщин**, вдохновлять и преображать всё кругом. На основе этих ценностей, мы **должны** идти вперёд, встречая любую противоречивую ситуацию с тем чувством внутренней необходимости и творческой силы, которая может гарантировать духовную победу и преображающее мир лидерство.

Некоторые люди, даже среди нас, без сомнения скажут, что традиционные ценности христианства утратили свою способность пробуждать людей нашего интеллектуального и научного века. Но если в этих словах есть кажущаяся правда, то в них также скрывается и глубокая ошибка. Формулировки, внешние одеяния и кристаллизовавшиеся институты, которые веками служили каналом для движущих духовных сил импульса Христа, вполне вероятно, потеряли теперь свою способность вдохновлять водительство (leadership), преобразующее мир. Но сам **импульс Христа, каким он исходил от Иисуса**, не потерял духовные движущие силы. Сегодня нашей задачей (мы это христиане) является перенастройка самих себя

на импульс Христа и создание **новых** форм и **новых** каналов высвобождения, через которые Христос станет живой Властью вдохновения и преображения.

Сделать это согласно новым потребностям нового человечества, значит, сделать то, что Апостолы и Павел сделали в первом веке н.э.; то, что святой Бенедикт и Папа римский Григорий пытались сделать в шестом и седьмом веках; то, что святой Франциск совершил шесть веков спустя. Мы должны восстановить «одеяния» Христа. Он есть вечно и постоянно Существующий, Его Власть так же жива и так же действенна, созидательна и неизмерима, как и всегда. Это мы – его формальные ученики – духовно «мертвы» потому, что закрыли свои души для нисхождения творческого духа, который вечно исходит **от** Отца **через** Сына. Это на нас падает ответственность за пробуждение и удовлетворение духовных потребностей во имя Христа как решение проблем и конфликтов нашего народа. Все прочие решения – экономические, социальные, политические – это следствия, **вытекающие** из решения духовного.

Поскольку слова «дух» и «творческий» постоянно возвращают нас к основной теме этой книги, необходимо с самого начала прояснить значения, которые им придаются. И если эти слова могут служить основанием для убеждённости, то их значения должны быть прямыми, ощутимыми и простыми. Таким образом, я собираюсь определить дух как то, что во все времена и в любом мыслимом месте даёт **основные и преобразующие** ответы на реальные человеческие потребности и решения для всех жизненно важных человеческих проблем. Дух всегда стремится к восстановлению разрушенной гармонии космоса, к реинтеграции всего, что находится в любой форме дезинтеграции. Это есть Бог в действии, поскольку Бог это абсолютная Гармония и всепрощающая Любовь.

В том же практическом и конкретном смысле, акт творения следует рассматривать как процесс, через который рождается и динамически проистекает основное, всё объединяющее решение, имеющее целью разрешение некоторых жизненно важных проблем человечества и, в космическом смысле, вселенского целого. Бог творит совершенно; человек – наиболее несовершенно, – до тех пор, пока он не становится настоящим «представителем» Бога. Но в обоих случаях мы можем говорить о творческой деятельности. Мы **должны** говорить об этом всякий раз, когда мы говорим о человеке как о «сыне Бога». Человек, который может удовлетворять потребности своего окружения и в любое время решить проблемы, находя и сообщая такое решение, которое способно расшевелить, оживить и мобилизовать в преобразующем действии воображение, ум и сердце других человеческих существ, является, в ограниченном (но действительном) смысле, творческим представителем. Духовно он является творческим представителем Бога всякий раз, когда **через** него высвобождается единая универсальная творческая энергия духа. Эта единая универсальная творческая энергия всегда ищет высвобождения через открытых, готовых к этому (и способных) индивидуумов просто потому, что в человеческой эволюции постоянно возникают новые проблемы и новые потребности. Но мало таких индивидуумов, которые способны и желают.

Эта творческая энергия также является и исцеляющим посредником. Истинно творческая деятельность должна быть также и деятельностью целителя, по крайней мере, что касается ее предельных результатов, когда источник ее в духе. Исцелить – значит пробудить организм от инерции и лени, значит удалить препятствия с пути здорового течения жизненной силы, будь то на физиологическом или психологическом уровне, а также наполнить больного новой витальной субстанцией. Поэтому Иисус сказал, что он принёс *меч*, но не мир, о котором мы думаем в привычной нам людской манере; так и везде, куда бы Он или Его ученики не пришли, происходят конфликты в семьях и группах – «разделение», как сказано в Евангелии от Луки (12: 51-52). Любая конфронтация с духом вызывает разделение среди тех, кто принадлежит к одной биологической, племенной или социальной группе; поскольку сталкиваясь с призывом духа к трансформации и самообновлению, некоторые идут дальше, как носители «Благой Вести» возрождения и **воссоздания**, в то время как другие отказываются

пробуждаться и становятся рабами нашего прошлого, которое из-за возникшей конфронтации, то есть с этого момента, становится устаревшим и всё более и более негативным.

Действительно, Дух Божий действует в непривычной для нас мистической манере. Путь очищения и **катарсиса** это путь распятия на кресте. Это необходимый путь там, где ментальная инерция и самоуспокоенность, эгоцентризм и жадность, чувство вины и жажда власти вредят сообщающимся сосудам тела и души своими токсинами и ранящими путями. Но **распятие является, на самом деле, фазой творения**. Такое лечение, которое от духа, требует преодоления кризиса личности и общества.

Кризис, катарсис и распятие – **инструменты** Творящего. Сила Христа открылась на Кресте как исцеление, скрытое в катарсисе или как цветущее дерево в семени, разрываемом процессом роста надвое.

Царствие Небесное есть творческая энергия и субстанция всех новых начинаний в самом ядре всего конечного. Это и есть Творческий Порядок, здесь и сейчас, действующий всюду, где происходит преобразование и сущностное обновление. Оно «внутри вас», если вы **позволяете** ему действовать внутри сознательного опыта вашего каждодневного умирания для прошлого. Это Воскрешение внутри каждого Распятия, принимаемого сознательно и смиренно. Нет человека, который может пережить или понять реальность Царствия Небесного, если он «не осмеливается изменяться», – даже если это изменение означает полную смерть старого.

Это изменение, однако, должно быть сознательной и обдуманной трансформацией, если оно направлено на высвобождение энергии творческого обновления благодаря кризису распятия. Человек должен ясно сфокусировать внутри своей души энергию Творческого Порядка с тем, чтобы испытать «Небеса» и Воскрешение внутри себя. Для того, кто понял органическую сущность Творческого Порядка, распятие это не смерть, а фокусировка (локализация). В точке, где руки и тело образуют Крест, человек находит свой духовный центр; там расцветает мистическая Роза «божественного Сыновства» и преодолевается «смерть» просто потому, что преодолена «жизнь».

Там, где есть жизнь, есть также и повторяемость и непреодолимая зависимость от инстинктов и бессознательной деятельности. Последовательность жизни и смерти держит всю природу привязанной к повторяющемуся паттерну рождения, роста, распада и смерти. Но дух, который входит в царство жизни, является силой, совершающей творческое преобразование. Жизнь сообразуется и повторяется; дух трансформирует и обновляет. И истинное послание Христа заключено в «Благой Вести» – о том, что дух может одержать победу над циклом жизни и смерти в любом человеке, или через него, если он бесповоротно сонастроился и посвятил себя пути, истине и символической жизни божественного Идеала.

Распятие является основой этой победы, поскольку это способ смерти, который преобразует последовательность жизни и смерти. Это сознательно принятый, обдуманно взятый на себя, полностью понимаемый процесс преобразования, в котором дух, сила Творящего становится в индивидууме чистым и нерушимым средоточием. Крест является символом и полем применения динамических сил творческого духа. Крест как «творящий здесь и сейчас» человека, погружённого в океан жизненных энергий на этой земле.

Поскольку христиане в целом не осмелились понять и принять динамизм творческого духа, то есть им не удалось найти освобождения от их слепой подчинённости потоку жизни и смерти, – они стали поклоняться Кресту Христа как трагическому символу страдания и искупления. В то время как он является иероглифом победы **как** над жизнью, **так** и над смертью, как над повторяемостью, так и над сообразностью; но он может иметь такое значение, если только понимается и испытывается как высший катарсис, через который полное обновление в духе и уме становится **реальным**, здесь и сейчас.

Индивидуум, который называет себя последователем Христа, должен стяжать такое понимание Креста, если он хочет овладеть энергией творческого духа, если он хочет стать

силой обновления в нашем современном обществе. Христианский лидер должен настроить своё сознание на этот творческий дух, как на силу коллективного социального преобразования, если он хочет вести человечество к новому началу. И зерно этого начала здесь. Это древнее и вечное зерно Христа.

Все семена должны испытать зарождение. Все новые начала в творческой спонтанности духа должны проявиться из центра Креста, откуда Любовь Бога истекает, как сила исцеления и победы. Христианство должно прорасти вновь, поскольку новая «весна» близко. Солнце Бога высвобождает обновлённый свет и обновлённое тепло; но окажется ли христианство, каким мы знаем его сегодня, плодородным семенем? Возложит ли оно на себя труд водительства, **сможет** ли принять лидерство в творческом процессе и сознательно, обдуманно встретить кризис Распятия?

Только тот, кто испытал Преображение, действительно может сделать Крест местом творческой победы. Следовательно, мы должны искать в смирении, но без страха – в ясности ума и с верой в душе – путь к Преображению: мы можем встретить наш наивысший кризис, как Иисус, и сделать его алтарём нашей победы.

2. СУЩНОСТЬ И СУБСТАНЦИЯ

«потому, что буква убивает, а дух животворит»

2-е послание Коринфянам 3:6

«Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине»

От Иоанна 4:24

В любой великой религии следует различать два основных фактора: первый это то, чему Основатель учил, и второй – результаты влияния, которое было оказано на учеников Его личностью и образом жизни.

Учение Основателя может быть (а может и не быть) точно и полностью зафиксировано, и разные виды неверной интерпретации могут искажать учение. Конечно, это рождает большие сомнения относительно того, что имела в виду Бого-освещённая личность, и что эта личность хотела передать ученикам и последователям, часто неподготовленным и ещё не вполне твёрдым. Но если этот фактор зачастую ведёт к непониманию, второй фактор, даже более вероятно, отклоняет от духовного импульса, приводящего в движение божественный Идеал.

Учение должно запечатлеть личность и жизненный путь своего Учителя реалистично и ярко для тех, кто придёт после Его ухода. Особенно там, где по причине моральной и духовной высоты (или ментальной глубины) учение принимается нелегко, потребность драматизации личности и жизни Учителя становится настоящей. Только эта драматизация, это назидательное обращение к коллективному воображению, вместе с ощущением чуда у всех людей, может пробудить эмоциональный взрыв и привести в движение силу веры – совершенно необходимую для того, чтобы тысячи последователей встали на неровную, и даже трагическую, тропу Апостольства. Только так можно заставить людей почувствовать, что новая религия отвечает на их запрос. Эта драматизация, таким образом, является необходимой формой великого духовного импульса, лежащего в основе религии и выглядит историческим обстоятельством; однако, между этой драматизацией и более простым и очевидным, вневременным и более существенным посланием божественного Учителя существует очень глубокое напряжение – и часто проявляется коренной конфликт, имеющий тенденцию к эскалации.

В случае христианства эти два фактора особо отделены друг от друга; и это условие скрывает далеко идущий смысл. Записей учения Иисуса, фактически, совсем не много, и период его личного влияния на своих современников был очень краток. Кроме того, глубоко впечатляющий драматический характер Его жизни и смерти, вместе с перспективами, открытыми этой жизнью всем уверовавшим – они просто ошеломляют, но всё же и вдохновляют – таковы, что требуют особого рода интерпретации. Этическое учение Иисуса было простым, но требующим полной переориентации сознания и эмоциональной жизни ученика. Появления самого Учения, по-видимому, было недостаточно для покорения мира; оно не воспринималось как убедительный и необходимый ответ на запросы, возникшие в жизни разнородного, сломленного и поставленного в тупик населения Римской Империи.

И всё же, христианство одержало победу и распространилось по Средиземноморью. Оно, без сомнения, победило (в значительной степени) благодаря ярко драматичной силе изложения, присущей Апостолам (особенно Павлу), почерпнутой из напряжённости их собственного опыта – неотвратимого и мучительного. Христианство одержало победу как новая религия-мистерия, основанная на событиях жизни Иисуса Христа – событиях, превращённых в субстанцию **мифов** исключительной красоты и силы, интерпретируемых как символ универсального значения и непосредственной обоснованности: возможного решения психологи-

ческих конфликтов раздробленного общества.

Великое религиозное движение – многим оно представляется совершенно особым – в своей основе всё же соотносилось с «культами-мистериями» дохристианских веков и было знакомо восточно-средиземноморским народам, как образ погибшего спасителя, бога мучимого и убитого врагами, и мистически воскресшего после схождения в преисподнюю. Драма смерти и воскрешения воплощённого бога несомненно имеет очень древние корни – корни исторические, простирающиеся по крайней мере, вплоть до так называемых «виталистических» времён, когда сельскохозяйственные культуры расширялись вдоль берегов великих рек: будь то Жёлтая река в Китае, Инд в Индии, Евфрат в Месопотамии или Нил в Египте. Раннее христианство опиралось на силу этих корней, и невозможно понять полное значение христианства без осознания того, откуда происходит это широкое движение религий-мистерий, и каким подвергается изменениям на своём непростом пути. Историческое христианство привнесло нечто трансформирующее в это движение – с тем, чтобы в результате полностью в себя вобрать.

Сельскохозяйственные общества, получившие свою родовую жизнь благодаря выше упомянутым рекам, преимущественно занимались земледелием и скотоводством и таким образом были связаны с процессом умножения жизни, ежегодным циклом воспроизводства семени, чередованием сезонов, то есть периодическим подъёмом и убыванием великих вод, что представляло реальную для них ценность, являясь содержанием земного ритма плодородия. Это основное занятие людей привело к необходимости создания календаря; и следовательно – к изучению движения Солнца и Луны, которые стали небесными символами мужской и женской полярностей единой жизненной силы. Созвездия, через которые Солнце в небе двигалось к северу или югу, совершая свой ежегодный путь, стали космическими формами небесных Существ Творческой Иерархии Создателей, благотворных (или неблагоприятных) относительно сезона, в котором Солнце их пересекает. Затмения стали предзнаменованиями зла. Регулярные циклы повторения соединений больших планет, Юпитера и Сатурна, стали ассоциироваться с ростом империй и успехами или провалами предприятий королей. Таким образом, архаический человек открыл в себе способность прозревать лучшие условия для посева семян, для размножения скота или возрастания числа племени за счёт войны.

Со временем, эти изначально утилитарные и прагматические занятия достигли высокого уровня – религиозного и мистического. По-видимому то, что в более ранний период (в 3-м тысячелетии до н.э.) было вопросом физического сохранения группы, преобразовалось в вопрос более высокого уровня, превосходящего земной и психологический. Ежегодная прецессия Солнца, Луны и звёзд, таким образом, интерпретируются как сложный и драматичный символ психо-духовных событий и процессов, которые **могут** происходить в человеческой душе.

Эти внутренние процессы не происходят сами по себе, но при определённых условиях могут происходить. Подобно садам Месопотамии и Египта, существование которых зависит от ирригации, – рост и дальнейшее цветение человеческой души зависят от духовного орошения и культивации. Душе нужен Садовник для процесса её развёртывания от состояния семени-потенции до растения-актуальности. Этот духовный Садовник должен проложить каналы для Вод великой Реки в потенциальный Сад индивидуальности. Тогда Пустыня земного человеческого существа сможет покрыться зеленью жизни; Птицы и Пчёлы смогут быть привлечены в него; сможет открыться мистический Лотос духо-проявленной души; и Семя Бессмертия, таящее в себе Жизнь Вечную, может быть сформировано.

Всякий, кто знаком с мистическими письменами восточных народов, древними или современными, вспомнит постоянное использование аллегорий, на которые я ссылаюсь. Всякий, кто хотя бы поверхностно знаком с религиями Египта, Крита и мистическими культами Греции, имеет некоторое представление о **мифах** Озириса и Диониса или о «Солярном мифе», – они постоянно привлекали внимание этнологов и историков 19-го столетия – о двена-

дцати Подвигах Геракла (перекликается с 12-ю созвездиями) и т.д. Эти **мифы** не только произвели неизгладимое впечатление на египетское, критское и вавилонское мышление, но утвердили **внутреннюю религию** – мистическую жизнь – рационалистической Греции. Орфические, элевсинские мистерии, культы Кибелы, Персефоны и Дионисия были основной движущей силой религиозной жизни Эллинистического мира, простирающегося от Персии до Испании. И **«миф Христа»** имеет прямое происхождение от духовной родословной древних Мистерий.

Действительно, «языческие» празднества, которые отмечали важные моменты годового цикла во всех «виталистических» религиях имеют удивительно близкие эквиваленты в годовом цикле праздников христианства (на новом уровне значения), особенно в наиболее ритуалистических церквях. Большое количество документов, например, трактаты, написанные сирийскими христианами во времена крестовых походов, показывают прямую связь многих фрагментов католического ритуала с древней традицией религий-мистерий: пифагорейством, восточной и египетской алхимией.

В этом смысле христианство может быть (это весьма распространённое мнение) новым синтезом и вливанием новой энергии в религиозные мистерии восточно-средиземноморского мира. Но что именно произвело эту «ревитализацию» древней традиции? Что заставило, глубоко абсорбировав, вытеснить эти архаические эллинские культы? Один великий новый факт: **человек, Иисус, фактически воплотил в своей индивидуальной жизни мифы рождения, смерти и воскрешения бога.**

Человек! Живая актуальность, – а не просто символическая драма, аллегория, основанная на циклическом движении Солнца и созданная пронизательным умом малого числа жрецов и посвящённых! Это правда – в Элевсине и в других местах, – участвующие в Мистерии, находясь в эмоциональном экстазе, были движимы стимулом пережить отождествление с умершим и воскресшим богом или богиней. Однако, вряд ли они верили, что их бог жил среди них физически, как совершенно человеческий субъект – терпя и страдая по-человечески. Апостолы, однако, свидетельствовали о человеческой природе Иисуса. И именно **человеческая природа** Иисуса, возможно больше, чем божественность Христа, пробудила воображение и пыл средиземноморских народов, зашедших в тупик уже поблёкших культов многочисленного пантеона богов.

Другой фактор великой значимости, сделавший христианство новым видом религии-мистерии: оно перестало быть тайной религией, предназначенной для малочисленной элиты. Христианство звучало как открытый и универсальный *набат преданных*, который слышен любому мужчине и любой женщине, где бы то ни было, без какого-либо разделения по расовым, социальным или религиозным признакам. Так было. По крайней мере, так возвестил это Павел по всей Римской Империи. Как мы видим, и это кажется ясным, – Иисус предвещал универсальность учения Евангелия для всех наций и народов на земле.

Так, Иисус, человек, пережил полноту драматизма Мистерии и в действительности достиг божественного состояния бессмертия **в «воскрешем» теле**; и таким образом, **как результат**, Мистерия с этого момента стала вполне реальной потенциальностью, открытой для всех. «Семя» – это потенция. Оно может постепенно превратиться в «полное дерево». Таковы были два вдохновляющих факта, которые явились вызовом, и вызов христианства был брошен всему греко-латинскому обществу.

Третьим и неизбежным фактом было то, что если семя-потенция есть в каждом индивидууме («Царствие Небесное внутри вас...подобно семени горчичному...»), то нет человека, который понимая и чувствуя, хоть в малой степени, огромное и принципиальное значение этого откровения, **мог бы себе позволить не предпринять хотя бы «что-то» в этом смысле.** Иисус не только показал это «зерно», но также учил, как совершенный Садовник, каким образом это семя может и должно быть культивировано, чтобы оно произвело богатый плод.

Его учение, в этом отношении, утверждает этическую часть послания – доктрину

любви, благосклонности, мира – Золотое правило. Его основная формулировка дана в Нагорной Проповеди. Живите согласно учению Проповеди, и вы достигнете другой горы, Горы Преображения, на вершине которой божественный Христос и человеческий Иисус не только понимаемы как одно, но и **видимы** учеником как одно, в краткий момент откровения. Это есть краеугольный камень новой Мистерии, важнейший факт христианства. Распятие и Воскрешение – происходят отсюда. Преображение делает Распятие **неизбежным**, если принять во внимание нравы общества того времени. Оно делает Воскрешение **возможным**.

Утверждать подобное – значит, однако, не следовать традиционному представлению, составленному церквями на основе (понимания) христианской Мистерии. С точки зрения этих церквей (и официальной христианской теологии), я не включил сюда самый характерный, возможно самый важный, элемент. Элемент этот – доктрина искупления греха силой Страдания Христа за вину других. Это та самая доктрина, которая придала историческому христианству его наиболее характерную черту, акцентируемую церковью особо.

Учил ли Иисус этой доктрине? Не существует доказательств того, что Он учил этому во время своего публичного пастырства. Как мог он учить этому людей прежде Голгофы, где страдания свершились!?

Самое большее, что он мог сказать, это слова в завершение сцены Тайной Вечери, которые приписаны ему Евангелием от Матфея: «Ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая **во отпущение (remission) грехов**». Однако слов, выделенных курсивом нет в Евангелии от Марка, которое (в основном) следует варианту текста Матфея; и параллельно стоящее высказывание у Луки – «Сия чаша есть новый завет в Моей Крови, которая **за вас** проливается» – несёт несколько иное значение, в то время, как евангелист Иоанн вообще не упоминает об этом в своём превосходном описании пасхальной трапезы. Таким образом, весьма возможно, что слова «во отпущение (в прощение) грехов» являются более поздним дополнением, сделанным для укрепления доктрины, которую некоторые Апостолы, и особенно Павел, выводили как **личностный отклик** на ужасающие драматические события Распятия и Воскрешения Христа в «вознесённом теле».

В идее «оставления грехов» через кровь жертвы прослеживается подоплёка иудейского наследия Апостолов. Религия иудеев действительно подчёркивала это понятие – и даже более того, **чувство** – вины и первородного греха. Это созвучно непримиримым упрекам и обвинениям из уст Пророков в том, что люди постоянно попирают божественный Закон и впадают в «поклонение чужим богам». Иудейская история – это история разделения, поражения и подчинения, с кратковременным периодом славы. Страстное желание возрождения былой славы стимулировало иудейское воображение: ожидание Мессии, который будет Мстителем, Искупителем и Спасителем, а также и Царём нового Мессианского Царства – было значительной характеристикой коллективного сознания Апостолов.

Психологически легко понять откуда взялись глубоко укоренённый в психике Образ и коллективная жажда, и почему они попали в повествование о Тайной Вечери. Эта сцена была, по-видимому, единственным моментом (и местом), где Иисус мог, предположительно, говорить своим последователям о том, что его смерть, которая произойдёт вскоре, может иметь значение жертвы. Ученики, естественно, интерпретировали это утверждение, и позже стали говорить об этом, как об искуплении в иудейском традиционном смысле – о жертвоприношении агнца во время празднования дня весеннего равноденствия, при вхождении солнца в зодиакальный знак Овна.

Когда христианство стало пониматься как новая религия-мистерия, особенно благодаря апостольскому усердию Павла, тогда стало естественным эту доктрину Искупления, задуманную Богом как «прощение» и нейтрализацию факта впадения Человека в первородный грех, включить (инкорпорировать) в новую Мистерию. Это было просто, поскольку древние Мистерии в течение веков содержали «сакральные празднества», на которых посвящённые принимали ритуальную пищу (причастие), свидетельствуя своё мистическое участие в весне,

то есть в возрождающейся на земле жизни.

Картина такой сакральной пасхальной трапезы встречается в повествовании Иоанна. Но что кажется характерным для Павла, и по крайней мере для некоторых Апостолов, так это более острый и драматический элемент, встроенный в Мистерию-ритуал – это эмоциональный аспект освобождения, глубоко прочувствованное личное переживание свободы от «тленного тела» – свободы через смерть, мистически трансформированную в *над-природный* вид бессмертия.

Таким образом, Распятие – божественное жертвоприношение – стало центральным событием (ритуала) жизни Христа. Оно стало божественным Законом, **par excellence**. «Любовь Бога» стала восприниматься как действующая Законом и через этот Закон. Любовь Бога заключена в Нём: так Он приносит в жертву Своего едиnorodного Сына, чтобы освободить человека от первородного греха. Смерть становится демонстрацией этой любви даже более, чем жизнь; отрицание отрицания (отпущение греха) занимает место творческого утверждения в умах и душах типичных христиан.

Религии-мистерии восточно-средиземноморского мира в корне своём являлись **религиями жизни**. Смерть представлялась в них лишь кризисом, направленным к ещё большей жизни. Семя умирает в почве во время прорастания не для того, чтобы «спасти» элементы той почвы от первородного греха, но для того, чтобы интегрируя химические вещества из почвы в новое растение (оно способно дать много семян), жизнь могла бы развиваться «полномасштабно». Прорастание есть необходимое событие в жизни семени, но этот факт не главный; более важным фактом является то, что **в семени сфокусирована потенция вечной жизни и циклического возрождения**.

Древние религии-мистерии прославляли этот центральный факт, и стремились заставить каждого участвующего **прочувствовать и испытать его реальность на психодуховном уровне**. Они использовали биологический феномен как символ; более того, они использовали представление о нём как о «магическом» средстве для того, чтобы привести участвующего в мистерии к идентификации себя с творческим процессом жизни на любом уровне; чтобы в самом деле обладать Жизнью в сфокусированном, индивидуализированном и творческом выражении.

В христианской религии-мистерии также присутствует отождествление с Христом, распятым и воскресшим божественным Существом. Но здесь разница заключается в **психологической мотивации** отождествления. Страстное желание Павла стать свободным от греха, быть распятым («ибо тот кто мёртв, свободен от греха») таково, что умереть подобно Иисусу для него значит – «...должны быть соединены и подобием воскресения» (К Римлянам 6:5). Его страстное желание искупления и спасения происходит из жгучего и неотступного чувства вины, причиной которого, возможно, являются воспоминания о ранних годах своей жизни, когда он подвергался гонениям последователей Христа.

Такая позиция, напряжённо личная и острая, была не знакома представителям греческой и египетской цивилизаций; но она завоевала для христианства горячую, даже страстную преданность людей дезинтегрированного эллинского общества. Христианство распространялось как религия «Падения и Искупления» человека, и Христос в ней – это уникальная мистическая возможность Спасения; и этот «Образ Христа» доминировал в европейском христианстве и его мировой экспансии. Такой «образ» не возникает прямо из слов Иисуса, по крайней мере, из тех слов, которые нам известны! Он основывается на интерпретации событий его жизни. Точнее, образ является результатом соединения жизней некоторых из его последователей с Его жизнью. Он обозначает путь, следуя которым последователи сделали события жизни Христа **ответом на их личные проблемы – и шире – проблемы человека своего типа в то время**.

Если попытаться отделить такое понимание Иисуса ранними иудейскими последователями от христианства, которое со времён средневекового Рима доминирует во всей Европе,

останется: 1) этическое и духовное учение Иисуса; и 2) великая драма Иисуса, как инкарнации Христа. Эта драма сохранит свой характер и значение, как символический ритуал божественной манифестации и работы; но она утратит трагическую и мрачную эмоциональную атмосферу, которой основательно пропиталось средневековое христианство, и которая до сих пор ощущается в большинстве традиционных церквей в наше время.

Освобождённая от этой психологической темноты, этого отрицания жизни и этого стремления к освобождению через искупление, жизнь Иисуса Христа проявится как субстанция новой мистической религии. Новой и отличающейся от древних эллинистических, эту религию-мистику делает великое откровение, принесённое Иисусом человечеству – откровение любви, которая есть сама суть Бога. Любви, которая может завоевать мир, поскольку она универсальна и «небесна», она – преображающее выражение жизни.

Бог Иисуса – Бог, который есть **любовь**, подобно тому, как Бог дохристианских мистерий, был Богом, понимаемым как **жизнь**. Древний Образ вселенских Вод Жизни, проистекающих с небесного солнца был преобразован в излучающий свет, Образ божественной любви, проливающейся на людей, дающей всем людям силу Духа Святого. Он нисходит в мир **от** Отца-создателя, и **через** Сына, Христа.

Посредством такого преобразования Иисус трансформировал саму суть мистерии. Он придал религии-мистерии новое качество, новую цель, новое осознание значения бессмертия. Он придал ей новую мораль, новый духовный тон. И этот тон создал историю. Тот, кто способен изменить основной Образ, который люди цивилизации придают Богу и жизни, всегда делает историю. Но изменение, пришедшее с Иисусом, было фундаментальным. Оно подняло сознание, – или более того – чувствующую природу человечества на следующий уровень. Такое «повышение уровня» было, очевидно, потенциальностью более, чем актуальностью, ибо западный мир не был свидетелем примеров «такого повышения» уровня эмоциональной природы за прошедшие девятнадцать столетий. И всё же можно сказать, что духовное начало – «семя» – начало новой эры, стало ясно различимым.

Дух этой эры в значительной степени уже был проявлен в реформе буддизма, которая имела место в северной Индии примерно за одно столетие до времён Иисуса (буддизм Махаяны). Но Иисус не только говорил и учил Мистерии, он исполнял её. **Он представлял Христа.** Это был Христос действующий, Бог-в-действии. Через эту мистику-представление, которой была его жизнь, он высвободил в человечество божественную силу, Импульс Христа. И этот импульс определённо возвестил начало новой эры человеческой эволюции. Он привёл в движение новый ритм духа. Он сделал божественную любовь человеческой и установил эту любовь как основание на земле, как источник нового человеческого цикла, как «живое Дыхание», которое не прекратится и через тысячи лет.

Это «живое Дыхание», этот импульс Христа так же реален, так же жизненно важен сегодня – так же, как при Крещении и Преображении; и слова Иисуса Христа всё ещё являются каналами, через которые распространяется любовь Бога – «идеи-семена», способные к рождению множества будущих цивилизаций. Эти два фактора **составляют** сущностное христианство. Всё остальное это интерпретации и формулировки. Всё остальное это определённые исторические ответы, которые, так или иначе, служат историческим потребностям конкретных обществ.

Такое заявление не делает эти исторические ответы менее ценными или менее реальными; но показывает, что они принадлежат к разным уровням истины и реальности. Каждый новый цикл цивилизации требует новых интерпретаций и формулировок. Каждая определённая фаза этих циклов подчёркивает определённые характерные черты основной интерпретации. Здесь помогает всё, что исторически значимо, и что морально (духовно) трансформирует общество, обращённое к этим чертам. Но это есть «исторические» ценности – не «сущностные». И доктрина искупления и прощения греха не является сущностно христианской ценностью. Это интерпретации, даже при том, что они были без сомнения необходимы и неиз-

бежны во времена апостола Павла, как средства становления христианства, как «несущая волна» великого лейтмотива божественной любви.

Что существенно в христианстве, так это учение о божественной любви и всечеловеческом братстве; учение о Боге как об Отце для всех, как о творческом принципе, обитающем не только *в* и *вне* космоса, но также на «Небесах», которые присущи каждому индивидууму, которые есть «Царствие внутри». Что существенно, так это Мистерия, в которой Бог нисходит к человекам, а человек восходит к Богу; и в которой оба могут быть объединены в вечном и универсальном Иисусе Христе, Которым **может** стать «любой» – вы или я, сейчас или в другую отдалённую эру – соответственно нашей готовности, вере и отваге. В этой мистерии пребывает источник ценности и достоинства любого человека, и факт в том, что каждому человеку неотъемлемо принадлежит потенция истинной индивидуальной ответственности, свободы и творчества. И это – суть демократии.

В таком сущностном христианстве, тем не менее, остаётся место для идеи «спасения», поскольку там, где есть любовь, там есть и воля к спасению того, кто «потерян», к исцелению того, кто болен. Но спасение может быть интерпретировано различными способами и на нескольких уровнях. И прежде всего: **качества чувств и средства, используемые** в процессе спасения и исцеления могут сильно различаться.

Каждая цивилизация отличается некоторыми характерными человеческими чертами, позитивными и негативными. И если она возвеличивает некоторые ментальные способности или определённый стиль отношения к жизни, то скорее всего она встретится и с «тенью» этих своих добродетелей. Там, где есть глубокое и беспомощное коллективное чувство вины и «комплекс отца», – там, для эмоциональной и незрелой личности, спасение представляется возможным только в терминах некоего внешнего и опосредованного искупления. Кажется, что освобождение от объективированного и реально угнетающего зла находится за пределами всех индивидуальных усилий; только вещественное и реальное жертвоприношение божественного Существа кажется нам достаточно сильным и эффективным для преодоления судьбы.

Однако условия существования и потребности человечества изменяются. Образ Бога, который воспламенял воображение множества людей веками, блекнет и пустеет в своём духовном значении в глазах приходящих поколений. Становится необходим новый Образ. Сначала он обретает форму в умах некоторых, кто имеет видение, затем распространяется среди многих, становится центром, через который струится новая витальность, новое вдохновение, и сила для преображения, спасения и исцеления – сила божественного света и божественной любви.

Этот «Образ Бога» является самой душой цивилизации; из него происходит не только религия и этика, но все аспекты культуры, – так же дерево происходит из исходного семени. Европейское христианство падало ниц к ногам распятого Спасителя, смертью искупившего давний Первородный Грех, который люди, очевидно, не в силах преодолеть. Теперь христианству следует перефокусировать свою веру и преданность на новый Образ Бога, Отца – Образ, излучающий творческую активность; новый Образ Христа – Христа Преображённого – чья **жизнь** исцеляет, а **освещённая любовь избавляет** от всего омрачающего, от психологических конфликтов любого рода. Если бы это было сделано **скоро** и эффективно, мы действительно смогли бы увидеть «новые небеса и новую землю»; и была бы радость и покой среди людей.

Это вызов нам, живущим во времена перехода из пройденной эры в грядущую. Мы должны создать новые Образы и придать сущностному христианству новые формулировки. Радикальные социальные и гуманитарные изменения, произошедшие на земле со времён индустриальной революции требуют (от всех нас) определённого творческого усилия – не большей продуктивности или числа машин, не всё более изощрённого оружия или медикаментов, действующих более эффективно, но новых Образов Бога, жизни, человека. Новое

христианство может быть перекристаллизовано вокруг этих Образов и засиять снова, излучая творческую витальность, силу ума и души, которые берут начало в духе, и только в духе.

3. СТАТЬ «БОЛЬШЕ-ЧЕМ-ЧЕЛОВЕКОМ»

«Ещё другой сказал: я пойду за Тобою, Господи! но прежде позволь мне проститься с домашними моими. Но Иисус сказал ему: никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия»

От Луки 9: 61,62

Тот, кто действует духом во Имя, делает это, отвечая на «необходимость времени». Поэтому путь реализации духа в любые времена – это путь от и через «внутренний запрос» к решению этой необходимости. Часто это трагический путь, но это есть путь человека.

Через опыт острого переживания неотложности собственной жизни, но **не** будучи подавленным и побеждённым ей, индивидуализированный и сознательный человек – а это человек, последовательно стремящийся к установлению сонастройки ритму творческого духа – со временем, находит ответы на эту необходимость. В этих ответах и через них он приходит также к опыту переживания духа, от которого происходят все решения сущностных потребностей; он видит активную реальность духа и исцеляющее Присутствие Христа. Он узнает Бога, Творца, через своё переживание творческого духа, поскольку дух творит в нём и через него, каким бы ни был «запрос времени».

Однако, эти потребности, будь то потребности общества как целого или потребности отдельного человека, должны быть настоящими и существенными, поскольку ожидается, что они вызовут ответ от духа. Таким образом, первая проблема состоит в том, чтобы отделить реальные потребности от поверхностных желаний или требований телесной, эмоциональной и интеллектуальной жизни. «Новый образ Бога», который мы хотим объективно вызвать и сконцентрировать в нашем веке, станет духо-рождённым Образом, если ответит на насущные потребности современного человека. Поскольку эмоционально мы чувствуем, что нуждаемся в «искуплении» нашего тревожного чувства вины и неудачи, то Бог, вероятно, принимает форму Исккупителя. Если мы испытываем голод, лишены самого необходимого или томимы желанием физического комфорта и благополучия, мы можем вызвать Образ Бога как верховного Производителя. И всё же это могут оказаться Образы, несущие не самые сущностные ценности наших дней, поскольку потребности, которые они удовлетворяют, вряд ли окажутся потребностями наивысшего и главного значения, несмотря на их повсеместное проявление в прошлом и настоящем.

Каковы же тогда сущностные потребности современного человека и современного общества? Действительно ли это известные нам, наиболее популяризированные потребности личной «нормальности», большего материального благополучия и большего количества устройств, интеллектуальных достижений и эффективных методов?

Нет, не они являются наиболее сущностными потребностями современного человека, хотя императивно выглядят именно так в наше время войн – время эмоциональной и финансовой незащищённости. Они подменяют таковые, поскольку всякому, кто знаком с историей прошлых цивилизаций, возвышавшихся и сгинувших, должно быть ясно, что есть вещи, которые кажутся столь необходимыми сегодня, но они **сами по себе** так и не приносят людям ожидаемого, несмотря на их упорство. Поиск защищённости в мире любой ценой ведёт, в лучшем случае, к инертной удовлетворённости и стагнации, а вскоре приводит и к внутренней дезинтеграции. Материальные достижения ради самих достижений проецируют на внутреннюю жизнь тщетность рациональных расчётов; и великие интеллектуальные триумфы, не стимулированные духовной целью и направляемые целями **иными**, в конце концов, оказываются деструктивными для естественной гармонии личности и телесного здоровья. Таким образом, общество, в котором погоня за материальными и интеллектуальными достижениями

ценится выше всего остального, в своё время сталкивается с моральным и духовным коллапсом.

Таковы факты духовной истории человечества; и эти факты сегодня звучат для нас трагически остро. И всё же большинство не видит этого. Если бы мы осмелились посмотреть этим фактам в лицо полностью открытыми глазами, умом и душой, мы были бы вынуждены что-то предпринять.

Нам пришлось бы действовать новым способом – тем самым, который был показан Христом. Мы должны были бы думать на основе нового подхода к истине – Истине, в которой жил Христос. Мы должны были бы трансформировать нашу жизнь и жить согласно одной единственной великой цели: переживать, в какой бы то ни было малой степени, Преображение – **наше** преобразование.

Так жить, так думать и так чувствовать очень нелегко; это требует чрезвычайного мужества, интеллектуальной честности, веры и благородства намерений. Сегодня это очень трудно от того, что совместные достижения нашей цивилизации весьма велики, и это ставит нас в положение молодого человека из притчи (от Матфея 19:21-23), имевшего большое имение. Он искренне просил Иисуса сказать ему, что следует сделать доброго, чтобы иметь жизнь вечную. Получив ответ, юноша отошёл с печалью и заплакал, так как не имел мужества (духа) расстаться с богатым наследством («продать имение» и раздать всё нуждающимся).

Современный человек сталкивается с похожей ситуацией. Его материальные и интеллектуальные достижения, особенно за последние 500 лет, поразительны. Все мы находимся под сильным давлением этого величия. Каждого школьника учат рассматривать эти достижения как однозначно великие. Человек вынужден считать естественной ценностью таковых и признавать абсолютный характер этой ценности. **Каждый, кто принимает величие своих достижений само собой разумеющимся, навлекает на себя духовное несчастье.** Тот, кто останавливает попытку прояснять цели и ценности претендующих на величие достижений, рано или поздно становится рабом догм и фанатизма. Сталкиваясь с серьёзным вызовом, такой человек или нация проявляет тенденцию к истеричности, скопив груз подсознательных страхов, или ищет убежища в наркотиках и в любых других состояниях безумия.

Материальные достижения, в принципе, означают способность производить необходимое, высвобождать и делать доступной физическую энергию, контролировать и направлять силы природы для удовлетворения желания (воли, will) человека. Эти свершения требуют интеллектуального мастерства и специализированного применения ума. Западное общество мастерски продемонстрировало эти способности. Оно открыло мириады всевозможных технологий и сложных инструментов. Оно размножило себя чрезвычайно и оставило свой след по всему миру. Это и есть величие человека. Но это есть реальное и духовное величие только в том случае, **если** человек и его цивилизация имеют равно великую и значительную цель для свершения этих материальных и интеллектуальных подвигов.

Ценность и цель – составляют первейшие вопросы. Какова шкала ценностей современного человека? Что он ценит больше всего? Какая неотъемлемая и фундаментальная цель заставляет наше общество обслуживать характерный стиль жизни и достижения? Насколько важной и ценной является эта цель, и насколько она соответствует духу Христа и основной судьбе человека, и придерживается ли наше общество этой судьбы?

Именно от ответов на эти вопросы зависит судьба западной цивилизации. И теперь пришло время дать ответ – ясный и определённый: нам нравится продолжать всё это делать или нет. Должны дать ответ, поскольку сталкиваемся с вызовом. Дать ответ, который соответствовал бы духовной судьбе человека. Или навсегда угаснуть (fade) в истории так же, как и многие цивилизации прошлого. Отказ дать позитивный ответ просто подчёркивает ответ негативный, и это соответствует отрицанию высшей власти человека – власти устанавливать цель и сознательно ей придавать независимую (от чего бы то ни было) ценность, а также определять значение своей деятельности и своего существования на земле.

Каково же тогда предназначение человека и сущностная «правда» для него, чтобы сознательно реализоваться, обдуманно принимать, и упорно работая проявить себя? На этот вопрос Христос ответил: **стать более чем человеком**. Не только нормальным человеком, то есть зрелой и культурной личностью, – но *больше-чем-человеком*; существом не только относительно совершенным, но **интегрированным в божественный замысел**. И в некоторых случаях – божественным существом. Сущностная правда и реальность человека, таким образом, состоит в том, что потенциально он является божественным человеческим существом. Бог спускается для того, чтобы встретить человека, человек поднимается, достигая Бога. «Душа» есть Священное Место, где происходит союз неба и земли. От этого союза рождается *больше-чем-человек*, человек «во Христе» (Christed). Он рождается в новой реальности или измерении бытия и сознания, согласно новому ритму существования. Его деятельность уже не является только развитием сюжета, всецело поглощённого слепым диктатом «жизни» и жизненных инстинктов; он манифестирует новое качество – новую силу как побочный результат. Этот человек действительно принимает участие, в какой бы ни было малой степени, в творческой деятельности Бога, Создателя и Отца. Вначале не вполне твёрд, но он находит себя принадлежащим порядку новому – Творческому Порядку, который есть «небеса». Несмотря на то, что он живёт на земле и в теле, сложенном из земной субстанции, он есть «в небе», и небеса внутри него.

Это состояние интеграции Бога и человеческой природы в *больше-чем-человеке* для всех, кроме небольшого числа людей здесь и там, остаётся вопросом будущего. Мы можем назвать это состояние следующей ступенью человеческой эволюции, если стремимся соответствовать картине, нарисованной западной наукой. Но **побудительная сила** этой эволюции обнаружена, с точки зрения христианства или любой другой великой религиозной традиции, не в возможности (или принципе) адаптации к окружающей среде, а в последовательном «схождении» духа. Современное состояние человека разворачивается в будущее положение *больше-чем-человека*, **потому что** это будущее влечёт настоящее к себе. Будущее всегда притягивает настоящее к себе, но лишь настолько, насколько оно оторвалось от прошлого. Будущее приобретает форму и воплощается в настоящем; в противном случае инерция прошлых привычек и память прошлых провалов утащили бы настоящее обратно в прошлое, и развитие стало бы просто невозможным.

Это есть основное значение божественного Воплощения (Incarnation). Воплощённый Христос живёт среди обычных людей повседневного настоящего с тем, чтобы им видеть, какими они могли бы стать и (в конечном счёте) станут в будущем. Христос, как Иисус, ходящий (walking) среди людей, призывал их к будущему состоянию больше-чем-человека. Он, ставший плотью и кровью, есть будущее человека: и только ассимилируя (т.е. становясь похожим на) это будущее, человек может стать *больше-чем-человеком* по образу и подобию Бога-человека.

Это есть истинное значение Искупления. Будущее «избавляет» настоящее человека от тяжёлого груза его прошлых ошибок и тени его «грехов». Христос освобождает людей от преследующих воспоминаний, чувства вины, и наследственных тенденций и позиций ума, которые оставили глубокую колею, мешающую любому скорому продвижению на пути к встрече с Богом. Он показывает им сам факт, что эта встреча **есть** в грядущем. Эта встреча и единение с Богом есть «правда» человека. Подразумевается, что и сегодня для «обычного» человека существует возможность демонстрации этой правды; во всяком случае, демонстрация возможна! Иисус, преображённый Христом – Христос, воплотившийся в Иисусе – это есть демонстрация. Она устанавливает в конкретной живой форме единственно человеческую и самую основную цель. Всё остальное вторично, но, возможно, также необходимо и может иметь место «на пути», – на том пути, на котором Иисус был и остаётся для нас Проводящим.

Наше западное общество, хотя и христианское по имени, не смогло сделать его силу,

его «желание сердца» и сопутствующие этому «желанию» ценности ведущей целью человеческого преобразования. Идеал, которому оно действительно поклоняется, по существу, не есть «более-чем-человек», или человек во Христе – но скорее «возвеличенный и улучшенный человек», талантливо демонстрирующий материальную или интеллектуальную силу и авторитет социально успешного субъекта. Разница между этими двумя человеческими идеалами существенна. В обоих случаях, это верно, желанная цель предполагает увеличение – становление чем-то большим. Но **уровень**, на котором происходит процесс роста, чрезвычайно различен в каждом случае.

На уровне «жизни» и жизненных инстинктов, рост (экспансия) мыслится в терминах расширения окружения. Жизнь стремится завоевать пространство. Она постоянно нуждается, или чувствует, что нуждается, в большем жизненном пространстве – *lebens-raum* в немецкой геополитике. Сталкиваясь с кризисом, жизнь, как таковая, всегда представляет себе, что кризис может быть преодолен поглощением других жизней и расширением в пространстве. Больше и больше должно прирастать ко мне – таков принцип экспансии жизни, её способ становиться более значительной.

«Дух», с другой стороны, двигается вперёд через перенесение центра бытия с одного уровня на другой – следующий. Символически, это может быть определено как «вертикальная» экспансия, и как достижение большей высоты, в отличие от стремления жизни к расширению или увеличению просторов. Кроме того, рост на уровне духа может скорее рассматриваться как экспансия в том, что можно назвать «четвёртым измерением» бытия.

Такое измерение характеризуется типическим процессом **взаимопроникновения**: так некто становится не только тем, что он «есть», но благодаря внутреннему процессу коммуникации с другими и отождествлению (с ними) в сознании, становится **более, чем он сам**. Это, однако, не означает поглощения других, но наоборот, являет глубокое участие в других. Некто становится «единым с» другими существами, единым с «сообществом» существ; и в конечном итоге, единым с Богом, который есть Гармония, Единство и Совершенство, также как Источник и Основатель всего.

Суть этого процесса экспансии в духовное четвёртое измерение заключена... в «любви». Это любовь Христа, божественная любовь, которую Он провозгласил «новой заповедью» – знаком, отличающим его учеников повсюду, если они делами подтверждают Его Веру. Такая любовь – сигнатура развёртывания человека в *больше-чем-человека*. Только через божественную любовь может происходить смена уровня, преобразование эго в душу, и ценностей «царства жизни» в ценности «царства духа». Такая трансформация ценностей – ключ сущностного христианства.

Это царство, или уровень духа, есть царство небесное. «Царство небесное **внутри вас**» – сказал Иисус. Оно есть внутри каждого индивидуума, который хочет и может перенести центр своего бытия – свои желания и свои мысли – с уровня «жизни» на уровень «духа». Для того, чтобы стать больше-чем-человеком, необходимо принять ритм духа, ритм творческого, божественного света и любви. Принять этот ритм, значит принять «путь и истину, и жизнь» того, Кто пришёл на рассвете западного общества, как Источник и Проводник человека будущего.

Наше западное общество, на самом деле, не приняло этот путь в коллективное сердце и разум несмотря на торжественное утверждение веры в Христа. Только некоторые индивидуумы, здесь и там, ответили на призыв, и осознанно, упорно, верно встали на путь, освещённый замыслом Христа: стать *больше-чем-человеком*. Подавляющее большинство людей продолжают поиск решений ради получения удовольствий и вечно ускользающей безопасности в «царстве жизни» и завоевания его пространства. Люди, страстно желающие соответствовать стандарту и быть социально успешными, активно (и часто яростно) пытаются увеличить конфигурацию своих тел, интеллекта, но также и своих владений, путём поглощения и переваривания пространства вместе с попавшимися под руку «соседями». И поэтому нет

конца алчности и войнам, зловредному соперничеству и низким желаниям, похоти и преступлениям, болезням и безумию. И не будет, и не **может** быть конца этим трагическим признакам «царства жизни», поскольку жизнь это бессознательные инстинкты и навязчивые желания, – жизнь стремится продолжаться и хранить себя, большую и лучшую, но **не** стремится себя преодолевать, становясь *больше-чем-она-есть*.

Правда, такой поиск преодоления себя, время от времени обязательно манифестирует себя среди живых организмов; но там, где это проявляется, мы видим дух за работой. Проявляется творческая мутация и находит прибежище Царствие Небесное. Там предчувствуется божественная любовь и в мимолётном отсчитывании ударов пульса «жизни» открывается присутствие Христа. Только в человеке может это присутствие стать актуальностью; ибо только в человеке творческий дух может быть выражен в **сфокусированной** манифестации. И как только это происходит, человек начинает быть *больше-чем-человеком*, отличаясь от *больших людей*, гордящихся своей безмерной производительностью, своими потрясающими интеллектуальными способностями, контролем над силами природы, но всё же обезумевших от своих подчас неразрешимых проблем – тех проблем, что кажутся заколдованными: отравляют ум и калечат тело!

Продуктивность ради того, чтобы стать больше – это цель, имеющая ценность и значение только на уровне «жизни». Она соответствует огромной силе репродуктивности, находящейся в более ранних формах жизни на земле: мириады семян, большинство которых никогда не пустят корней или не превратятся в дерево, или множество потенциальных рыб, которые, – если бы миновали пасти более крупной рыбы – могли бы вскоре перенаселить моря. Это есть пролиферация (быстрое размножение), не творение. Жизнь и всё, что привязано к жизни, размножается согласно бессознательному инстинкту, управляемому непреодолимым желанием само-умножения, отчаянно ищущим безопасности и само-защищённости исключительно количественным путём.

Этот закон продуктивности движет современным человечеством. Очень хорошо это видно на примерах военных стратегий и даже конкуренции. Еда и амуниция должна преодолевать океаны; но океаны наводнены вражескими субмаринами. Тогда нужно производить и производить ... больше кораблей, больше пшеницы, больше танков! Даже если шестьдесят процентов пойдёт ко дну – сорок процентов достигнет места назначения. Велика ли разница между подходом (стратегией) человека и дерева, у которого прорастает одно из десятков тысяч семян, упавших на землю? Вид должен быть сохранён любой ценой – поэтому, чем больше семян, тем лучше!

Это ритм умножения жизни. И человек сегодня так гордится миллионами машин, конвейеров, типографий, выпускающих миллионы бесполезных и духовно пустых газет, журналов, книг и научных трудов – а также гордится колледжами, выпускающими ежегодно десятки тысяч дипломированных специалистов, – а на самом деле, он является рабом упомянутого ритма умножения жизни. Всё, что он сделал, это добавил к своим половым репродуктивным органам иной вид репродуктивности, обеспечиваемый его мозгами. В действительности, обе репродуктивные деятельности сверх активны! Человеческая популяция нашей планеты значительно увеличилась – так же, как увеличилась механистично-интеллектуальная производительность. Больше вещей! Да, но и больше людей, использующих их – это порочный круг! Где этому конец? Подобно зарплатно-ценовой спирали инфляции, это может закончиться только кризисом.

Современный человек уже теперь сталкивается с этим кризисом. И не существует решения, которое могло бы реально распутать на уровне «жизни» множество проблем, рождённых первыми проявлениями кризиса. И только одно устойчивое и существенное решение может быть найдено в позволении творческой энергии духа действовать через нас. Этот путь **духа** является во истину человеческим путём. Путь **жизни**, фактически, для человека является пренатальным или, по крайней мере, пред-индивидуальным путём – путём растительного

или животного человека. Человек становится человеком, в реальности и в «истине», только когда он встаёт на путь становления *больше-чем-человеком*. В этом и заключается характерный динамический характер человека; человек это переход, это движение в сторону существа, которое, сохраняя человеческий характер и форму, всё же является **больше**, чем просто человек.

Именно по этой причине, просто «продуктивность» не может быть содержанием человека; человек может только проявить и продемонстрировать истину человека в терминах творчества. Человек по-настоящему является человеком только когда Бог говорит и действует **через** него; когда индивидуализированная личность является не только потенциально, но в терминах актуальных поступков, «сыном» Бога. Сын наделяется энергиями и атрибутами отца по достижению совершеннолетия. Это то самое «совершеннолетие» человека: принятие наследственной силы – божественной творческой способности, которая так необходима сегодня человечеству; это является необходимостью не только для некоторого числа особых индивидуумов, но коллективной потребностью нашего общества и цивилизации.

Христианская цивилизация, которую мы провозглашаем своей, борется против распространяющейся идеологии, которая сводит все социально-политические ценности к «силам производства» и контроля над этими силами со стороны той или иной социальной группы. Мы, – те, кто озвучивает торжественное заявление христианства – должны заменить это марксистское мировоззрение недвусмысленным и сконцентрированным усилием духовного возрождения цивилизации посредством **живого и растущего опыта отношений с творческими силами Вселенной**.

Такие творческие силы, действующие во Вселенной, существуют. Они постепенно и неуклонно трансформируют Вселенную, делая её *большим, чем она есть*. Но это «больше» лучше понимать как «выше», нежели «крупнее»; строго говоря, универсум устремляется к своему божественному Архетипу путём периодических и циклических **смен уровней**, а не расширяется в бесконечное пространство, как надуваемый шар.

Подобно этому существуют творческие энергии, скрытые в каждом человеке и каждом человеческом сообществе. Мы способны испытывать эти силы, но никогда не испытаем их, пока заняты приростом веса или присвоения пространства; мы никогда не испытаем их, поглощая как можно больше еды, или загружая наш мозг всё большим количеством данных и возрастающим числом возможностей технических устройств. На самом деле, мы притупляем наши врождённые творческие способности, пожирая соседей средствами агрессивной конкуренции и империализма. Творческие силы это есть дух в работе; это есть Бог-в-действии. И основой действия Бога является сущностная любовь, воля к целостности и гармонии. Бог, дух, творческие силы, процесс перехода человека от уровня «жизни» и материально-интеллектуальной продуктивности к уровню «духа» и творческой способности – взаимосвязанные понятия. Нам необходимо сделать эти понятия реальными и действенными в каждом личном опыте. Нам необходимо ввести их в нашу личность. Мы должны построить новую цивилизацию, используя эти понятия как динамический центр.

Как нам действовать, чтобы двигаться к этой цели? Прежде всего, веря с абсолютной убеждённой, что такая цель не только возможна, но совершенно неминуема, и это для нас означает: должны происходить изменения нашей ментальной картины Вселенной, человека, сущностного стремления общества, Бога и отношений человека и Бога. От нас требуется радикальное (т.е. коренное) изменение ума – цена нашей возможности выжить. Это «изменение ума» само по себе может обеспечить трезвое и устойчивое основание веры – веры в творческое действие духа, веры в неотъемлемость и действенность «Отцовства» Бога, Создателя.

Предположение о том, что вера в искупающего грехи Спасителя может сама по себе привести мир к миру и «истинное» (верующее) человечество к божественной идее Человека, стало трагической ошибкой западного христианства. Такое убеждение естественно популяризировалось, поскольку это лёгкий способ отвернуться от коренных проблем человека; на пер-

вый взгляд это избавляет человека от прямого столкновения с опытом «радикального» изменения ума. Но только такое изменение ума может считаться прямым и истинным творческим опытом. Это именно то, на что без сомнения ссылался Иисус, когда он и его предтеча, Иоанн-креститель, призывали людей к метанойе (греческий термин, неверно переведённый как «искупление»).

Сущностная «метанойя» это не эмоциональное искупление так называемых «грехов» или проступков против традиционного закона. Это «выход за границу» (мета) нашей ментальной позиции. Это перемещение центра внимания в индивидуальном сознании с уровня эго, подгоняемого спешащими желаниями «жизни», на уровень души, согретой ожиданием «рождения Христа» в сердцевине нашего гармонизованного существа. Это человек на своём пути становления *больше-чем-человеком*; человек, испытывающий глубокий, полный катарсис (очищение, метаморфозу).

Путь кризиса и катарсиса это путь Креста. Но более этого, есть путь, который начинается на Горе Преображения. Распятие ведёт к Воскресению **только через** Преображение. Искание распятия, без того, чтобы быть способным к переживанию хотя бы частичного преображения, или **метанойи** – это потворничество некоему виду духовного мазохизма. Такой взгляд действительно превалировал в средневековом христианстве. Почему? Потому что всё, что угодно проделать **легче**, чем испытать радикальную перемену ума и перенести центр сознания с одного уровня на другой; всё, что угодно – включая мученичество.

«Вера, которая сдвигает горы», «вера величиною с горчичное семя» – трансформирующая творческая вера. Топография эго, с его горами гордыни и инерции должна быть трансформирована; скрытая божественная сущность в душе, Бог-семя, должна быть пробуждена как творческая сила. Только тогда человек сможет построить «новый мир» в своей собственной личности, и общество, в котором его дети смогут найти подходящую «социальную атмосферу», способствующую разворачиванию их собственного творческого потенциала. Человечество сегодня нуждается в такой вере много больше, чем в изобилии машин и товаров. Но **кто** способен пробудить её в нашем глубоко запутавшемся и большей частью бесцельном поколении, которое боится использовать само слово «вера»?

Основной необходимостью здесь, для современного человека, является полный переосмотр идеи творчества. Творчество – ключевое слово; но мы должны хорошо понимать *что* имеется в виду и не путать мишуру личного само-потакания и само-оформления с чистым золотом истинной творческой активности.

Быть творческим – значит позволить творческому духу, энергии Бога, совершать (perform) **через** человека. Это возможно только на основе: (1) чувства индивидуальной самости и ответственности; (2) позитивного отношения к жизни и обществу, которое основано на чувстве преданности Богу и сущностному благу человечества; (3) готовности делиться и любить; и (4) постоянной готовности принять кризис как процесс трансформации, вместе с верой в неизбежность окончательного перерождения на уровне творческого духа и ума.

Эти главные условия на самом деле подразумеваются в послании Христа. Он дал это послание обществу, которое нуждалось в этом не меньше, чем мы нуждаемся сегодня. Не суть важно, что наши потребности выглядят по-другому, – коллективное сознание нашего общества развивалось в новом направлении и одержимо новыми проблемами. Наша потребность в творчестве приобрела определённый характер из-за преимуществ нашей новоприобретённой способности интеллектуально мыслить и производить невиданный урожай товаров и механизмов. Такая способность может, и до определённой степени должна, означать использование творческой энергии. Означать до той степени, в которой она соприкасается с первоначальным **источником** творческой, трансформирующей силы, так как имеющий видение человек, побуждая внутреннего «гения», трансформирует окружающую среду и излечивает доселе неизлечимые болезни.

С другой стороны, продукты этой деятельности – машины, постоянно умножающиеся

устройства и средства, делающие жизнь «легче» и знание «популярнее», и более того социальный климат и коллективная ментальность при производстве всего этого – имеют тенденцию расширяясь, разрушать творческий потенциал человека. Они поработают человека, давшего им жизнь. Это тонкая форма порабощения; и хотя по причине этой тонкости она часто почти незаметна, – она является наиболее опасной. Самое худшее рабство то, в котором человек не способен желать своего освобождения – то есть которое делает раба не сознающим своего рабства. И злейшим врагом творчества является псевдо-творчество, которое надевает на себя маску «изобретательности», а реально является лишь способностью производить бесконечное количество вариаций на традиционно волнующую тему. Эта способность является интеллектуальным видом размножения и само-умножения **в соответствии с набором доступных идей**. Это нельзя рассматривать как настоящее творчество духа.

Неизбежными результатами такого интеллектуального производства – и что более важно, массового производства – является массовый **автоматизм и слепое следование коллективной норме**. Эти два фактора, доминирующие в современном обществе, являются наихудшими из возможных обстоятельств для творческой жизни – и для реального творчества. В конце процесса, которым они управляют находится человек-робот, «*mass-mensch*», превратившийся в автоматического исполнителя психологически бессмысленных и совершенно не творческих действий, вечно повторяющихся в атмосфере жестокой внутренней борьбы, шума и напряжения. Такой тип частично дегуманизированного человеческого существа бессознательно требует тоталитаризма, а затем установив его, восстаёт против непосильно тяжкого контроля. Такой тип человека не может быть носителем истинной демократии в духовном и творческом смысле слова.

Демократия, как её воспел Уолт Уитмен, и как её видели Джефферсон и Линкольн, постулирует сосуществование внутренне свободных индивидуумов; людей «свободных», поскольку они в состоянии **жить, как индивидуумы с позитивностью, спонтанностью и творчеством духа внутри**. Это люди (фактически цитирую Линкольна), которые отказываются быть господами рабов, поскольку они отказываются зависеть от кого бы то ни было; индивидуумы, которые утверждены в собственной самости, и чьей основной целью является не поглощение других людей или их имущества, но объединение с другими индивидуумами на основе личного товарищества и разделения ценностей.

Быть индивидуумом, производить в измерении духовного замысла, рождённого творческим видением, разделять ценности и результаты достижений со всеми «соседями», и через такую участь (что и есть любовь в действии) строить духовное сообщество высоких ценностей и культуры в сотрудничестве – это есть основания реальной демократии. Это является социальными предпосылками сущностного христианства. Это стандарты для оценки всего, что порождает наше западное общество, или любое другое общество, называющее себя демократическим или христианским.

Сравнивая эти стандарты с реальными фактами повседневной жизни и конкретной реальности нашей цивилизации, мы можем увидеть, что на самом деле является ключевыми потребностями современного человека. И нет решения или утешения от констатации такого факта: тоталитарные общества, древние или современные, представляют собой ещё более печальную картину; особенно, если мы обратим внимание, что главное тоталитарное общество наших дней стало таким, как оно есть, адаптировав идеи, социальные механизмы и технологические инновации, оригинально воплощённые **именно нашей** западной, и номинально христианской, цивилизацией! На самом деле, необходимость коснулась нас, и мы должны увидеть её. Это необходимость в совершенно ином, фундаментальном подходе к человеку, обществу и творческим силам Вселенной, источником которых является Бог, Творец – вечно создающий Творец. Этот подход не есть что-то принципиально новое или незнакомое. Это подход Иисуса. Это путь к христианскому братству; но этот путь должен быть переведён в термины потребностей современного человека, чтобы он стал для него полностью убедительным.

тельным.

Иисус не встречал людей, превращённых на заводах и в офисах в *почти-автоматов*, неотступно преследуемых стремлением производить как можно больше, – людей, чьё сознание искажено пропагандой, рекламой, гламуром или полученным за десять уроков «нетрудным знанием» (с гарантированным возвращением оплаты в случае, если вы не останетесь довольны!). Шаблон, с которым имел дело Иисус, был определённым видом ортодоксальности, унаследованным от племенной культуры с ритуальной религией – то есть чем-то сильно отличающимся от интеллектуальной и эмоциональной стандартизации сегодняшнего городского населения. Иисус столкнулся с обычаями и ценностями, которые с веками кристаллизовались, – он трансформировал их. Человек духа в наши дни имеет дело с новыми достижениями, с новым, но по-прежнему хаотическим образом жизни, с псевдо-индивидуализмом человека, который будет стоять насмерть за своё право иметь мнение ... которое он, впрочем, пассивно принял из окружающих его привычных газет и журналов, радио или телепрограмм.

На первый взгляд, типичный современный человек имеет возможность выбора мнения или точки зрения. Но, духовно говоря, решает не факт того, что выбор предоставлен, а то, насколько значимо в обществе мнение людей, **способных выбирать как индивидуумы**. То, что считает большинство, ещё не является фактом того, что выбор есть, но является фактом другого порядка – фактом, что люди **способные к выбору как индивидуумы** либо представлены, либо не представлены, в обществе. Люди способные и желающие взять на себя ответственность за свой выбор, как индивидуумы, несмотря на давление коллективной нормы, необходимы, если в обществе предполагается реальная демократия или действующее христианство. Человек не сможет быть сознательным агентом духа и принять, таким образом, участие в творческой активности Бога, если он не является индивидуальностью буквально. Человек не сможет обрести посещение духа, если он лишь **бессознательная** часть толпы, как *mass-mensch*. Бог говорит только с индивидуумами, отделёнными от толпы, и они видны Богу по сиянию их света. Все великие религии подтверждают это. Иисус заповедовал своим ученикам «быть отдельными», оставить отца и мать и следовать за ним, воплощённым Христом. Он заповедовал им нести свой Крест, символ индивидуализации духа и социального результата этой индивидуализации, и иметь смелость быть решительными и полностью преданными агентами, через которых Святой Дух мог бы концентрировать себя и просвещать общество.

Это требует решительности и смелости. Путь Христа, который есть также и путь любой духовной демократии, требует от индивидуумов смелости быть тем, что они представляют собой как индивидуумы; ясно оценивать: что существенно, а что не существенно; и взирать без иллюзий и сентиментальных привязанностей на меняющиеся картины мира «жизни» – как в своей собственной психической природе, так и в природе ближних и врагов. Путь Христа требует от индивидуума принятия ответственности «бытия начала», «источника», – что часто означает ответственность: очищать от загрязнения и отказаться от многих «городов», построенных на водах, рождённых этим источником.

Жизнь Иисуса была поэмой смелости и внутренней стойкости; примером ответственности взятой и разрешённой мучительным итогом. Это навсегда оставило протест против «нормальности» религиозной симуляции и лёгкого, часто слишком лёгкого, социального приспособленчества. Иисус не говорил своим последователям, что они должны искать удовлетворение в социальной приспособленности, что они должны учиться способам и интеллектуальным методам своего времени и становиться «нормальными», согласно коллективным стандартам родового общества. Он учил уважать Закон и Пророков, чтобы не совершать преступлений; он учил отдавать кесарю кесарево по той же причине. **Но** Иисус требовал от своих учеников сверх того: оставить все семейные и родовые привязанности, лицемерные добродетели и внешнюю демонстрацию респектабельности или набожности – то, что принадлежит «родовому порядку», который надёжно фиксирует слепое подчинение «жизни», – когда

жизнь понимается как самоцель.

Он послал их в мир, требуя ничему не верить, но только Богу; чтобы они полностью полагались на спонтанное течение духа, когда столкнутся с бедами и противниками. Незнающее преград излучение любви должно было стать единственной их защитой. У них не должно было быть защищённости – набора установленных догм – только сила их веры и жизнь их собственного опыта. «Когда же будут предавать вас, не заботьтесь: как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать; ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас». (От Матфея 10:19-20)

Мы вспоминаем (и слышим) эти слова Иисуса снова и снова. Но слова, подобные этим, имеют очень мало веса среди сегодняшних людей, которые учат детей, пытаются лечить больных, наводят порядок на городских улицах или заседают в органах исполнительной власти, в правительственных советах здесь и за границей. Сущностное отношение современного человека к творческим силам Вселенной, какое бы определение или изображение им не придавалось, полностью отличается, и даже антагонистично взглядам Иисуса. Картина успешного и нормального человека, занятого массовым производством, поклоняющегося интеллекту, науке и технологиям, обручённого со стереотипом мнений под контролем экономической или политической целесообразности, в поиске защищённости и сексуального удовольствия, определённо не является картиной, которую Иисус хотел бы видеть влияющей на новые поколения сегодня. И вот мы наблюдаем картину, которая влияет (с более или менее охотного согласия церквей).

В таких реалиях общественной жизни не остаётся места творческой способности. Здесь нет места даже реальной спонтанности и личной решительности. Эмоциональный отклик на жизнь нашей молодёжи и большинства предположительно зрелых взрослых людей, основывается на пассивном принятии штампов и моды, устанавливаемых киноиндустрией, телевидением и радио, журналами и их рекламодателями. Как устанавливаются такие стандарты? Эти различные социальные средства и их владельцы руководствуются в своей политике побуждением «сделать как можно больше денег», производя как можно больше. В большинстве случаев это ведёт к определённому снижению коллективных ценностей и стандартов так, чтобы достичь «самого нижнего общего знаменателя» человеческих интересов и страстей. Но никто так уж серьёзно не протестует. Во имя формальной свободы и из страха возникновения прецедента «контроля мысли», процесс снижения ценностей продолжается. Как бы ни тормозили этот процесс некоторые религиозные или культурные группы, пытающиеся придать ему форму абсолютно алогичных и несообразных воззваний к «благопристойности» или «сохранению морали». Эти призывы влияют только на наименее важные аспекты проблемы. Они никогда не достигнут, да и не имеют реального желания достигать, основной причины социальных, культурных, религиозных проблем, бросающихся в глаза.

Наше общество дошло до состояния острого кризиса, поскольку вместо веры в творческие ценности и в прямые спонтанные отношения с творческим духом, мы почти полностью положились на интеллект, его анализ и «ноу-хау», на технику с её возможностью производить. Мы сталкиваемся с кризисом потому, что потеряли более естественное и спонтанное выражение любви ко всему живому и глубокому, пусть даже личному и совсем человеческому. Мы боимся любви так же, как мы боимся Бога; мы не осмеливаемся говорить об этом, дабы не показаться старомодно глупыми. И мы боимся любого кризиса, поскольку потеряли ясный и убедительный смысл того, что **может** означать внутреннее преобразование и возрождение, – так тщательно было проведено современное «развенчание» всех древних (и устойчивых) духовных идеалов и религиозных моделей!

Мы должны вернуть в нашу веру изначально заложенную идею возможности превращения индивида в *больше-чем-человека*. Мы должны воспламениться новой эмоцией целенаправленности, новым желанием быть подобным Христу и трансформировать общество, трансформируя, прежде всего, нашу внутреннюю самость и наше само-собой-разумеющееся

чувство ценности и цели.

Все наши попытки трансформирования окружающей среды человека **извне и посредством интеллекта и его производных**, ведут нас в пропасть или ввергают в порочный круг. Мы можем быть раздавлены под грузом негативных последствий величайших и высоко ценимых нами достижений.

Основная причина, я должен повторить, заключается в том, что мы предаём творческую силу внутри, Бога в нашем сердце и любовь, которую Христос, придя, излил в мир. Мы потеряли творческое видение, и таким образом «люди гибнут». Мы стремимся быть больше и лучше, распространяясь в пространстве и в «толще», поглощая всё, чем можем завладеть вместо того, чтобы определённо, со смелостью, эмоциональной решительностью и желанием стать больше-чем-человеком. И мы не осмеливаемся верить в любовь. Наши коллективные потребности действительно велики. И принести решения способны только те индивидуальности, которые готовы стоять в одиночку; готовы, с желанием и сознательностью, принять на себя ответственность, стоящую перед любой творческой личностью, через которую дух действует как луч света и, по необходимости, как огонь; индивидуальности, готовые быть оазисом внутреннего мира и спонтанного течения любви в пустыне сухого интеллектуализма и социальных компромиссов.

Задача, приводящая в трепет; но если попытка не будет предпринята, наша цивилизация будет всё больше и больше отклоняться от своей первоначальной и истинной цели и судьбы. Она, возможно, победит своих внешних врагов рано или поздно; но она будет побеждена изнутри, когда её ценности и идеалы ввергнутся в бесполезность и пустоту, как это было с греко-римским обществом. Когда человек становится загипнотизирован проблемой того, как удержать внешнюю оболочку своей личности или общества невредимой, крепкой и приглядно оформленной, он постепенно теряет понимание, и даже веру в силу **центра**. В своём поклонении экстравертной «нормальности» и воплощённому социальному и экономическому успеху, человек приходит к отрицанию того, что только и может быть основанием, ядром личности (божественная творческая Самость) и общества (божественное высвобождение видения и силы, которые вдохнули жизнь в его цивилизацию). Такое поклонение является самым корнем «материализма»; и здесь не может быть средства исцеления от этой деградации, этого «греха против Духа Святого» – против творческого духа, который является сущностной судьбой человека, вводящего его в созидающий «центр» на земле.

И всё же, со своей стороны, я верю в то, что ещё не слишком поздно. Коренное излечение возможно. Исцеляющие силы работают даже среди возрастающего национального и международного кризиса. Не вместо кризиса, **но** как раз из-за него. Тотальный кризис означает либо смерть, либо духовную победу и возрождение. Тотальный кризис **может** означать тотальный «катарсис»: высвобождение, разложение и реинтеграцию. Реинтеграция требует нового фокуса интеграции. По-существу, есть только один фокус для интеграции – новый Образ Бога, и Образ человека по отношению к Богу. Этот новый Образ есть величайшая необходимость современного человека.

4. ОТЦОВСТВО БОГА

«и отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, Который на небесах»
От Матфея 23:9

Для того, чтобы представить себе и сформулировать новый Образ Бога, человек должен, в большинстве случаев, пройти через кризис отрицания, во время которого он подвергается сомнению правомерность любой Идеи Бога. За последние века развития западной цивилизации мы были свидетелями нескольких последовательных фаз такого кризиса. Гуманизм раннего ренессанса, интеллектуальный деизм восемнадцатого века, материализм и атеизм девятнадцатого, были фазами широкого движения протеста против религии. Всё это привело к историческому материализму Маркса, «Происхождению Человека» (эволюционной теории) Дарвина и его усердных последователей, к ницшеанскому идеалу сверхчеловека, к управляемой государством коммунистической экономике, фрейдистской психологии и бихевиоризму, и к массе взаимосвязанных систем и технологических процессов, приводящих к отрицанию Бога и скрытой божественной природы в человеке.

Это возмущение против религии было неизбежным следствием ограниченного догматизма или силы гнёта церкви, часто находящейся под влиянием политической власти и богатства; церкви, поддерживающей Образ Бога, давно, в некотором смысле, потерявший сущностное подобие божественному Образу Отца – образу явленному в прямых и простых словах Иисуса. Действительно, в каждой цивилизации гуманизм, атеизм и борьба против жёстко организованной догматической религии составляют антитезис к изначально заявленному «Пророком» или «Божественной манифестацией» тезису; и жизнь проявившейся антитезы стала источником для творчества нашей цивилизации. Она не является лишь противопоставлением тому, что деспотически установилось как не допускающая возражений Идея Бога, безапелляционно приватизированная укоренившимся в своих привилегиях священством. Антитеза является в то же время позитивным утверждением в своей попытке дать человеку исключительно человеческое достоинство и действительную справедливость. Она стремится освободить его от явления, ставшего его духовными оковами.

Психологической целью живой веры в любой Образ Бога является смелое и интенсивное движение к состоянию *более-чем-человека*, в стремлении обрести всё большую схожесть с этим Образом. Но если Идея, которую человек считает установленной Богом, провоцирует его оставаться на том же уровне человеческой эволюции, на котором он и так находится (действует) – или, что ещё хуже, служит причиной его погружения в уныние и отчаяние души, – очевидно, что поддерживающая такой Образ Бога религия сама себе выносит приговор. Она искажает важнейшую задачу и саму суть назначения религии, которая состоит в поддержании в людях видения Бога, могущего побуждать их становиться *подобными* Ему излучением Его силы.

Быть подобным Богу не означает противопоставления негативному (т. е. пассивному) типу человека. Позитивность божественного бытия основана не на отрицании каких-либо ценностей человека или его достоинства. Греховность, зависимость от среды и прочие особенности человека сами по себе не могут прославлять Бога. Чтобы найти Бога в своей душе, человек должен определённо оставаться человеком; но душа должна ещё дотянуться до Бога, должна возлюбить Его, став непривязанной к материи и материальным энергиям. Человек должен возжелать Бога найти. Он должен представлять себя божественным, осознавая при этом, что в отношении «Бог – человек», Бог является активным полюсом, и поскольку Он есть полнота – подателем; в то время как человек есть полюс принимающий – преображённый сосуд, – внутренность которого может быть наполнена творчеством духа. Человек становится *более-чем-человеком*, стяжая и усваивая энергию и субстанцию божественного.

Это характер отношений между Богом и человеком, который является критерием духовности индивидуума так же, как духовности общества и его религии и культуры. «Образ Бога» включает в себя или, по крайней мере, подразумевает «Образ человека» и специфические отношения между Богом и человеком, и между человеком и Богом. Эти три фактора нераздельны. Если один из них искажается или отвергается, все три теряют свою творческую эффективность и сущностное значение.

И они искажаются всякий раз, когда религия устанавливает церковную ограду между человеком и Богом. Человек перестаёт глубоко и живо верить в возможность Единения (Marriage) Бога и человека внутри своей индивидуальной души. Только посредством такого «Брака», в котором Бог есть позитивный трансформирующий полюс, человек может стать более-чем-человеком. И только через процесс «Преображения» (Transfiguration) человек может соответствовать своему истинному назначению. Вся проблема «духовной жизни» индивидуума заключена в отсутствии стимула к такому преображению.

Как только эта проблема перестаёт быть центральной функцией религии и живой сутью учения, движение протеста против религии и её наущений становится исторически неизбежным. Если религиозные учителя больше не могут убедительно (подкрепляя своим примером) показывать путь становления *более-чем-человека*, то люди **рано или поздно** начинают испытывать потребность стать «большими людьми» – и для них остаётся только один путь – множиться числом и расширяться. Если человек не рассматривает больше Единение Бога и человека как актуальную, работающую, всё-пробуждающую возможность, он начинает искать господства над материальными силами; и такое господство для человека, который является всего лишь человеческим существом, означает более или менее существенные ограничения. В конечном счёте, человек должен выбрать: быть трансформированным Богом или иметь возможность самому трансформировать материальные элементы в угоду расширению. В первом случае он становится больше-чем-человеком, во втором – большим человеком. Преумножение, в конечном счёте, приводит к саморазрушению – вспомним атомную бомбу и массу других способов, которыми люди систематически уничтожают себя, свои тела и души, в погоне за «преумножением» любой ценой!

Говоря в целом, у людей сегодня очень небольшой выбор, поскольку религия их не удовлетворяет (не оправдывает надежд); поскольку Образ Бога, явленный Иисусом, затуманен, как бы скрыт за слоями обманчивых форм – там, где ему учат – и совсем забыт в иных местах. Как результат, и Образ человека тоже стал искажённым стараниями поколений агностиков, атеистов, материалистов, или окончательно запутавшихся индивидуумов, стучащих во все двери, где вывеска гласит «духовность» – в поисках какого-либо ответа, пути, живой веры. Человечество вынуждено прославлять человека и его интеллектуально-техническое господство над материей. Люди вынуждены отворачиваться от иллюзорного, сверх-трансцендентного или деградированного Образа Бога, который не даёт им надежды на становление *более-чем-человеком* в динамическом, реальном и творческом смысле. Они подчинились внутреннему зову активности и творческой энергии в том только смысле, который оставили им традиционные управители их духовной жизни. Там, где Бог больше не может быть увиден потенциально сходящим в каждую человеческую душу, активно ищущую встречи с Ним, – там человек сходит в материю, чтобы добыть ощущение власти и творческой активности. Он должен делать себя богом материи всякий раз, когда теряет веру в возможность собственного преобразования посредством света и власти божества.

Это самое схождение человеческого сознания в мир материи вплотную подводит некоторых индивидуумов к темноте «человеческой, исключительно человеческой» души, к самому дну, в котором пульсирует скрытая жизнь Бога-в-глубине. Бог имманентен так же, как трансцендентен. Только индивидуализированные люди, получившие способность утверждать «Я есть», пройдя сквозь все земные штормы и находясь среди самого крайнего (естественного) разложения, если предпримут дальнейший шаг, приводящий к новому измерению

сознания – смогут и почувствовать и прикоснуться к бытию Бога-в-глубине. Тогда они придут к пониманию Отца; поскольку Отец есть «внизу» так же, как Он есть «наверху». Он присутствует в центре земли с тем же успехом, что и в безбрежном пространстве неба. «Небо» есть везде, где есть центр. Творческий потенциал излучается из центра. Небо не есть некое место в пространстве; Небо это пространство Творческого Порядка. Человек встречает Бога внутри своей души, когда он становится готов принять на себя ответственность истинно творческой деятельности, суть которой заключена в «любви». Это любовь, которая вечно удовлетворяет все человеческие потребности, какими бы они ни были, безотносительно ценности самости и чувства собственного достоинства.

Только так человек может обрести (найти) Бога, могущего проявляться в Его делах как Бог человека, который ограничен лишь уровнем развития эволюционных возможностей. Это «как», перед словом Бог, устанавливает отношения родства между человеком и Богом. Бог актуально становится Отцом человека, когда человек действует как Его сын. Пассивная похожесть на Бога – несуществующая вещь. Для Бога – как бы Его не представлял себе человек – схожесть заключается в сущностном, наивысшем творчестве. Пребывая как абсолютная неподвижность и покой, Он есть неподвижность и покой в основе любых сил природы. Он позитивно проявлен во всём существующем; но позитивность Бога подразумевает, что всё к Нему апеллирующее служит позитивным фактором в его собственной самости. Даже зло, которое само по себе является отрицанием, в Боге становится позитивным фактором; оно работает на абсолютную позитивность Бога.

Похожим образом, любое историческое движение протеста против религии, на первый взгляд негативное, может рассматриваться как глубокая и «трагическая» попытка человека почувствовать – в рамках своей позитивности, внутри динамического и творческого утверждения «Я есть» – Отца. Человек должен почувствовать это непременно в глубине своего «Я», так как его религия переместила Бога-в-высоте в такое высокое царство трансцендентности и мистерии, что встреча человека и Бога кажется почти невозможной. В более глубоком смысле, до тех пор, пока человек не способен мобилизовать внутри своей индивидуализированной самости сознание и силу существования, необходимую для позитивного творческого посредника, он не готов познать себя как «сына» Бога. И нет человека, который мог бы познать Отца, не познав себя как Его сына.

Здесь «познание» следует понимать в библейском смысле переживания основы (core) бытия – по-настоящему творческой основы. Это не просто осведомлённость, но взаимопроникновение. Истинное знание всегда добывается путём полной сонастройки, или идентификации с сутью того, что познаётся; и суть любой жизни (существования) есть деятельность определённого рода, – познание существования есть действие в унисон с этим существованием. Познать Бога, таким образом, значит действовать, как Бог; но, безусловно, только в рамках возможностей человека.

Рамки (limits), однако, не имеют большого значения. Значение имеет качество деятельности. Дух – это всегда не про активность, и не про количество. Бог действует в мире трёх измерений так же, как в универсуме бесконечно больших измерений. Когда Он действует в этом трёхмерном мире – он действует как человек.

Это великий простор духовной жизни, великий всеобъемлющий «факт». Когда Бог действует как человек – им можете оказаться и вы. Можете ли вы принять вызов такой мысли? Это вызов истинного Христианства. Этот вызов подразумевается в простых словах, которые миллионы людей повторяют снова и снова, но мало кто «знает»: Отче наш. В более древних религиях Богу, как правило, давалось имя, даже если это имя (как в позднем иудаизме) не произносилось вслух. Бог, или множество богов, воспринимался как мощное духовное существо, с которым человек должен был установить отношения через более или менее внешние акты поклонения и послушания, а в примитивных культах через строго магические ритуалы искупибельного жертвоприношения. Иисус же, насколько нам известно, не давал

имени Богу. Он говорил «мой Отец», «Отец наш».

Многие христиане думают об Отце как о Существе, восседающем на престоле, в своём небесном «Жилище» со «множеством дворцов»; но, строго говоря, под словами «наш Отец» не слышится ничего другого, как только то, что мы является Его сыновьями! По существу, этот термин обращён к нам, людям. Он не говорит ничего в отношении Существа, которого мы называем Отцом; ничего кроме того, что есть некое Существо, с которым мы имеем родственную связь на протяжении творческого процесса Его деятельности. Кто-то создал нас, вызвал к существованию. Наше назначение демонстрировать проявление сил отцовства. Без существования детей нет речи и об отце; можно представить существующего, но не-создающего Бога (пребывающего в Себе), но Он не будет Богом-Отцом. Не называя имени Бога, Иисус, возможно, пытался обратить всё наше внимание на творческую активность Бога, а не на Бога как некое Существо.

Всё, что мы знаем о Боге это то, что Он есть Тот, от которого мы произошли, как сыновья происходят от отца. Мы знаем об Его Отцовстве (о творческих силах) просто потому, что мы и есть результат этих творческих сил, Его дети. Следовательно, слова о том, что Бог является нашим Отцом, в сущности, означают только одно: от нас неотъемлем божественный творческий Источник. Однако, необходимо добавить следующее: мотивом этой отцовской активности является «любовь». Бог создал нас, своих сыновей, по причине безграничной любви.

Это простое утверждение является основой послания Иисуса; всё остальное проистекает из него. Существует божественная творческая активность, побуждающей силой которой является божественная любовь. Люди несут в своей истинно-сущностной самости (в своём истинном высшем «Я») характерные черты этой активности; и если они могут действовать с побуждающей силой, присущей действию их Отца, если они действуют, побуждаемые божественной любовью, тогда они становятся «подобными своему Отцу». Быть подобным Богу таким вот образом, значит быть творцом, благодаря импульсу божественной любви. Любите друг друга, **как Я люблю вас, и как Отец любит меня**, сказал Иисус; вот тогда ваши действия будут творческими в божественном смысле. Они будут по-настоящему отеческими, потому что это будет **божественное отцовство, действующее посредством вас, Его сына**; и как только это произойдёт, вы будете «отцом».

Главным пунктом здесь, я повторяю, является то, что Иисус сфокусировал внимание человека не на бытии Бога-Существа во внешних Небесах, но на процессе активности с творческой энергией – «божественном Отцовстве», – причиной и целью которого является «божественная любовь». Это проявление силы любви направлено на человека. Человек происходит из неё. Но эта сила не просто направлена на человека, она в нём скрыта.

Увы, человеческое внимание так долго было направлено на другие вещи и интересы, что человек забыл о самом существовании этой божественной любви-активности, лежащей в его основе. Его действия теперь отделены от божественного Отцовства, творчества Бога; они происходят не от «божественной любви». По причине того, что Отцовство не действует в человеке, он даже не осознаёт, что само бытие есть результат такой творческой активности. Он не «знает» или просто не ощущает себя сыном Бога; и не обладая сыновством, он не имеет ничего того, что принадлежит царству духа.

Иисус пришёл к людям с тем, чтобы применить это «знание» божественного сыновства; чтобы личным примером показать путь, который может привести людей к реализации творческого потенциала любви, который есть субстанция божественного Отцовства; чтобы научить первоначальным шагам любого человека, слабо осознающего поначалу побуждение этой любви-творчества внутри основы своего существа, где только начинает теплиться стремление стать подобным Богу, жить как человек-подобие Бога, Творца и Отца всего Сущего.

Иисус познал себя как сына Бога. Он испытывал творчество и любовь-намерение Бога

в самом источнике своего собственного личного бытия, и даже более того, – сам стал источником и вечной опорой его человечества. Он устранил все препятствия на пути потока этого вечно-возрождающегося Отцовства Бога, этих «живых вод» пробивающихся из центра каждой неуведённой и не заблокированной человеческой жизни. Он пропитался этим божественным наследием суть от сути. Он был чистой любовью-творчеством на деле, незамутнённым Отцовством в действии. По этой причине он был сыном совершенным; и будучи совершенным сыном, стал отцом сыновей многих. Для Иисуса это означало продолжение схождения Бога, распространение действия Отцовства до тех пор, пока все люди не смогут «познать» себя как Его дети, и действовать соответственно также как отцы для других сыновей.

Христианские доктрины постоянно говорят об Отцовстве Бога и братстве людей; но из этих высказываний нам не становится ясным, что отцовство это всегда активность, энергия; и что сын не может быть настоящим сыном до тех пор, пока эта энергия не проявит в нём активность. Эта энергия всегда присутствует в каждом человеке, но может и не проявляться. Всё, что мы действительно «знаем» о нашем божественном Отце – знаем о Его силе; и так до тех пор, пока мы не «становимся зрелыми» и не используем эту силу на единственном основании божественной любви. Тогда мы являемся Отцом. «Я и мой Отец – одно». Не одно в своей сущности, возможно, в большинстве обстоятельств; но одно в делах. Ключевым словом всего послания Иисуса является действие – единство с Отцом посредством индивидуального развёртывания энергии Отцовства. **Делай как Бог**, и Бог будет тобой; поскольку Бог это действие, но действие уникального свойства – действие, которое и мотивировано божественной любовью, и посредством её же силы осуществляется.

Эта божественная любовь, по существу, есть стремление к гармонии, – то есть не исключающей ничего и никого гармонии. Посредством действия такой любви все диссонансы сливаются в звучание всеобъемлющей гармонии. Такая любовь – это божественное исцеление; это то, что делает единым всё, что живёт, страдает, думает и стремится. Любовь является побудительной причиной всех божественных творений; творческий потенциал (Отцовство) это энергия. Задача человека заключается в том, чтобы увеличить масштаб побуждений любви, чтобы энергия творчества, Святой Дух, свободно текла из центра его существа ко всем диссонансам и недугам.

Дух «свят», поскольку это восстанавливающая сила, которая восстанавливает – или радуется за восстановление – гармонии во всём, поскольку она делает всё разрозненное и захваченное конфликтами единым. Весь процесс творения это божественная деятельность, направленная на восстановление универсальной гармонии – гармонии между единством и множественностью, между одним и множеством центров, между Богом и индивидуальными душами. Эта гармония всегда нарушается, всегда восстанавливается, поскольку Бог – это Движение. **Есть** Бог; **есть** души. Но они существуют как в Нём, так и вне Его; и Он пребывает в них, как зерно присутствует в произрастающем из него растении. Души существуют, поскольку творчество есть важнейшее качество Создателя. Бог существует неизменно, и Отцовство беспрестанно трудится, являясь нескончаемым источником творческой энергии.

Должно быть таким образом Иисус «познал» Его; вот почему говорилось о Нём только как об «Отце». Вряд ли возможно давать определённое имя беспредельному потоку энергии, в который погружён целиком. Отцовство есть энергия, подобная свету. Молодой фараон Эхнатон, имея видения, восславил в своих гимнах солнечный диск – Атон – как божественный Источник Света и Жизни. Последователи Иисуса, гностики, позднее составили гимн Отцовству Единого Бога. Но Иисус очень просто утвердил истину, что Он и Отец есть одно. «Я есть Он». Тому, кто является дарителем света, не нужно петь гимны свету. Он есть Свет. Он «знает» свет, будучи светом Сам, и представляет собой устраняющую тьму силу.

Это есть центральная истина живого Христианства – Христианства, всё ещё способного преобразить мир, но только в том случае, если оно первым испытает «изменение» в личностях своих лидеров или, по крайней мере, некоторых своих представителей. Но такой

опыт означает, что должны быть последовательно предприняты все шаги, ведущие к Преображению. И никто не достигнет этой цели, если не будет иметь достаточной веры и дерзновения, чтобы принять всю ответственность, представляя энергии Отцовства – энергии творчества в любви. Такое дерзновение и вера очень нелегко мобилизуются людьми текущей фазы человеческой эволюции. Поскольку над ними всё ещё господствует непреодолимая слепота инстинктов и эмоциональных желаний, им трудно вообразить себя посланцами Бога, наделёнными творческой энергией; и даже если они имеют такие представления, очень часто им не хватает силы мотивации божественной любви и сострадания ко всем.

И тем не менее, Иисус был уверен, что люди могут иметь такую веру, неустранимость и воображение. Он стремился очистить души и умы людей от догматических преград, страхов и трусости, которые препятствуют реализации божественного Сыновства. Он провозгласил превосходство сознания и божественной любви над бессознательными импульсами жизни. Он обещал своим ученикам, что они смогут действовать и создавать более «великие вещи», но только «во имя Христа» и властью Святого Духа – силой Отцовства, установившего новые законы человеческого существования.

Это обетование предназначено не только двенадцати Апостолам. Их можно рассматривать как прототипов (т.е. как первые типические манифестации) людей, стремящихся стать «учениками Христа»; так же, как Иисус – прототип нового человека, человека-Христа, человека, в котором божественное Сыновство было полностью сфокусировано, индивидуализировано, внедрено и поэтому имеет силу на Земле. Но существовали тысячи, и будут существовать миллионы учеников Христа, каждый из которых в разной степени культивирует свой рост от человека к Богу в духе, согласно двенадцати основным принципам, представленным двенадцатью первыми учениками. И со времён Иисуса существовали люди, которые становились «одним с Христом» в Его Преображении. Иисус был «Первым Рождённым», но не единственным и не только «сыном». Божественное Сыновство одно, но сыновей должно существовать много. Так Мастерство одно, но «мастеров» должно быть множество.

Когда Церковь подчёркивает идею о том, что Иисус Христос является «Единородным», она интерпретирует греческий термин *monogenes* в самом общем значении. Этот термин скорее означает «однократно рождённый» или, лучше сказать, «рождённый отдельным актом творения». Христос, Сын, есть прямое, непосредственное творение Отца в духе, в то время как люди есть не прямое, а последовательное творение внутри тёмной матрицы жизни на земле, и таковое требует «божественного вмешательства» – манифестации Христа как Идеала и Проводника – чтобы достичь степени божественного Сыновства.

Христос показывает Путь; людям нужно следовать за Ним. Христос – Путь; люди должны «жить во Христе», должны «облечься (put on) в Христа», как сказал Святой Павел. Как бы то ни было, они, и только они могут преодолевать путь и жизнь. Цель та же, поскольку источник божественного Отцовства – один источник, и все силы есть одна Сила. Во все времена дух – в любом из своих многочисленных аспектов – неизменно единая Сила Отцовства Бога.

Только люди, которые становятся индивидуумами, вышедшими за нормы привязанного к земной жизни человечества, могут проживать в полном смысле духовные жизни, поскольку становятся **ориентированными непосредственно к духу**. Через эту непосредственность подхода, для духа становится возможным действовать в них так же непосредственно. Таким образом, они становятся «одухотворены» (inspired); они получают Святой Дух, который Христос обещал тем, кто станет Его учеником в истине и земной действительности.

Но Иисус сказал также: «Просите и обрящете». Условия, которые даются Богом, запрашиваются человеком – это великий принцип духовной жизни. Индивидуум запрашивает способ, определяет качество этого запроса и формулирует просьбу, что создаёт условия, согласно которым Святой Дух может сойти на человека. Дух отвечает на потребность; но особенностями потребности и её здоровое понимание индивидуальной личностью – есть то, из чего

формируется ответ Духа.

Это объясняет ценность и значение той или иной молитвы. Молитва есть формулирование индивидуальной потребности. Формулирование должно быть там, где есть вопрос – по крайней мере, что касается духовного роста – эти ценности должны быть сознательно постигаемы индивидуальной личностью; ведь только в вопросах выживания и сохранения самой жизни, ответы на возникающие потребности человека могут существовать в «автоматическом» режиме (подсознательно).

Тот, кто возжелал стать учеником Христа, должен молиться. Таким образом, он должен прямо ориентировать себя к Духу и Отцу. Он должен признать Отца, чтобы Отец мог признать его – и, в конечном счёте, доверить ему силу Отцовства. Для этого Иисус дал своим ученикам Молитву. Она является прототипом всех подобных молитв, в которых человек, на своём пути к преображению, признаёт Бога своим Отцом, просит Его о том, что ему необходимо на пути ученичества и, в конце концов, ожидает наступления завершающего опыта отцовства, «видения Бога».

Тот факт, что эта Молитва была названа «Господней Молитвой», однако, является, как мы увидим, результатом не глубокого понимания значения слова «Господь» (Lord) в Ветхом Завете. Это Молитва Иисуса, данная ученикам, находящимся на пути к состоянию человека-Христа и предложенная им как путеводитель и точка сосредоточения для ежедневной медитации. Она дана им, первым среди людей, для достижения полного единения с Христом.

Молитва состоит из вступительного утверждения признания и ориентации: «Отче наш, сущий на Небесах!»; далее следуют трижды-три утверждения, – вместе со вступительным обращением они составляют 10 частей. Десять – это совершенное число Творения, поскольку это не только наивысшая точка или зерно (что символизируется числом девять), но начало нового, более высокого уровня – новый творческий импульс.

Слова этой Молитвы так широко известны, что, кажется, нет необходимости их здесь повторять; веками Христиане – мужчины, женщины и дети – произносили их невероятно много раз, механически и не замечая их значения, или понимая буквально, с глубоким религиозным чувством «тварей божьих», но не как потенциальные «сыновья», – хотя Молитва обращается к «Отцу нашему»! Слова, слова... и никакого творческого духа при произнесении этих слов, которые притупляются бессмысленным повторением! Люди, христиане только по названию, так и не сумели понять, что если Иисус молился вместе со всеми нами Богу как «Отцу нашему», то это значит, что Он опровергал идею о невообразимой пропасти между человеком и Богом, и провозглашал неотъемлемое единство человека с Отцом: в материи, качестве и энергии. Лидеры и учителя Христианства не смогли распознать, что Небеса это не отдалённое в пространстве или времени место, а Порядок бытия, качество деятельности, и пространство Воли Бога, пронизывающее все возможные измерения длины, высоты и глубины. Они побоялись или не захотели осознать, что Имя, Царствие и Воля должны быть установлены не в общественно-социальном или церковно-политическом смысле, но главным образом в психологическом восприятии людей, то есть в нас как индивидуумах.

«Да святится Имя Твоё;

Да приидёт Царствие Твоё,

Да будет Воля Твоя и на земле, как на небе».

«Имя» - это свидетельство прямого происхождения, и таким образом, оно завещается от семени к семени; человек несёт имя своего отца. «Царствие» – это владение, наследие. «Воля» это сумма всех самообнаруживающихся способностей и особенностей характера. Эти три фактора устанавливаются **внутри нас**, если мы обращаемся к Богу с достаточной верой и осознанным стремлением к реализации. «Отец наш». Если Он наш Отец, то Его Имя, Его Царствие и Его Воля **потенциально присутствуют** в нас, людях, рождённых на земле. Всё, что нам нужно, чтобы видеть, как эта трёхчастная потенциальность актуализируется прямо здесь и сейчас (там, где мы действуем), это наше посвящение в Его сыновья – Отец посвяща-

ет, доверяя нам энергию Отцовства.

Это доверие есть единственно истинная «Инициация»; это передача силы Отцовства от Отца к сыну, который «достиг зрелости». Всё, чего не достаёт, чтобы овладеть силой и стать, в истине и реальности, реализующими волю Бога (людьми), это быть зрелыми, как важнейшие (essential) из существ. Это не значит, что люди станут «творцами» в том всеобъемлющем и абсолютном смысле, в котором Творцом является Бог. Но сила Отцовства, которая эманурует от единого Отца-Творца (во время любого мирового цикла) может изливаться как в человека, так и через него, если он созрел; так, когда человек полностью индивидуализирован и преображён светом и любовью божественного Сыновства, он чувствует себя сыном Бога и носителем силы Отцовства.

Прежде всего, человек должен достичь зрелости как духовное существо; это условие первое. Такая зрелость предполагает постепенное развитие тех сил и способностей, которые принадлежат миру «творческого порядка», Небесам. Это есть силы Христа, в противопоставлении способностям и возможностям «земного порядка», которые так высоко ценятся обычными людьми сегодня. Они заземляют человека, привязывают его к материальности и смертности, к насилию жизни или негативному свечению эго. И существеннейшей среди сил Христа является сострадание, или истинное милосердие (charity; от слова charis, т.е. божественная Благодать).

Однако, для человека на текущей (и относительно ранней) стадии человеческой эволюции, достижение духовной зрелости является очень трудной задачей, преисполненной опасностей. Главная опасность заключается в явлении, которое современные психологи называют «инфантилизмом»; что есть неспособность освобождения от состояния эмоциональной или ментальной, или даже физической (социальной) зависимости от родителей. Это опасность поиска замены, на чисто личном уровне, негативного «образа отца», сложившегося в раннем опыте жизни неустойчивым поклонением некоему трансцендентному «небесному Отцу», который в таком случае является лишь неясной фигурой, носителем нерешённого «комплекса отца», как сказали бы современные психологи. Ребёнок должен учиться действовать на свой собственный лад; он должен «оставить» отца, мать и все семейные привязанности; также он должен критически проверить все традиционные идеи, предубеждения и предрассудки, которые его ум впитал в детстве и юности. Но он должен всегда опасаться: отставая от «реальности земли», как бы не очутиться в мире «псевдонебесных» иллюзий – небес, которые не будучи творческими, не являются небесами Иисуса, о которых Он говорил как о действующих.

Другими словами, человек должен возникнуть из связывающей матрицы прошлого, жить как зрелый индивид в настоящем, и сознательно стремиться к будущему – к своему будущему – как сына Бога. Этот процесс возникновения именуется «Путь». Это «Путь, Истина и Жизнь», – всё это продемонстрировал Иисус как божественный Исполнитель ритуала превращения земного человека в Христа-человека. Так человек, следующий этим Путём, по настоящему становится «учеником Христа». Если человек достигает своей цели, он испытывает Преображение; он есть сын Бога. Свет и любовь Отцовства полностью фокусируются в индивидуальном существе и (действуют) через него.

«Хлеб наш насущный подавай нам на каждый день;
И прости нам грехи наши,
Ибо и мы прощаем всякому должнику нашему;
И не введи нас в искушение,
Но избавь нас от лукавого»

Вторая часть великой Молитвы, которой Иисус научил своих последователей, обращается к трём основным потребностям человека на этом опасном Пути. Первое: человек должен быть поддержан в своём поиске будущего. Второе: человек должен испытывать сострадательную любовь и действуя, исходить из неё. Третье: человек должен найти силу освобо-

дить себя от цепких уз прошлого.

Однако термин, переводимый как «хлеб насущный», в Иисусовой Молитве фактически звучит как «хлеб на завтрашний день»; он направляет к энергии существующей поддержки, которая не просто обеспечивает ежедневную жизнь, но направлена на создание абсолютно нового завтра. Это есть творчески устремлённая в будущее субстанция, а не только земные вещества для тела.

Прощение наших прегрешений, как мы прощаем других означает, что на пути Христова ученичества, великим принципом является обоюдность (mutuality). Золотое правило выражается этим принципом; и здесь, в Молитве, мы видим, что Любовь, которая есть сострадание и «прощение», представлена великим выражением взаимосвязи божественного и человеческого. Человек должен любить и прощать; тогда любовь и прощение Бога оживит его в духе. И в этой взаимной активности ученик поддерживает связь с Христом, и реальность дара Бога («хлеб на (новое) завтра») активируется Духом.

Преодоление искушения и освобождение от зла указывает на существующую для индивидуума постоянную необходимость бороться с инерцией прошлого, или в современной научной терминологии – с энтропией материального мира, и его постоянно «стремящейся вниз» энергией. Многие люди, которые возражали против идеи, что Бог может «вводить» нас в искушение, подвергали сомнению точность перевода; однако во фразе «не введи нас...» может быть глубокое значение, поскольку мы видим, что Иисус после Крещения был также «водим духом в пустыню».

Основной идеей, без сомнения, является то, что никто не может быть наделён властью Отцовства до тех пор, пока его организм, состоящий из тела, души и ума не пройдёт испытание на возможность удерживать «огонь» творческого духа. Любой механизм должен быть также проверен на способность вырабатывать силу, но не оказаться при этом разрушенным высвобождающейся энергией. Более того, каждый человек, приближающийся к своей духовной цели, самым этим фактом пробуждает скопившуюся силу (тотальную инерцию) своего прошлого; он видит себя тем, что собой представлял – то есть тёмным и негативным эго; он встречает свою «тень» в облике конкретного зла; в некоторых случаях действительно побеждает тенденция подсознания, заставляющая в раскаянии и ужасе, в полном отчаянии отшатнуться от этой конфронтации. Божественное вмешательство, таким образом, необходимо для того, чтобы увести человека от прошлого, показав его внутреннему взору то, чем он может быть, и чем он должен стать, поскольку по сути он есть сын Бога.

В таком случае в молитве возникает особая значимость маленького слова «ибо» – **«ибо Твоё есть Царствие, и Сила и Слава во веки веков. Аминь»**. Вмешательство Бога избавляет ученика от зла, «ибо» Бог проявляет себя (этим актом вмешательства) как Отец. Это есть то самое «видение Бога», Спасителя, – или же претендующий на роль сына Бога ученик отшатывается в благоговейном страхе от видения Отца, в руках Которого власть над всей личностью ученика, сам статус «сына». Все великие мистики в той или иной форме очень осторожно говорили о своём «видении Отца»; каждый сын должен встретить Отца лицом к лицу, чтобы получить силу (власть) Отцовства.

Прежде всего, ученик встречает невыразимую световую субстанцию, космическое сознание единства *всего* в четырёхмерном пространстве «творческого порядка», Царства Небесного. Затем, он ощущает пульсирующую во всём Силу Бога, отцовство, в постоянной активности. И последнее, он рисует в своём воображении (envisions) Славу Бога – саму Личность Отца. И он получает «слово власти», Аминь (AMEN), которое является его собственным духовным Именем (NAME), ключом, открывающим для него знание того, как использовать энергию Отцовства, – а также знание о работе, которая должна быть сделана, – и её цель это озарённая Душа «во Христе».

Энергия должна быть использована. Она должна быть использована человеком – как сыном и работником Отца-Создателя – сознательно и целенаправленно. Все трагедии и кри-

зисы человеческого развития имеют лишь одну цель: сделать индивидуумов способными использовать эту творческую силу на основе божественной любви и мудрости Творца.

Не будь индивидуумов, владеющих мастерством использования энергии Отцовства, Бог-Создатель не увидел бы Свой «Замысел Творения» выполненным; ибо только внутри и через *организмы* многих сыновей Бога, в течение череды долгих временных эпох, может быть достигнуто выполнение Замысла Бога. Люди Христа это мистические сосуды, в которых может совершаться транс-воплощение материи в божественную энергию. Их высочайшее Братство выполняет божественную творчески-возрождающую Великую Работу после того, как была достигнута кульминация великого цикла творческой активности Бога. Они являются Богом-Множеством; Он, создатель «от Начала» – есть Бог-Единство. Они – Братство Сыновей; Он – Отец.

Во всём существовала, существует и будет существовать пульсирующая сила Отцовства. Это единая сила, сотканная из множества энергий. Имя им легион; владения их бесчётны. Это дух, а также созидающий ум; и это жизнь. Она безбрежна и распространена по бескрайнему космическому пространству; и тем не менее, сфокусирована в Душе преображённой личности. Там, где она фокусируется таким образом, там появляются сыновья Бога. Обладая любовью и мудростью, они наделены силой Отцовства.

Это есть цель. Нет человека столь низкого, чтобы он не смог однажды достичь её – то есть стать Силой после нескончаемых страданий и душевной муки. Нет человека столь возвышенного, кто не познал бы преткновения на этом великом пути, даже при дверях. Путь опасен; многие оказались на обочине как «пострадавшие». И всё же цель может быть достигнута. Иисус, человек, доказал это; и многие после него. Его обетование с нами. И Святой Дух с нами, когда мы позволяем Ему сбить с толку эго, поставив в тупик.

Это возможно: знать, что это возможно; знать, что это возможно через Христа – Архетип божественного Сыновства; знать, что Путь, Истина и Жизнь, которые удостоверяют, что это возможно, всё ещё с нами, хотя и загромождённые догмами и покрытые чудовищным потоком человеческой гордыни и жадности, – такое «знание» может сделать Христианство реальным и живым; трансформирующая сила в мире требует творческого видения и опыта действующего духа; это мощнейшее доказательство божественной цели в нашем мире, в котором сегодня наблюдается либо отрицание духа, либо яростное отрицание такого отрицания.

В этом живом утверждении, в котором есть сила и покой, современный человек может ответить на любой вызов. В этом утверждении человек *стоит* с Отцом; и Его силой и в Его любви – «возможно всё».

5. В ЦЕНТРЕ ДУША

«прежде нежели был Авраам, Я есмь»
(От Иоанна 8:58)

«Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш небесный»
(От Матфея 5:48)

Отцовство Бога предполагает существование Братства людей, Его сыновей. Образ божественного Сыновства есть прямое следствие образа Отцовства Бога. И если мы стремимся осветить и обновить образ Отцовства, мы должны по-новому оживить и динамизировать образ божественного Сыновства, фундаментальный для христианской веры; ибо Сыновство ближе к нам. На самом деле, оно является ядром сущностного бытия. Несмотря на нашу слепоту к этому внутреннему факту, в неверии и страхе мы избегаем осознания, что причиной божественного в нас является Бог-семя.

Это «нечто» в нас – душа. Это душа, которой предначертано, рано или поздно, достичь «совершенства». Это душа, которая в результате эволюции и развёртывания, будет переживать (испытывать) родство Бога как Отца, и через этот опыт, познает себя как «сына» Отца. Мы не сможем понять значение совершенства и божественного Сыновства, пока не поймём: что такое душа, откуда она приходит, как разворачиваются её энергии, и как она сама непрерывно обновляется на своём пути к совершенству, переходя с одного уровня реализации на другой.

В этом мире, где сознание привязано к материи и дуальности, к конфликту и боли, для того, чтобы понимать, что имеет отношение к божественному в человеке, требуется знание (и часто трагический опыт) того, что к душе **не относится**. Душа не есть та часть в нас, современных мужчинах и женщинах, которая наполнена страхами и психологическими комплексами; это не эго, с которым мы идентифицируем себя, произнося «я – господин или госпожа такой-то или такая-то», – эго, которое становится злым, унылым, похотливым, жадным и ожесточённым или деспотичным по малейшему поводу. Душа не является также нашим интеллектом, обученным в академических институтах. Она не есть ум, который поклоняется формальному смыслу данных, количественным вычислениям, технике и всему, что производит материальный успех и социальную респектабельность через следование норме, – в чём-то отражающей, но в то же время – напротив, очень далёкой от того идеала человека, который был воплощён жизнью Иисуса.

Если я говорю о «своей» душе и «наличии» души, я признаю этими утверждениями, что моё осознание себя, чувство самоидентификации, не есть выражение центрированности бытия и интеграции. Если я **имею** душу, тогда я **не есть** душа, и это «я» не есть истинная Самость. Такое «я» не может пережить опыт Бога как Отца, но только как некоего вида удалённого приёмного Отца, в лучшем случае, усыновителя. Только душа может испытывать Бога как Отца, поскольку только душа может раскрыться до состояния совершенства точно «как Отец ваш, который на небе, совершен». Всё остальное в человеке может достичь лишь переживания опосредованного, смутного и часто сильно искажённого опыта – или лучше сказать эмоциональных «переживаний» и интеллектуальных проблесков – Бога, Отца всего сущего.

Проблема человека наших дней, даже если образы и основные понятия христианства впитаны нами с детства, в том, чтобы отличать тень от её источника. Мы можем провести такое разделение интеллектуально, выводя его из книжного знания; но до тех пор, пока мы, в моменты кризиса и внутренней напряжённости, не придём к пониманию и не почувствуем, *что* для нас означает «я», оно не может служить настоящей основой самости; пока мы не почувствуем, что наше воображение, идеалистически настроенное, рисует такое видение «своей» души, которое никак не может оказаться живым семенем божественного в нас. Интеллек-

туального знания не достаточно для того, чтобы трансформировать наше сознание и нашу жизнь.

Только через острое осознание *того*, чем душа не является, мы можем начать чувствовать, неизбежно и с внутренней определённости, что существует нечто внутри нас, что пока ещё остаётся необъяснимой реальностью души; и мы – именно *Это*. Мы **есть** душа. В потенции мы являемся «сыновьями» Бога; но **только в потенции!** Подобно тому, как личинка в потенции является бабочкой, каждый человек является личинкой *«больше-чем-человека»*.

Может ли личинка иметь веру в свою потенциальную возможность стать бабочкой? В этом трудность. Личинка должна иметь «веру» – как бы упрямо не держалась она своего кокона, связанная необходимостью выживания, – иначе процесс преобразования может быть фактически прерван или остановлен. Вера, творческая вера, это сила воображения следующего актуального шага внутренней эволюции, и способность желать его «воплощения», **исключив всё остальное**.

Такую трансформирующую веру вряд ли возможно испытать до тех пор, пока не возникнет чувство глубокого неудовлетворения жизнью в коконе – в самом человеке-личинке – «божественная неудовлетворённость» вызывается внутренним диктатом духа эволюционного процесса, действующего внутри организма, и в том числе, чувством тщетности и, возможно, острого страдания от существования в реальности личинки.

Таким образом, здесь должен быть «кризис»; здесь должно быть то, что Библия описывает как «искушение в пустыне». Однако все великие кризисы трансформации включают в себя серьёзные риски. В смятении «пограничного состояния» между двумя стадиями или уровнями внутренней эволюции, человек может быть не в состоянии достаточно чётко «представлять», и больше того, вовсе не правильно себе представлять своё будущее состояние. Его «желания» (как правило) противоречивы. Он жаждет будущего состояния, или он «хотел бы» обнаружить его в себе; и в то же время, многое в нём протестует, отказывается (или бессильно) порвать с манерой поведения, с привычными способами мышления, чувствования. Как бы ни были они не удовлетворительны, но это для него привычно и вполне понятно.

Человек в таком «критическом состоянии» нуждается в помощи; и только Бог, или личности, действующие как Посредники Бога, могут оказать эту помощь. На самом деле, в последнем случае, единственной истинной и эффективной помощью, которая может быть оказана вступающему на следующую ступень эволюции человеку, это встреча с другим человеком, уже прошедшим эту желанную ступень и вполне стоящим на более высокой. «Будущее» встречает «настоящее» ровно с той силой, с которой оно (настоящее) готово становиться «прошлым». Это позволяет настоящему стать будущим, поскольку будущее состояние эволюции, **ясно и маняще представляемое безлично, проживается как внутренне желанная цель**.

Реальность души должна быть живо проиллюстрирована, затем представлена в качестве примера человеку, – подчинённому своему интеллекту и центрированному на эго, то есть на фальшивой и нестабильной структуре самости, построенной **на опыте реакций на** давление общества и прессинг туго сплетённых требований инстинкта. Эта реальность души должна быть «проиллюстрирована», поскольку сегодня человек, являясь думающим, сознательным существом, сильно обеспокоен тем, что не может визуализировать образ будущего состояния при относительном согласии со своей привычной манерой мышления. Человек должен изменить направленность ума в сторону души – при помощи ума иного, который есть «мудрость души», её инструмент. Это шаг первый. Это первый шаг Иоанна Крестителя, «глас вопиющего в пустыне» к обществу, потерявшему какое бы то ни было живое ощущение того, что есть душа; Пророка, который цикл за циклом озвучивает великий Призыв к Обновлению эго-сознания, **метанойе** (в отношении которой искупление, в лучшем случае, – является лишь одной из фаз).

Но этого недостаточно. После этого душа должна «воплотиться». Будущий статус человека должен быть конкретно продемонстрирован, и стать примером для людей, которые всё ещё принадлежат прошлому и полагаются на него (на соответствующую систему ценностей). Это есть Воплощение. Принцип божественного Сыновства (Христос, Сын) преображает Иисуса, который стал *больше-чем-человеком*; и в преображённом Иисусе люди могут живо увидеть состояние будущего своей души. Они могут увидеть, — **если** не впадут в сон, в котором невозможно видение Славы, — **если** не вернутся к смятению и страху. Увидев, они смогут подражать и становиться тем, что увидели — пока не забудут! Люди забывают потому, что не понимают по-настоящему; от того, что их сознание не было достаточно подготовлено. Преображение это слишком большой вызов, и это отказывается поступиться своими иллюзорными требованиями, временными привилегиями и некой «психологической защитой», в то время как душа борется на своём собственном уровне развёртывания, чтобы стать «Внутренним Управителем» всего человека.

Как нам теперь определить и очертить контуры души, чтобы ныне живущие люди смогли двинуться в сторону осознания и принятия души — как центральной, контролирующей и действенной силы, охватывающей всю личность? Как можем мы склонить умы людей к служению целям души, вместо того, чтобы наделять силой диктат эго или пассивно и беспрекословно следовать коллективной ментальности материалистического общества?

Эту попытку затрудняет само слово «душа», которому придаётся множество значений, большинство из которых неопределённые или эмоциональные, нечёткие и эфемерные. Сформированный в христианской традиции ум обращается к Библии, если хочет получить знания о душе; и действительно, Библия содержит полное знание о том, что такое душа, и как, через человеческое развитие, она достигает состояния совершенства. Однако это знание не может быть представлено в лёгкой интеллектуальной манере, столь привычной для современного ума. Его можно извлечь из совокупности значений слов, событий, личностей, в них участвовавших и представленных в Библии. Истинное значение может быть извлечено из Библии в целом, где символически зафиксирован весь процесс эволюции души. Описываемые события действительно имеют под собой актуальное историческое основание; но само повествование символизирует *привнесённое* знание о природе души. И это же можно сказать о всех Священных Книгах великих религий.

«Сакральное» знание о душе существовало всегда, и до некоторой степени всегда передавалось с помощью символа или притчи просто оттого, что душа может быть понята через действия человека, его мысли и чувства. Изменяясь, сознание людей способно интерпретировать эти символы сообразно своему времени, а также в зависимости от социального или индивидуального уровня развития человека. Таким образом интерпретации различаются. Потребности людей, живущих в двадцатом столетии отличаются от потребностей первого (или шестнадцатого) века, так как за такой период времени с человечеством происходит много изменений. Однако верно и то, что божественная реальность для человека неизменна; Христос — Альфа и Омега, начало и конец великого Цикла существования — не изменяется. Развитие человека не прекращается между этим началом и концом. Таким образом, ориентация сознания человека на Христа и на факт внутреннего мира, душу, неизбежно должна претерпевать изменения.

Мы приобретаем только то знание, на которое мы ориентированы нашим фактическим жизненным опытом. Опыт современного человека черпается преодолением обширных проблем интеграции, предполагающим сложные мыслительные процессы, следовательно, требуется переосмысление древних символов для более сознательного — не столь эмоционального, но более содержательного — утверждения значения имеющегося знания о будущем предназначении развивающейся души.

Мы находимся сегодня в начале новой эры; не только «атомной» эры, но эры возрождения духа, томящегося в заточении предубеждений, догм и рутинного мышления. Человек

высвободил ядерный «огонь», скрыто «хранимую силу атома»; но его миссия не будет выполнена до тех пор, пока он не преуспееет также в высвобождении силы трансформации души, заключённой в сторожевые башни традиционных религиозных понятий по всей земле. Огонь должен быть высвобожден из камня! Душа должна быть проявлена в своём восхождении от состояния «живущей души» к состоянию божественного Сыновства – ваша душа или моя – так же, как и душа Иисуса, Образца и Проводника современного человечества.

Всё во Вселенной создано для души; всё, в конечном итоге, должно быть душой преобразовано. Вы и я – души; и мы движемся к возможному божественному состоянию, какими бы глубокими не были кризисы, какими бы горькими не выглядели провалы, каким бы долгим ни казался процесс развития.

Но откуда мы пришли? Как мы можем представить себе это божественное состояние? И где, на пути между прошлым и будущим, большинство из нас сегодня находится?

Ответы на эти важнейшие вопросы, мы должны искать в Священной Книге христианства. «Просите и обрящете» – говорится нам. Но какой вопрос, – такой и ответ. Когда человек понимает, что тонет, то каждая клетка его существа, каждая частица его воли требует воздуха, чтобы дышать. Вот так мы должны испрашивать Правды души, чтобы «Святой Дух» мог ответить вопрошающему.

«Живущая душа»

Мир, в котором человеку определено жить – материальный мир. Человек появляется в нём в материальном теле, состоящем из органов и сонма материальных клеток. Через ощущения этого тела он входит в контакт с множеством материальных объектов и организмов. Любая человеческая активность неизбежно влечёт за собой некоторые изменения в материальной организации или обстоятельствах, сплетённых из многочисленных элементов. Материя фактически есть неизбежное выражение множественности; это есть выражение собирательное, всегда относящееся ко многим вещам и многим условиям, колеблющимся и изменяющимся постоянно. Эта кажущаяся вечной последовательность изменений, в терминах нашего опыта или жизни организма, есть «время».

Все великие религии говорят нам, однако, что этот мир материи, множественности, изменений и времени не является единственной сферой бытия. Существует также сфера духа, в которой Бог **присутствует** вечно и неизменно; есть сфера единства. Религиозная философия показывает единство духа пребывающим в противовес множественности материи, и устанавливает резкий контраст между материальным миром и сферой духа, «Царствием Божиим».

И всё же, эта оппозиция и контраст могут быть только умозрительными. Дух и материя взаимосвязаны и не могут быть полностью отделены друг от друга. В противном случае, мы бы получили две абсолютные величины: дух и материю. И абсолютная «дуальность» духа и материи, сама по себе, отрицала бы истинность «единства» духа! Следовательно, должна существовать, – и как мы знаем по внешнему и внутреннему опыту, существует – сила и такая деятельность, которая каким-то образом соединяет единство духа и множественность материи в одно. Эта сила, и эта деятельность, переживается человеком прежде всего как «жизнь».

Жизнь это сила единства духа, действующая в мире множественности материальных элементов. Через эту деятельность силы духа, мириады материальных атомов, молекул и клеток в живом теле приводятся в состояние взаимосвязанности, – взаимозависимости и интеграции, то есть состояния «органического единства», состояния жизни. Во всех живых организмах мы можем видеть силу органической интеграции, пронизывающую область, в которой несметное число молекул и клеток находятся в движении: изменяются, рождаются и умирают, согласно общему ритму развёртывания. Жизнь, в самом широком и общем смысле слова, таким образом устанавливает устойчивые отношения между духом и материей, един-

ством и множественностью.

Итак, мы видим философско-религиозную триаду: дух, жизнь и материя. Но самым значительным фактом является то, что может быть легко забыто – «жизнь» не может рассматриваться как независимое от «духа» бытие. Она есть выражение духа – его силы – в мире материальной множественности. Жизнь это возможность интеграции, а интеграция это способ приводить (разное) к состоянию целостности.

Целостность это единство в проявлении.

Любой живой организм есть интегрированное целое клеток. Организм занимает определённое пространство, и внутри этого пространства пребывает энергия, – действующая через целое и исходящая из него, – которую мы называем жизнью, или жизненной силой. Пространство, в котором живёт организм, таким образом может рассматриваться, в широком смысле, конечно, как «область силы», что-то вроде электромагнитного поля вокруг магнита. Энергия жизни циркулирует в этом поле, удерживая все клетки в определённом паттерне взаимоотношений, и это напоминает электромагнитные «силовые линии», заставляющие частицы железа строго удерживать правильные геометрические формы.

Паттерны органической жизни крайне сложны и динамичны. Жизненная сила едина по-существу, или унитарна, поскольку она является выражением силы единства, духа. И всё же, эта единая жизненная сила дифференцируется в бесконечное число вариаций вторичных энергий, оживляющих и поддерживающих несметное количество жизненных процессов, в которых принимают участие определённые группы и типы клеток, и через которые эти клетки переживают беспрерывно повторяющиеся, однако упорядоченные, трансформации.

Там, где есть интегрирующая деятельность, там всегда должен быть некий центральный фокус, из которого (и через который) производящая интеграцию энергия – жизнь – распространяется, и в который непременно возвращается. Этот фокус, или ядро интеграционной деятельности жизни есть то, что в Книге Бытия называется «живущей душой» (**Nephesh hayyak** на иврите). Это фокусная точка работы «дыхания жизни», которым Бог наделил человека на определённой стадии Творения.

Большая часть путаницы относительно значения слова «душа» происходит оттого, что оно используется со ссылкой на **несколько уровней интеграции**. Тем не менее, во всех случаях, когда термин «душа» используется не в разговорном смысле, а в обосновании сознания, оно, как правило, имеет одно основное значение; это фокус, *через* который – и *посредством* которого – действует энергия интеграции. Это центр всех интеграционных процессов во Вселенной. Если мы говорим о «Душе мира», – это тоже вполне допустимое использование термина. Мир, в котором мы живём, согласно всем религиозным философиям, является «вселенной» (universe), интегрированным целым; а там, где есть интегрированное целое, есть и активная сущность интеграции, «душа». По аналогии мы можем говорить в терминах социальной интеграции о душе общества, душе нации, поскольку такие общности составляют интегрированные целые социальной деятельности и сознания социума.

Что касается человека, то существует три основных уровня интеграции. На каждом из них есть «душа». Мы можем сказать, что существует три (уровня) души, или три аспекта одной души. Если мы думаем о душе как о **фокусе** высвобождения энергии (энергии интеграции), то более удобно и верно говорить о трёх видах души; эта энергия едина, но существует три отдельных, взаимосвязанных центра. Так в религиозных учениях почти всегда упоминаются несколько аспектов души, и каждый наделён своим именем; Библия, в здравом понимании её учения, не является исключением.

Если мы принимаем, что там, где есть интеграция, там есть и душа, то так же верно, что там, где есть душа, есть и сознание. Поскольку душа существует на разных уровнях, то мы наблюдаем и различные виды сознания, нижний из которых кажется нам сегодня почти бессознательным. И тем не менее, нам следует говорить о сознании всякий раз, когда обна-

руживается некоторая степень (или вид) более или менее прочных взаимоотношений между духом и материей, единством и множественностью. Поскольку мы можем говорить о «живущей душе», то мы можем говорить также о сознании самой жизни; и инстинкт является одним из аспектов сознания жизни.

Существует, однако, другой аспект, который можно называть «интуицией». Подобно «инстинкту» – сознанию жизни, решающему задачи жизни в материальном теле (кроме того, задачи поддержки и воспроизводства этого тела) – «интуиция», по-существу, является сознанием жизни, ориентированным на реализацию и укрепление связи между жизнью и духом (источником жизненных энергий). Интуиция, таким образом, сосредоточена на решении проблем «живущей души», стремящейся к сохранению себя в качестве постоянного фокуса для высвобождения интеграционной силы жизни, чистого воплощения единства, то есть Бога.

Человек как «живущая душа» – это всегда два направления. Действительно, душа смотрит в двух направлениях, ибо она есть центр процесса интеграции двух противоположностей. Таким образом «живущая душа» идентифицирует себя (с одной стороны) с монотонным, обязательным, безжалостным и непрекращающимся ритмом жизненной силы, поскольку эта жизненная сила связывает материальные частицы человеческого тела и поддерживает органические функции. В этом аспекте, инстинктивная душа окрашивается характеристиками материи и постоянно модифицируется изменяющимися процессами жизни в теле; в каждый отдельный момент организм занят определённой жизненной функцией, и инстинктивная душа является скорее вечно-изменяющимся отражением происходящего, чем цельной душой. Но в своём интуитивном осознании духа как единства, «живущая душа» обращена в ином направлении, – направлении духа.

В этом аспекте «живущая душа» также подобна зеркалу; но здесь она направлена отражать единство. Она пытается ориентировать себя в направлении того, что смутно видится ей как **Единое**, подобно способности листьев растений поворачиваться к свету Солнца. Единое, Бог, ощущается интуицией как основной (первичный) Источник силы жизни так же, как источником света в небе несомненно является диск Солнца. С **гелиотропизмом** («следование за источником света») растения мы можем сопоставить **теотропизм** простодушного, чистого и по-детски неискушённого человека, чья «живущая душа» обращена к Богу (*theos*). Этот «теотропизм» есть поклонение творения своему Творцу; отражение божественного источника – «Всемогущего Бога» – в зеркале органической жизни.

В случае человека, развившего своё сознание до уровня «живущей души», действие интуиции духа столь же обязательно, как обязательно действие инстинктов. То, что диктуется инстинктом должно быть выполнено; подобно этому то, что подсказывает интуиция, является божественным приказом, правомерность которого самоочевидна. Приказ «слышим»; Бог «видим». Опыт не может быть отвергнут. То, что услышано и увидено должно становиться явью; и **прежде всего**, диктат интуиции не противопоставляется инстинкту. Такая картина – «Золотой Век», Век Невинности – это Век «Адама» до появления дуализма Адам-Ева.

Тем не менее, сам факт, что Единый Бог находит Себя в **отражении** великого множества «живых душ», показывает ситуацию в новом свете. Эти **многочисленные** души-центры не уподобляются мириадам материальных частиц в хаосе, так как они не противоположны тенденциям и признакам Единого Бога. Здесь нет принципиального расхождения или сопротивления между Единым Богом и многочисленными «живущими душами» людей. Различие между «одним» и «многочисленным» следовательно приобретает новое значение. **Единству** Бога направлен отклик **множества** душ; но этот отклик, прежде всего (и большей частью), бессознательный.

«Индивидуальная Душа»

В контексте вышесказанного, нужно видеть существенное различие между отношением единство-множество, и отношением единство-многообразие, если под термином «множе-

ство» мы подразумеваем **совокупный статус**, проще всего выражающийся местоимением «мы».

Где бы несколько существ ни сказали «мы», там два основных фактора должны быть представлены: первый, осознание существом себя одной из нескольких единиц; затем, осознание того, что эти несколько единиц связаны друг с другом, поскольку они имеют некоторые общие элементы. Без этого «чего-то общего» не может быть ощущения «мы». **Мы** – это множественное число от «я». «Мы» предполагает «я», но также есть нечто, что объединяет несколько «я», если не актуально, то потенциально. Общим объединяющим фактором может быть общность источника жизни, как в случае детей одних родителей; или общий достаточно важный опыт, собирающий в «группу» тех, кто его пережил; или общность цели, когда люди, например, становятся партнёрами для учреждения бизнеса, новой религии, нового коллектива, разделяющего общие цели. Так или иначе, общий фактор **должен** присутствовать.

Материя может быть названа выражением «множественности», поскольку в бытии не смешанного вещества, элементы материи, или частицы, вполне автономны; они могут существовать в состоянии почти полной (но не тотальной) отдельности, индифферентности друг к другу и инерции (что есть сопротивление изменениям и самой идее «цели»). Но «живущие души» находятся в состоянии «множества», или сообщества, поскольку они имеют общее происхождение, и должны это осознавать; а также общую энергию – жизненную силу, питающую их, – они имеют ценнейший общий опыт в сфере жизни.

Как только мы касаемся темы души, мы касаемся не только жизненных энергий, но более или менее единого состояния сознания. Чем больше душа отворачивается от вечно меняющихся комбинаций материальных желаний и органических позывов, ориентируя себя на интуицию Единого Бога, тем более сознание жизни души приобщается к характеристикам Бога, который есть единство. Таким образом, душа становится сознающей единство и пытается приспособить своё сознание к свету Бога, стремясь Богу уподобляться – ведь Он есть «Одно»; поскольку Бог есть «Одно», «живущая душа» всё в большей и большей степени ощущает себя «единицей». Тогда начинается новый процесс интеграции.

Когда это собственное чувство «единицы» нарастает и самоудерживается, чувство восторга и «отделённости» неминуемо овладевает сознанием человека, получившего этот опыт. И всё же, страх просачивается в «живущую душу», ибо чувство эйфории (elation) сопровождается не менее живым чувством изоляции. Затем следует постоянно обновляющийся опыт конфликта, поскольку энергии жизненных инстинктов снова заявляют о себе, уводя сознание прочь от постижения единства, и погружая его в бушующий океан страстей.

Человек **реагирует** на этот опыт видения себя единицей, индивидуальным «я», самыми разными способами. Он реагирует на ликование, на страх, на конфликты.

Он стремится повторить опыт экзальтации, найти объяснение своему страху, защитить своё сознание от опустошающего чувства изоляции, приближая к себе людей, которые приходят в восторг и даже благоговейный трепет от его рассказа о пережитом (опыте). Он пытается скрыть или, определённым образом, сгладить конфликты, которые заставляют его прерывать сознание интеграции. Или он пытается невозмутимо принимать и совершенствовать своё бытие в обеих сферах сознания. Всё это трансформирует сознание жизни и, так или иначе (позитивно или негативно), отсылает его к новому центру интеграции – **индивидуальной душе**.

История Моисея, Исхода и постепенной реорганизации «Избранного Народа» в Земле Обетованной, даже рассматривая историческое развитие народа, символически касается этого наиважнейшего изменения уровня интеграции. И в библейском повествовании показана и подчеркнута важная мысль – всегда почин принадлежит Богу.

Бог призвал Моисея, – однажды Он счёл, что тот готов; но колебание и испуг Моисея ясно показывают неуверенность, с которой он встретил вызов Я ЕСТЬ ТО, ЧТО Я ЕСТЬ; отвечая на вызов, предстояло действовать на поприще преобразования человека и материаль-

ных энергий (символизируемых Египтом) как посредник Того, кто назвал себя «Я Есмь Сущий» – как проводник процесса человеческой трансформации (или «мутации» души).

Это процесс индивидуализации. Если это случается, «живущая душа» приходит к осознанию себя как «души индивидуальной», и постепенно перемещает своё внимание и фокусировку своих энергий с одного уровня интеграции на следующий. На первом уровне безраздельно правит сама жизнь; на втором, формирующей силой является разум, и он согласовывает и упорядочивает результаты человеческого опыта на поле жизни в процессе индивидуального эго-мышления. Человеческие существа таким образом становятся способными рассматривать себя в качестве индивидуализированных самостей, провозглашающих «Я ЕСТЬ»; с гордостью ли, нерешительно, вдохновенно или с чувством вины.

«Индивидуальная душа», если её существование случившийся факт, по самой своей сути является фокусом интеграционной силы, источником которой является Бог. Однако возникает сложная ситуация, когда принцип божественного единства активизируется во многих душах, многих человеческих **центрах** единства. Этим человеческим центрам, или самостям, с целью познания себя (с ясностью и определённой) уникальной единицей, неизбежно приходится развивать тенденцию к изолированности. Это делает каждого человека непохожим на остальных, уникальным в своей самости. Но при этом, человеку плохо виден принцип, что Бог – **Единство** – Источник той самой силы, которая способна превращать любой индивидуальный человеческий организм в «единицу».

Эти тенденции к отделённости являются неотъемлемой частью деятельности ума; ибо ум в каждом человеке стремится согласовать, упорядочить и наделить значением собственный опыт и чувства так, как если бы они были **исключительно его собственными**. Некоторый опыт действительно должен выглядеть уникальным, устанавливающим глубокое различие между одним человеком и другим; особенно опыт человека, который «увидел Бога» впервые и стал Его Посредником, лидером новой эволюционной фазы человеческой истории.

Имеется в виду опыт Бога непосредственный или косвенный; вновь обретенная способность вести за собой, быть победителем врагов, производя глубокое впечатление; дар проповеди и исцеления; несомненный факт глашатайства от Единого Бога и сотворение чудес или проявление творческого гения – любой опыт такого рода выделяет человека как «особого», внутренним образом связанного с **Единым**.

Поначалу, ум такого особенного человека может понимать присутствие Бога, как источник своего уникального положения среди людей. Он чувствует себя трепещущим и смиренным, испытав это. Но если этот опыт не повторяется, если человек не оправдал доверия Бога и уступил своим инстинктивным страстям, это может дать, наряду с глубоким энтузиазмом, **гордыню**. В этом случае посредник «Я ЕСТЬ ТО, ЧТО Я ЕСТЬ» утверждает своё «Я есть» в горделивом, высокомерном и самодовольном тоне.

Более того, поскольку окружающие видят влияние, которое этот человек оказывает на общество, видят способ, которым его персона укрепляется в силе, богатстве и власти, они начинают завидовать. Им тоже хотелось бы иметь реализационную власть, чтобы расправить крылья, повелевать женщинами, жить в достатке, управлять другими; и это естественно, поскольку **в самой природе жизни** заложена тенденция к расширению, увеличению и умножению. Завистники, не знавшие переживания божественного, пытаются **симулировать эти эффекты**. Их действия очень похожи на действия бого-вдохновлённых лидеров; они вещают мистическим, возвышенным голосом; они надевают маску пророка, если так можно выразиться. Со временем, благодаря такой мимикрии образуется потомственная аристократия (или правителей, или духовенства), для которой «призрак» настоящего опыта Бога – только память коллективного ума народа, семьи, отдельной группы.

С другой стороны, поскольку поначалу людям так трудно поднять себя с уровня бессознательных побуждений и естественных потребностей жизни на уровень познавшей Бога «индивидуальной души», – такой непосредственный и достоверный опыт должен быть **со-**

хранён, причём, в более или менее легко воспринимаемой форме, как образец, идеальный пример; как откровение того, чем будет **следующая ступень** эволюции души человечества в целом.

На основании такой памяти переживания опыта Бога, сохранённой небольшим числом индивидуумов, провозгласивших новые фазы развития души и духовной реальности, строятся организованные общества, религии и определённые культурно-этические паттерны. «Духовное» вливается в «социальное»; человеческий разум, особенно хорошо приспособленный организовывать и управлять социальной, религиозной, политической и культурной деятельностью будущих поколений, придаёт этому определённую и удобную для передачи форму. «Общество» (то есть образцы и законы), заполняет собой промежуток между «жизнью» и «индивидуальной душой».

Именно в этой промежуточной реальности общества, то есть, в организованной религии, ритуалах, в культуре и политическом правлении, по существу, проявляется и развивается эго. **Эго** (используя этот термин в современном психологическом смысле) – социальный фактор, поскольку эго оформляется в реакциях ребёнка на поведение семьи и окружения; и достигает зрелости в результате последовательной адаптации молодого человека (или недостатка адаптации) к социальным процессам. Эго реализует себя через опыт (переживание) «места и функции в обществе», или в протесте против того, что общество предлагает для его роста.

Отметим, что такое описание формирования и природы эго оставляет психологическую картину неполной. С точки зрения души, это выглядит следующим образом. Эго развивается и становится центром только в попытке души перейти из состояния «живущей души» к состоянию «души индивидуальной». Душа достигает индивидуализации не иначе, как через опыт эго. На своём пути она вынужденно ориентирована в «социальную сферу» и учится отвечать требованиям ментальных паттернов этой сферы, создавая свой аванпост – устойчивое эго.

Так может случиться, и случается как правило, – душа вовлекается в опыт эго в социально-культурной сфере, и оказывается захваченной нескончаемым водоворотом деятельности *общества и сильно развитого интеллекта* не меньше, чем «живущая душа» захватывается вихрем инстинктивной энергии жизни (на своей ранней стадии). В таком положении правомерно сказать, что душа становится «социализированной», а не «индивидуализированной». **Средства** – социокультурный опыт – **выдаются за результат** (индивидуализацию).

Все идеалы, понятия и паттерны общества (включая всё, что относится к культуре и установленной религии), с точки зрения духа и цели Творения Бога, являются **средствами, ведущими к цели**. Целью является создание из «живущей души» полностью сознательной, самодетерминированной, ответственной и зрелой «индивидуальной души», сознающей своё участие в божественно-космическом паттерне универсального развёртывания (эволюции), с позитивным отношением к энергиям жизни и человеческого ума (то есть способной **использовать и направлять**), но в то же время, остающейся восприимчивой к голосу Бога.

Общество и все его институты появились ради души. Всё, что присутствует в социокультурной сфере прямо или косвенно, было инспирировано потребностями развития души и ответом Бога на эти потребности. Каждая культура первоначально происходит от божественного Откровения; каждый великий социальный, художественный, религиозный, этический символ или идеал можно связать с некоторым видом видения или опыта человека, избранного Богом, который он сформулировал для людей своего времени, и главным образом, людей будущего.

Увы, когда Бог говорит с душой, душа может встретить этот опыт с испугом (или искажённо), с чванливостью эго или собственнической жадностью. Стадия расширения эго является наиболее опасной и включает в себя неизменный парадокс. С одной стороны, ум человека способен увековечить высшее видение (откровение), придав ему необходимую форму для передачи, и в то же время, он неизбежно подвержен тенденции заключать суть великого

опыта в рамки строгих интеллектуальных систем, подчиняющих букве, но убивающих дух. Таким образом, **параллельная эволюция** человеческого эго и общества – обуславливающих друг друга – проходит, кажется, через бесконечные циклы конфликтов и трагедий. Утвердившиеся структуры устойчивых паттернов общества, преследующих резоны эго-умов, должны время от времени разрушаться, а скопившиеся следствия искажений жизни, интеллектуальных заблуждений и произвола эгоизма – весь груз человеческих «грехов» – подлежит уничтожению, или очищению и «искуплению».

Путь индивидуализации – «трагический» путь, но он должен быть пройден. Человек может не вполне представлять себе свою роль в великой драме интеграции мира, начавшейся ещё в момент Божественного Творения, до тех пор, пока не станет чистым, правдивым, свободным, неограниченным и самодетерминированным «Я есть». Прометеев огонь индивидуальной самости должен быть высвобожден в человеке, если он хочет достигнуть высокой цели, совершенства души. Это есть возможность божественности человека как сына Бога; но возможность, сама по себе, может оказаться разрушительной для достижения цели. Эго человека рискует стать рабом силы инстинктов, привязанных к материи, и амбиций (или догм) социальной группы. Значит, индивидуализированная душа, слепо отождествляющая себя с эго, должна освободиться и перенаправить поток энергии на себя.

Путь трагедии и «греха» может вести через страдание и внутренние мучения к фундаментальному катарсису эго; а затем к озарению и (через продолжительное время) к преобразованию «индивидуальной души», достигнув однажды «отсоединения» своего сознания и воли от социокультурного порядка так же, как и от инстинктивной сферы жизни. Однако человек, омрачённый чувством вины, с грузом прошлых провалов за плечами, и разрываемый ментальными конфликтами на части, не может без посторонней помощи следовать этим путём регенерации к успешному завершению. Божественная сила, высвобождаясь, направляет и исцеляет его. Эта сила сначала проявляет себя в обычном течении эволюции как *Провидение*; далее как *Мудрость*. И в конце концов, она переживается в полноте своей сущностной природы как божественное *Милосердие Любви*.

Бог выходит человеку навстречу. Он спускается в царство разделения и греха, где эго борется, слепо протестует, или находится в безнадёжном рабстве «Египта» тела. Бог приходит ко многим людским эго – Тот, кто интегрирует – приходит дающим Закон и Поддержку. Он входит в них так же, как в начале развития земли «жизнь» входила в мириады разрозненных материальных частиц «океана», чтобы создать первый **паттерн интеграции** и наделить его притягательной силой, собирающей все объекты в единое гармоническое целое. Но в то время как интегрирующая сила Бога в царстве органической жизни является неотъемлемой и бессознательной (как то, что мы называем инстинктом), проявляя себя во множестве человеческих эго, – Бог появляется уже в сознательном (или, по необходимости, полусознательном) состоянии. Они слышат Его Голос; некоторые решаются встретить Его лицом к лицу; люди учатся, чтобы испытать на себе волю Бога к интеграции и развитию собственных энергий, сонастраиваясь с Его волей. Нужно заметить, что таким людям, в большинстве случаев, это удаётся только преодолев многочисленные неудачи.

Внутри каждой сознательной и индивидуализированной души, которая, может быть и смутно, но осознаёт интегрирующую силу Цели и Деятельности Бога, Его мудрость и Его Любовь, триединое понимание божественной природы души как Воли, Мудрости и Любви постепенно обретает форму. «Индивидуальная душа» обнаруживает, очень глубоко внутри себя, «божественную душу».

«Божественная душа».

Если «душу живущую» можно сравнить с фундаментом человеческого храма, а «индивидуальную душу» с растущим над землёй строением, то «божественная душа» это встреча Бога с паствой людей внутри освещённого здания. «Божественная душа» это не **форма** и

не **содержание**. Индивидуум это сосуд; Бог – его содержание. Но содержание, попавшее однажды в сосуд, приобретает «имя». Оно наделяется определённой судьбой и функцией. **Бог сам индивидуализируется внутри человека; и как человек**. И это есть высший смысл Воплощения.

Бог проявляет Себя как Отец, когда «индивидуальная душа» осознаёт себя «сыном» Бога, **Единого**. В этот момент встречи, между Единым и единицей проявляется линия происхождения. Сама сущность божественного единства переступает порог души. Она переступает этот порог, как творческая сила, как Отцовство. Человек становится «сыном» наяву (actuality) и в творческой силе, поскольку он получает Отцовство от Отца, единственного «Инициатора».

Как только это происходит, человек **становится зрелым в духе**. Он становится полноценным гражданином Царства Бога, способным к постепенному овладению трансформирующей силой духа, обладая собственной ответственностью. Он актуально становится тем, кем был лишь **потенциально** – он становится «божественной душой».

Человек как «божественная душа» не только является Посредником Бога; сверх того, он является «образом и подобием» Отца. Он является определённым **аспектом Бога**. В нём установлен **факт** «божественного Сыновства» для всех тех, кто имеет глаза, чтобы видеть. Бог говорит через него, как Господь Израиля говорил через Моисея; но он является и Голосом Бога, а также и Словом произнесённым.

Существует только один Голос; но Слов существует много, поскольку Бог, Единый, отвечает на индивидуальные потребности каждой «индивидуальной души». Есть сила высказывания; но высказываний возможно множество. Сын, Христос, один; но «божественных душ», индивидуумов во Христе (christed), испытавших преображение на своей собственной Голгофе Преображения, со временем, становится много.

И всё же, прототипом всех «божественных душ», уподобившихся Христу – **единому** Сыну – является Иисус. Иисус – **Первейший**. Во всяком случае, что касается современного нам цикла развития человека. Но будут многие, которые придут вслед за ним; некоторые, без сомнения, уже пришли. Мы можем сказать о святом Франциске Ассизском, как об одном из них; но нам следует осознать, что «только подобное может *знать* о подобии».

Божественное сообщество истинных и творческих «сынов Бога» это единое Братство Совершенных. Они узнают друг друга благодаря общему «подобию» Отцу. «Кровь Христа является сутью этих душ. Они составляют Общность, божественное Воинство, в котором каждый – это **один из** многих, и в тоже время – полное выражение **Единого**».

Христос, Сын, есть их единичность (oneness); Любовь Христа – качество этой единичности. Они есть в Христе и Христос есть в них, подобно тому, как число один находится во всех числах (все числа есть выражения «единицы»). Они являются «единицей» в различных аспектах, в разной степени отношения к единству, везде и в разные времена представляя собой проявление единства.

Эта цель Совершенства кажется почти бесконечно удалённой от среднестатистического мужчины или женщины наших дней. И всё же, если бы мы действительно ориентировали себя на достижение такой высокой цели – мы смогли бы сознательно получить и занять наше место в духовном авангарде человечества. Когда мы делаем что-то подобное, мы должны делать это как души, а не как эго, – каким бы «добрым», верным или продуктивным это ни было, относительно великих свершений! Ибо первый шаг за индивидуальной душой. Однако эго всегда может блокировать встречу с Божественным в нас, преподнося бесконечные препятствия, сомнения и уловки. Первый шаг за душой, поскольку она является центром нашего существа, из которого излучается интегрирующая сила духа. Только индивидуальная душа может в позитивной манере открыть Божественное из пустоты в центре своего сокровеннейшего ядра, и посредством него; и такое открытие даёт душе возможность принять участие в Господстве (Mastery) – Отцовстве Бога.

Увы, официальное христианство в течение своей долгой истории приучило нас к мысли, что существует абсолютное разделение между человеческим существом («творением») – и Богом, «Создателем»; что Иисус был единственным Мессией, одним и единственным Сыном Бога; что истинный творческий потенциал – использование силы Отцовства – цель абсолютно не достижимая для человека. Таким образом, официальное христианство только усилило раскол внутри человеческого существа, уже находящегося в процессе «индивидуализации». Область обсуждения ограничивалась самой переходной фазой этого процесса, в которой энергия души, запутавшись в сетях эго-структур, стремится к свободе от материальных привязанностей и диктата обстоятельств жизни, делая свой шаг в сторону того, что уже было – к своему начальному происхождению, «индивидуальной душе». Возможно, эта фаза наиболее понятна человеческим существам на нынешней стадии развития эго. Но мыслить весь процесс в терминах одной фазы, означает: не понимать его значения.

Поскольку это понималось столь ошибочно, основной акцент (по аналогии с иудейской традицией) был поставлен на поражении и грехе – том негативном условии, которое должно быть преодолено, и которое человек *сотворённый* не может преодолеть самостоятельно. Нас заставили поверить в «неправильный» ход развития Плана Бога, но дескать, на наше счастье, Божественная Жертва восполнила изъян, передаваемый из рода в род – возвратила человеку его утерянный шанс. Нам сказали, что греховность и избавление от неё неизбежны в каждой человеческой жизни, поскольку «человеческая природа» заведомо отравлена; что каждый индивидуум рефлексивно затронут первородным грехом, согласно его человеческой природе, и подобно этому так же «рефлексивно», способен получить Спасение Христа, **если** безоговорочно и полностью в него «верит», призывая, тем самым, схождение божественной Благодати; а пробуждается Благодать посредством молитвы.

Некоторый срез правды в подобных теологических утверждениях без сомнения присутствует. Но резонно ли верить, что в основе Плана Бога что-то пошло не так? Разве не основывается такая вера на недостаточном, и по-детски наивном, понимании сути целого процесса и «цели» Творения?

Ребёнку может казаться, что самое важное для родителей – давать рождение детям исключительно с целью иметь возможность наслаждаться их обществом; и если дети перестают радовать родителей, то последние готовы жертвовать собой, ради спасения своих детей и возвращения их в дом для того, чтобы «полная большая семья» могла испытывать счастье, благополучие и проч. во всех поколениях, без конца. Но это и есть «племенное» понимание, обусловленное идеалами той стадии развития людей, на которой «жизнь» и её энергии почти полностью доминируют над сознанием и чувствами человека.

Однако теперь, по крайней мере авангард человечества постепенно достигает более высокой стадии развития души. Человек, недавно завоевавший высвобождение и управление огромной энергией, скрытой в атоме, а также, в последние времена попавший в зависимость от скрупулёзного мышления и научных экспериментов, требует от религии (если вообще принимает её правомерность!) нового взгляда на значение Творческого Процесса. Отношениям человека с творчески-преобразующими энергиями Вселенной должно быть отведено вселяющее энтузиазм значительное место, в более широком понимании паттерна развития Вселенной. И только если это реально будет сделано, наше и последующие поколения смогут преодолеть сверх-интеллектуальный подход рационалистического деизма, или «современного» либерального христианства, которое фактически путает духовность с этикой, приравнивая эго-ум к «освещённому» уму, – уму не сопротивляющемуся, а способствующему постепенному развёртыванию «божественной души» внутри человека.

«Спасение», необходимое людям нашей эгоцентрической цивилизации, это обновление веры в реальность божественного; ибо эго, сталкиваясь с глубочайшим кризисом, находится на грани прекращения поиска жизненно важного понимания, **вытекающего из накопленного** «конкретного» и убедительного опыта вне его самого (эго). Борьба между **желанием**

сохранить индивидуальность, и желанием идти по такому пути, на котором индивидуальность **может** не препятствовать собственной трансформации на энергии нисходящего потока божественного, часто приводит человека к отчаянию или инерции от крайней усталости – *кататонии* сознания. Наша интеллектуальная элита, особенно в Европе, хорошо знает о такой опасности; и атеистический экзистенциализм не находит верного решения так же, как не имел его стоицизм времён падения Римской империи.

Только решение духовное, в конечном счёте, правомерно и эффективно – «воплощение божественной души», которая может нам дать, на любом уровне (на котором мы можем действовать как эго), **конкретизированный образ нашего будущего**. Будущее состояние жизни человека на земле – не на трансцендентном небе – должно быть по-настоящему прояснено, искренне **желаемо**, и несмотря на все невзгоды на пути, должно представляться **возможным** настолько, чтобы индивидуальное эго смогло этим вдохновиться и сделать, по крайней мере, первый шаг навстречу этому новому своему положению. Только это интенсивное желание, эта конкретно обоснованная вера в актуальность и возможность (для нас) божественного состояния сможет преодолеть, в решительный момент кризиса, крайнюю усталость – отчаяние и инерцию эго-ума. И если божественное состояние не сможет стать несравнимо более желаемым, чем все мыслимые объекты желаний, оно должно быть, по крайней мере, показано как основа и окончательное свершение всех остальных желаний. Человек-Бог, Аватар, – это «чародей» (charmer) для индивидуумов. Это подобно тому, как Кришна играет на своей флейте, – и вся Природа замирает в изумлении и любви. Подобно тому, как Иисус окликает, и люди следуют за ним с устремлённым сознанием по всему пути – до освобождающей душу смерти.

На ментальном уровне, мыслящий человек должен также быть в состоянии воззреть картину Мирового Процесса Вселенной и *Божественного*, которая не только обретает смысл, но «очаровывает» его; она вызывает его полное и глубочайшее интеллектуальное, а также интуитивное одобрение. Человек не может жить разнообразной и здоровой жизнью в окружении, ставшем для него крайне беспорядочным и бессмысленным. Он должен быть в состоянии интерпретировать свой мир в определённых терминах порядка, красоты и гармонии. Понимаемый мир даёт ему **позитивную** значимость и ценность **места, где он находится, и того следующего шага, который он предпринимает**.

Старые понятия Творения, «Спасительного Плана Бога», Искупления и подобию – не дают **позитивного** значения, способного пробудить энтузиазм мыслящего человека сегодняшнего дня. Его вера в те великие традиционные Образы – действенные для людей на определённом уровне – входят в острый конфликт со всем тем, что является ценным для эго-ума. На самом деле, современный человек живёт в состоянии латентной, если не откровенной, шизофрении. Таким образом новое «схождение божественного» необходимо для того, чтобы вернуть пребывающую в потенции возможность человеку, которому в духовном истощении остаётся только уклоняться от этих вопросов, прибегая к средствам чувственного возбуждения, занимать себя новыми гаджетами или развлекаться перемещением в пространстве.

Такое «схождение» уже могло произойти; оно может быть с нами и сейчас; или оно может быть впереди. Но мы **не** испытаем его – мы не сможем опознать его, если будем ему противостоять! – **до тех пор, пока** наш эго-ум не будет «освещён» переосмыслением ценностей, полученным ценой мучительного кризиса. Выше сказанное – всего лишь помощь, небольшая помощь в «истолковании» традиционных понятий: души, Творения, греха, эволюции и искупления; попытка их переформулировать с целью внести ясность, и если возможно, вернуть мужчинам и женщинам нашей традиционно христианской цивилизации (потенциальную) **силу этих понятий**.

6. ТВОРЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ

«Я есть Альфа и Омега, начало и конец»

Откровение 21:6

Давайте рассмотрим ежегодный цикл вегетации растений. Когда осень подходит к концу, мы находим в почве два конечных результата активности, давшей весной жизнь множеству зелёных растений и цветов. Мы наблюдаем разложение опавших листьев и проч., но также некоторое количество ещё крепких стеблей («призраков» прошлого); с другой стороны, если мы внимательно взглянем на разлагающийся гумус, там найдутся семена, упавшие в землю в момент начала умирания породивших их растений.

Взглянув на эту упрощённую схему мы сможем сказать, что в завершении цикла ежегодной растительной жизни, по-существу вырабатываются две вещи: семена и разлагающиеся листья. Последние смешиваются с минералами в почве, образуя гумус; семена со временем дадут новую жизнь, если только жёсткая оболочка защитит их от разрушения влагой и минует зубов мелких живых существ. Семена смогут породить не менее богатую растительность; опавшие листья, вернувшись в почву, будут вновь абсорбированы этой новой растительностью как необходимые химические вещества. Символически понимаемые два пути растительной жизни – путь семени и путь листьев – указывают на основание и повсеместность. Они иллюстрируют путь души и, соответственно, сквозную магистраль материальных элементов во всём человеческом существе. Это две линии развёртывания: одна из них приводит нас к тому, что мы можем символически назвать Братством Семени (Общность Совершенных Душ «последнего Дня»), – и линия другая, погружающаяся в хаос («Глубь»).

С точки зрения отвлечённого наблюдателя, – например, пролетающего над полем лётчика – земля зимой лишена растительности; как правило мантия белого снега покрывает почву. Нет ничего (т.е. нет чего-либо), кроме снежного покрова или бесплодной почвы. Затем приходит весна, и случается чудо. Из наблюдаемого «ничего» появляются зелёные побеги, и новая растительность покрывает почву. Итак, новое зелёное «нечто» фактически появляется не «из ничего». Оно представляет собой результат нового процесса интеграции; интеграции семени и химических элементов, оставшихся от предыдущей вегетации. К этому прибавляется вода и тепло, пришедшие с неба – всеобщая сфера. В этом процессе реинтеграции семена являются **активным** и позитивным фактором; хаотические частицы почвы, фактором **пассивным**. А источником творческой энергии является Солнце, чьи тёплые лучи приводят в движение весь процесс.

Поскольку мы видим этот процесс на поверхности земли ежегодно действующим в сфере жизни, и поскольку он следует основному паттерну, присущему любой проявленной жизни, тысячи лет он использовался духовными учителями всех народов в качестве символа постоянного космического Движения, которое порождает бесчисленное множество вселенных в сфере времени и пространства. Рассматривая этот паттерн в терминах ежегодного процесса возрождения растительности, пожалуй, мы можем ухватить самую существенную нить, ведущую к пониманию факторов, которые несомненно входят в процесс универсального Творения и проясняют, тем самым, цель Творения.

Появление и осуществление циклического времени

Когда мы пытаемся думать о Творении Вселенной согласно древним религиозным традициям, мы сталкиваемся с вопросом, на который, как нам кажется, нет ответа: что есть (или было) «прежде» того, как всё стало быть? Если время «начинается», то оно должно и «заканчиваться». И всё же, сможем ли мы на самом деле представить состояние бытия, и более того – Сущего – вне времени? Мы можем представить себе условия, при которых после-

довательность моментов времени бесконечно замедляется или ускоряется. Мы можем представить себе сознание, способное увидеть однажды всё прошлое, и прозреть паттерн будущего развития заранее, – так садовник, глядя на жёлудь, заранее знает, как вырастет дуб. Но ведь это не «вне времени»! Здесь существенно только разное отношение сознания ко времени.

Однако, для религиозно-ориентированного ума – а по-существу, к такому типу ума адресована эта книга, – проблема обычно кажется вполне разрешимой; и решение каким-то образом скрывается в слове «Бог». Что скрывает это слово, или что оно символизирует? Пожалуй то, что существует фактически не постигаемое состояние (единства), которое так или иначе **должно** быть постулировано вне времени, если концепция «творения» Вселенной Богом в определённый момент времени (каким бы удалённым момент ни был), вообще имеет какой-либо смысл. Следовательно, Бог **априори** представляет собой состояние всеобъемлющего, при этом трансцендентного, бесформенного, постоянного и вневременного единства. И всё же, несмотря на контраст таких понятий, как Бог и Вселенная форм, или время и изменяемость, они очевидным для нас образом связаны друг с другом – что и говорили нам религиозные тексты, а именно: что Бог «создал» Вселенную. Отношения Бога со Вселенной – каковы они?

Если мы сможем осознать природу этих отношений, мы сможем понять мотив, метод и цель процесса Творения. К сожалению, религиозные интерпретации отношений Бога и Вселенной сильно отличаются от метафизических. Это не должно нас удивлять; ибо все эти люди, погружённые в мир времени и вечно изменяющихся форм существования, в основном, могут говорить о неизменном состоянии, или царстве единства Бога, как о **не имеющем** характеристик нашего мира. Приблизительно так описывается Бог в мистических типах религий; и подобным образом, в трансцендентной метафизике, где говорится об «Абсолюте» через негатив, то есть, исключительно через отрицание понятий: **без** времени, **без** изменений, **не** ограниченный чем-либо.

У того, что вневременно, конечно, не может быть никакого начала и конца. Но можно ли **на самом деле мыслить время само по себе** начинающимся или заканчивающимся? Это очень сомнительно. Можно мыслить в сколько-нибудь реальном смысле **определённую манифестацию** времени (появление) – например, начало «цикла» времени, целостность времени.

Это может быть (по крайней мере частично) проиллюстрировано на уровне повседневной жизни тем фактом, что деятельность человеческого тела не прекращается после засыпания человека. Некоторые аспекты этой деятельности приостанавливаются и становятся не очевидны; тем не менее, деятельность в теле происходит. Мы видим, что имеет место процесс разделения внутри всего человека: ум и душа кажутся отодвинутыми (withdraw) в область приостановленной скрытой деятельности – в трансцендирующую сферу активности (в которой некоторые сны являются, возможно, более или менее беспорядочными или искажёнными воспоминаниями) – в то время, как клетки и органы тела продолжают свою химическую и ритмическую деятельность в несколько модифицированной манере. Когда человек просыпается, два уровня всего существа интегрируются вновь.

В этой нарочито упрощённой иллюстрации процессы разделения (при засыпании) и реинтеграции (при пробуждении) крайне относительно и поверхностны. В случае смерти, разделение происходит полнее, и оно представляет собой конец соразмерной манифестации времени, но само время не заканчивается от этого. Говоря в более общем смысле, термины «начало» и «конец» **принадлежат** сфере времени. Они относятся к некоей трансформации того, чем является, или представляет собой, время – трансформации по отношению к безвременности Бога или Абсолюта.

В состоянии абсолютного единства вневременного Бога не может быть никакого начала или конца, ибо это было бы логической нелепостью; и всё же мы можем сказать, что от-

ношение между безвременностью Бога и космическим временем вселенной, изменяется. Изменяется оно циклически; и то, что мы называли «началом и концом» устанавливает **две критические фазы отношений между безвременностью Бога и временем** – между единством Бога и множественностью: её мы видим в мире вещей, а также и в мире индивидуализированных душ.

Однако, когда мы говорим о Боге, связывающим Себя с материей, мы не должны представлять себе Его, как пребывающего «здесь», и множество материальных частиц, индивидуальных душ, как пребывающих «там»! Нам не следует также думать о безвременности Бога, как о существующей **до** начала или **после** конца времени; ибо это не имело бы вообще никакого смысла. Безвременность Бога часто фигурально обозначается как «Вечное Сейчас»; она есть и действует **во времени и через время**, но не **вне** времени. Так же, как неизменное «бытие» (being) Бога есть и действует во время и через «становление» человека и материи, но не **вне** этого.

«Бытие» **включает в себя** «становление»; предельная Единица охватывает Множество подобно тому, как множество мыслей человека находятся «внутри» его единого ума. Мысли находятся внутри ума; и всё же, если человек не продумывает определённый тип или последовательность мыслей, то эти мысли находятся не «вне» человеческого ума, но скорее **вне поля внимания** человека. Человек не связан с ними сознательно и активно; мысли скрыты, и всё же, не активированные, они в уме присутствуют. В похожем смысле, материя вечно пребывает внутри ума и бытия Бога; но если Бог не «думает» о материи и не фокусирует своё внимание на ней, то ни вселенная, ни время, и вообще никакая вещь не может существовать.

Несмотря на трудность понимания сентенций такого уровня, мы должны констатировать, что Бог есть вневременная Гармония всего, что мы только можем воспринимать как противоположности: бытие и становление; безвременность (или вечность) и время; неизменное единство и вечно изменяющаяся множественность. Поскольку мы принадлежим к сфере изменений и множественности, мы можем только смутно ощущать эти полярности абсолютной сущности Бога **через** осознание времени и циклов – «как через стекло». Мы довольствуемся наблюдением полярностей, развёрнутых в циклическом времени; так мы разглядываем распавшийся на отчётливые цветные грани луч солнца, пропущенный через призму. То, что **есть** внутри Бога (как вневременного, совершенного, гармонического соотношения элементов), **становится** для нас изменяющимися отношениями между идеальным понятием единства и нашим опытом множественности.

Когда мы говорим о начале Творения, мы имеем в виду момент, в который Бог **представляется нам** сфокусировавшим Своё внимание на сфере материи. Мы можем сказать, что «началом» является момент вхождения Духа Бога в мир времени. «Концом» является момент, в который совершенная душа, достигнувшая божественной цели Творения, утверждается во вневременном единстве Бога.

Начало и конец – **Альфа и Омега** активных взаимоотношений между Богом и сферой множественности, материей и индивидуальными душами. Время само по себе, может быть наилучшим образом понято, как выражение этой связанности всеобъемлющего Целого и Множества. Это есть «развёртывание» безвременности Бога, и напоминает развёртывание чувства сострадания в любящем сердце, видящем продолжение мучений от болезни живого существа. Время это видимая ткань (warp) активности Бога; следовательно, для нас, – тех, кто принимает форму и вовлечён в циклические нити этой ткани – время, сознательным образом переживаемое, обнаруживает единство Бога и непрерывность Его деятельности.

Творческий процесс МОЖЕТ быть понят

Вселенная рождается от божественной реализации необходимого изменения в состоянии взаимоотношений между единством и множественностью. **Реализация необходимости** порождает **желание к действию**; это желание становится мыслью, как внимание Единицы

фокусируется на проблеме того, как поступить со Множеством. Мысль и цель сливаются в представлении решения, **плане действия**.

Этот «план» имеет по-существу одну цель: привести всё Множество к более интегрированным и более гармоничным взаимоотношениям с Единым. Это план интеграции. Создание, по-существу означает объединение Множества несвязанных элементов в состояние единства посредством некой формы, структуры, или паттерна взаимоотношений.

Для нас, человеческих душ и умов, знающих мир жизни на земле, в фактическом процессе творения нет никакой мистерии. Это процесс, который происходит не мгновенно; он имеет определённое количество характерных фаз. Это те фазы, которые символизируются в Библии «Семью Днями» Творения, и мы это сейчас увидим.

Творение предполагает трансформацию и, прежде всего, новые взаимоотношения между объектом (представляемым и воображаемым индивидуумом) и материалом, существующим отдельно. Однако, если мы хотим представить себе **божественного Творца**, – Творца, Который не может быть понят как существо совершенно отдельное от материи Своего Творения, если он действительно является всеобъемлющим Единством и вневременным Бытием, – обычная идея Творения выглядит несостоятельной. Она проваливается потому, что ум затрудняется мыслить соотношение между временем и безвременностью Бога. В попытке избежать эту трудность, в качестве приемлемого выхода, была задействована и популяризирована иррациональная идея «Творения из ничего» (*ex nihilo*); и тем не менее, фактически это является интеллектуальным ухищрением.

Подобное понимание относится к метафизическим, к тому же постоянно действующим, взаимоотношениям между вневременным единством Бога и сферой времени, изменений и множественности. Но давайте не станем делать ошибку снова, думая о таких взаимоотношениях, как о взаимоотношениях двух внешних друг к другу факторов. Множество, как таковое, находится **внутри** Единства. Оно есть **предполагаемая** сложная задача, включённая в него. Творение начинается тогда, когда Единство переходит из состояния своей чистой субъективности к состоянию, в котором Множество предстаёт чем-то, нуждающимся во внимании. Бог мыслит материю и души (своих потенциальных «сыновей») как отдельные от Себя, и всё же находящиеся внутри Него. Состояние поляризации начинается «небом и землёй» первого стиха Книги Бытия. Множественность поляризует Единство. То, что есть множество – проявление «прошлого», оставшийся от прошлого материал. Но если есть прошлое, должно быть и будущее; ибо в Боге всё существует в Гармонии противоположностей. Определённый цикл времени начинается в попытке привести прошлое к состоянию будущего интегрированного существования – состоянию, в котором результаты прошлого будут «искуплены», т.е. трансформированы и преображены более совершенным, божественным сознанием полной связанности и Гармонии.

Будущее это идеальная цель интеграции, **прошлое** – то, что в этой интеграции нуждается; а **настоящее** это Бог, действующий «сейчас» в направлении реализации идеальной цели. Настоящее это время, в аспекте сострадания и любви Бога в действии; это вневременная Гармония Бога, **проявляющая Себя в созидательном аспекте времени**. В действительности, Творческий Акт Бога есть данный момент – сей час.

Когда мы полагаем, что Бог, Отец, создал мир раз и навсегда в каком-то отдалённом прошлом, этим полаганием мы утверждаем нашу отдалённость от Отцовства и наше непонимание его действия. Мы думаем о «мёртвом времени», т.е. о том, что исчезло или всё ещё остаётся неисчерпанным. «Живое время» это Настоящий момент, в который Бог, Отец, проявляет Своё Отцовство; это появление новых решений, вызванных новыми проблемами, причиной которых являются вечно изменяющиеся взаимоотношения между всеми формами существования. Никакая необходимость не остаётся такой, какой она была «только что». Ибо у Бога ничего не «бывает», поскольку обращённое внимание Бога и есть то, что непосредственно «есть»! Поскольку Бог рассматривает совершенство своих «сыновей» в конце большо-

го цикла, а это, тот же час, связывается с осведомлённостью Бога об одновременном поражении многих других, желавших реализовать своё божественное сыновство; и тут же звучит новый призыв новой вселенной внутри бесконечной потенциальности Бога, содержащей ответы на неисчислимы множества проблем; тут же, «сейчас», начинается новая вселенная, по крайней мере, потенциально. Божественное состояние – это состояние непрерывного высвобождения девственно-чистых потенциальностей. Сей час – это точка для появления этих творческих потенциальностей; это точка живой спонтанности и творчества.

Однако то, что было высвобождено, должно неизбежно спускаться на «более низкие» уровни потенции, и становиться деятельностью по отношению к другим формам деятельности. В этой неизбежной соотнесённости и существуют время и циклы. Последние должны существовать, и мы должны изучать их ритмы и значения. Да, эти циклы неизбежны, но не трагичны! Соотнесённость является фундаментальным принципом всего сущего, и Бог – есть совершенная, гармоническая соотнесённость всего. Что трагично, так это отрицание чуда Творения, возможного в любой момент; это отрицание всегда присутствующей возможности творческого изменения. То, что началось, должно следовать своему циклическому паттерну; но что-либо может начаться прямо сейчас. «Всё возможно Богу». Отрицать это – значит отрицать Бога. Атеизм это иное слово для обозначения инерции.

Творческое начало

Любой творческий акт начинает цикл. Вся жизнь и вся история цикличны; т.е. они придерживаются базового структурного паттерна развёртывания и служат определённой «цели», не в буквальном смысле слова, но в смысле существования возможности ответа на необходимость. Творческий акт в Настоящем – это реакция на прошлое, а развёртывание этого ответа есть (циклическое) время в будущем; т.е. время, достигающее осуществления того, что в начале являлось потенцией.

В цикле вегетации прошлое представлено гумусом, составленным продуктами распада; а будущее это новая вегетация; множество развивающихся растений нужны, чтобы дать химически обработанным остаткам прошлого **новый шанс** пережить пассивное единство внутри живого организма.

Как будет происходить эта новая вегетация? Не «из ничего»! Она возрастает из семян, переживших смерть всех вещей закончившегося цикла – семена в земле, которые остались нетронутыми и интегрированными (и таким образом, «бессмертными») как потенциальные средоточия будущих действий жизненных сил своего собственного растительного вида. Осенью, внутри множества семян, жизнь возвращается в широкую потенциальность своих характеристик (или качеств), которые нам известны как «виды». Так множество «покрывается» Единством. Во время этой фазы «ухода» происходят «мутации». И когда весеннее солнце вызывает новый всплеск жизни, «единая жизнь» – внутри всё тех же семян – пробуждается вновь; происходит зарождение; новая вегетация проявляется в новом цикле.

Это творческое возрождение циклического существования символизируется в первой главе Книги Бытия термином Элохим, который мы просто переводим как «Бог». Однако это слово пишется во множественном числе! Оно может обозначать «ОН-боги». Это Бог в творческом аспекте; или скорее, это слово представляет собой проявление Отцовства Бога (т.е. EL) из состояния абсолютной потенциальности и единства, которое мы называем Отцом. Отцовство, **EL**, есть единая сила, единый поток творческой энергии в своём источнике; это Дух как единая трансформирующая Воля и Цель. И всё же, **Отцовство** должно действовать *в* и *через* сонмы творческих эманаций, или лучей. Точно так же, как в весеннее время жизнь вида возрождается в едином акте зарождения, хотя акт совершается множеством семян, – так и Слово, которое есть «в начале» (от Иоанна 1:1), являясь единым высказыванием, состоит из множества букв. Голос, произносящий Слово – Голос Бога; много буквенное Слово – **Элохим**, Творческое воинство.

Однако можно спросить – зачем совершенному Братству «божественных душ» и «сыновей Бога», представляющих собой духовный урожай конца цикла, нужно возвращаться в мир жизни?

Отсутствие удовлетворительного ответа на этот вопрос всегда отягощало мысль Азии, и особенно южный буддизм. И тем не менее, что может быть проще для понимания! «Божественные души», по достижению «совершенства» и единства в Боге, неизбежно должны принимать участие в безграничной любви Божественного. Разве могут они совсем оставить позади себя тех существ, которые во время долгого периода их собственного пути к совершенству, оставались на обочине или следовали путём, неизбежно ведущим к состоянию «распада листьев»? Как может *Сострадающий забыть* об оставшихся людях, вместе с которыми Он был воплощён? Возможно, ошибки этих самых людей обеспечили в своё время условия, при которых победа Совершенного стала возможной!

Можно сказать, что эти «божественные души» непременно отработали всю свою **карму**, как гласит широко распространённая (и очень часто неверно понимаемая) фраза. Но это слишком поверхностная точка зрения. *Совершенный* не может «забыть», поскольку он полностью налит состоянием безвременности и всеобъемлющего единства. Бог не может «забывать», даже если нам, втянутым в вихрь времени существам, кажется, что Он не помнит о нас. В момент Творения, Он «вспоминает» снова. Вневременной Бог **не может** забыть; и Он как Отец, в своём многочисленном божественном воинстве («урожай семян» циклического времени), так же, как само ядро творческой деятельности, Элохим, является источником нового творческого потока существования времени. Таким образом, не существует ничего «забываемого» «божественной душой» – и также эта душа не может быть забытой.

Поскольку Бог «помнит» в своей вневременной всеобъемлемости, то и «божественные души», достигающие совершенства в конце своего цикла не могут погрузиться в «не-бытие» – что могло бы означать быть забытыми Богом! Даже если они переживают некий период «зимнего» скрытого состояния и «восстановления сил» в огромном океане потенциальности – океане духа, Девственности (Virgin) всех миров – «божественные души» призываются древним Именем и новым пробуждением душевной памяти, когда внимание Бога «ещё раз» обращается к тому, что осталось незавершённым в циклическом времени – «незавершённому делу» прошлого.

Это то «обращение внимания», которое в огромном мировом цикле является возобновлением времени. Бог видит Себя, как «Его сыновья», мы можем сказать. Когда это происходит, нельзя более говорить о Единстве – чистом и простом. Внутри Бога вновь появляется **Элохим**, ОН-боги; множественность становится активной, и космическое Семя приводится в движение силой зарождения. Тогда как **Элохим**, оглядывающий в духе поле будущего Творения (тёмные воды «земли»; Книга Бытия 1:2), осознаёт меру последствий хаоса, и вот – Бог высвобождает активную **силу связанности**, которая является энергией для субстанции божественной Любви-Милосердия, которая есть «Свет».

Решение проблемы хаоса присуще природе Света. И этот Свет есть «душа» воображения. Свет растворяет тьму – подобно тому, как сознание души разрешает проблемы, укоренённые в «глубине» бессознательного (психологического) «гумуса», созданного нагромождением разрозненных плодов прошлых падений и неудач. Аналогично, по-настоящему творческое воображение привносит порядок в ход инерции прошлого и насыщает данный момент видением будущего – целью и планом.

Действительно, первейший аспект божественного Отцовства это творческое воображение – власть предвидеть разрешение любой необходимости, плюс способность эффективно планировать реализацию **визуализированных в уме** решений. Творческое воображение это сила Элохима. Она смешивается со Светом, который несёт центральный принцип связанности в бытие Бога – «Сердце Бога», – и эти две силы в абсолютном единстве начинают актуализацию творческого процесса.

Основной паттерн

«Семь Дней» Творения, описываемые в первой главе Книги Бытия, представляют собой семь характерных фаз творческого процесса вселенной. Но паттерн, показанный в символическом библейском повествовании истинен для **всех** творческих процессов – везде и на любом уровне. Творение, я повторяю, это не мистическое событие, случившееся шесть тысяч (или же много триллионов) лет назад. Творение присутствует в любом моменте. Бог «действует» сейчас. Библейский нарратив применим к любой ситуации, в которой остатки прошлого трансформируются в более интегрированное, более «совершенное» состояние бытия в будущем. Такая трансформация постоянна; сопротивляться этому, значит сопротивляться творческому духу Бога-Элохима. Отказываться от изменений, направленных в будущее, значит начать умирать духовно. И основной силой, способной повлиять на будущие изменения и метаморфозы, всегда является *воображение*.

Творческое воображение действует через ум; но ум должен ясно видеть различие между творческим Умом Бога и человеческим умом. Конечно, в обоих случаях суть деятельности ума есть **формирующая сила**. Деятельность ума направлена на сосредоточение посредством формы. Но божественное сосредоточение Ума – огромный вечный поток творческого воображения и любви-милосердия Бога, – в то время как человеческий ум, по-существу является способностью к ассоциированию, способностью соотносить, обобщать и абстрагировать множество данных, поставляемых человеческими чувствами.

Человеческий ум обобщает частные случаи, строя теории и системы, опираясь на результаты полученного опыта и экспериментов мира «жизни и материальности». Божественный Ум фокусирует универсалии в частном. Как кристальной чистоты линза концентрирует рассеянный солнечный свет в образ солнечного диска, так божественный Ум концентрирует творческое воображение и любовь Отца (т.е. рассеянную универсальную силу Отцовства) во множество точных «образов и подобий» Отца, каждый из которых – потенциальный «сын», совершенная «божественная душа» в потенции.

Эта формирующая деятельность божественного Ума разворачивается в последовательности шести основных фаз, называемых в первой главе Книги Бытия «Днями». Эти «Дни» представляют собой шесть шагов **инволюции** Духа Бога в сферу архетипических форм и душ; и в конце шестого Дня в **Уме Бога** создаётся **Форма**, совершенный Архетип, Человек как образ и подобие Отца. Эта совершенная Форма, или основа, Человек, далее проецируется и выражается в материальности, – это напоминает проект дома, который будет использован при постройке здания дома из необходимых для этого материалов: глины, известнякового раствора и дерева.

Таким образом, человек появляется в сфере жизни как «живущая душа» (см. Книга Бытия 2). Начинается эволюция души; и библейское повествование выделяет три характерные периода этой эволюции: от Адама до Авраама, от Авраама до Моисея, от Моисея до Иисуса. Такую эволюцию следует понимать, как более тесное «соглашение» («завет») между Богом и человеком. Душа эволюционирует из состояния «души живущей» до состояния «души божественной»; но Бог, в симметричном движении, постепенно «наполняет» человека до тех пор, пока человек и Бог не становятся в Иисусе Христе совершенно одним.

Через это Воплощение Бога и Преображение человека, для всех по-настоящему индивидуализированных «сынов человеческих», открывается **возможность** стать **через** Христа творческими посредниками, расширить творческую деятельность Отца и приумножить Воинство «сынов Бога». Благодаря этой возможности, человек, даже если он ещё находится в состоянии индивидуальной эволюции, весьма далёком от конечной цели, должен постоянно ориентироваться на творческий процесс и сонастраиваться с ним, поскольку этот процесс от Бога.

По-настоящему творческий опыт, однако, не приходит через использование только лишь человеческого ума, который, как мы помним, функционирует, как ассоциативный ин-

теллект и направляется эмоциональными импульсами, которые привязаны к материи «гравитационными» силами эгоистических желаний: власти, богатства или славы. Человек может никогда не стать в полном смысле творческим индивидуумом, если он не станет посредником божественного Ума; если **Элохим**, ОН-боги, не станет творить через него.

Теперь следует подчеркнуть, что в первые шесть Дней Творения происходит **формирование творческой Мысли**, а не создание материальных организмов и тел в том смысле, в котором мы сегодня используем слово «материальный». Самое большее, что можно предположить об этой архетипической «организации» божественной творческой Мысли, это представить её «моделью» того, что впоследствии будет претворено в сфере жизни. Это можно уподобить архитектурному проекту, или музыкальной партитуре композитора. В совершенном проекте или партитуре, законченное произведение полностью определено, включая мельчайшие детали; и всё же, множество фактических воплощений (звучаний) симфонических партитур могут совершенно не отразить и даже полностью извратить замысел (или цель) создателя; и множество подрядчиков и строителей провалили попытку возведения в материале идеального храма, прорисованного воображением архитектора, и затем, полностью сформулированного им в конечном проекте.

Каждый творческий процесс приводит к некоторому количеству сбоев, то есть, к определённой степени соответствия чистому Архетипу в божественном Уме. Причины таких провалов сложны, и они характерны для взаимоотношений между материей и Создателем (материалом и мастером). Они присущи природе времени и изменений в непрерывной поляризации единства и множественности. Именно по этим причинам периодически возникает необходимость вселенской ре-интеграции.

Все творческие процессы могут рассматриваться, как формулирование и воплощение «проекта». Проект Бога это возможное создание, по Его образу и подобию, множества совершенных душ. Для чего создание душ? Не ради «славы» Бога – ибо это выглядит преуменьшением Бога до человеческих масштабов! Для того, чтобы через деятельность этих душ (множества Его «сыновей») хаотические остатки прошлого могли снова испытать интеграцию и единство, и прошлое становилось преобразовано, космосом **настоящего времени**, в божественное **будущее**.

Человек был назван Храмом Живого Бога. Но ни один **настоящий** храм не строится во славу архитектора, как «красивый» памятник. Он строится, чтобы **работать**. Он задумывается и сооружается для собрания людей с тем, чтобы они могли в священном месте пережить Присутствие Бога, и таким образом, постепенно трансформироваться в *больше-чем-человека*.

Всегда и на любом уровне то, что создаёт Бог в целях интеграции – трансформируется и преобразуется. «Индивидуальная душа» преобразуется в «божественную», и материальные частицы (хаотичные вначале) усвершенствуются, а затем перевоплощаются в божественную энергию; материя в состоянии хаоса является неодушевлённой энергией, сведённой к состоянию почти абсолютной инерции.

Семь Дней

1. Первая фаза любого чистого творческого процесса, по-существу, относится к осознанию творцом того факта, что существует некая потребность, требующая удовлетворения. Мы можем представлять себе эту потребность множеством способов; на человеческом уровне, например, автор может начинать творческий проект с целью удовлетворить психологическую или материальную потребность. Если художник создаёт «потому, что должен», это просто означает, что потребность выражается в форме психологического понуждения. Однако, это «понуждение», в некоторых случаях, может быть направлено творческими Силами более высокого порядка с тем, чтобы актуализировать Архетип, пребывающий в уме Бога. Творец испытывает сильную заинтересованность, или внутренне понуждаем, ответить на потреб-

ность. Он мобилизует свои энергии (т.е. Он «проявляет волю») для ответа на вызов.

Это есть День первый (Книге Бытия 1). «Небо и земля» относятся **не** к миру материальной реальности, но к тому, что осознаёт Бог, поскольку обращает Своё внимание на дуалистическую реализацию полярностей духа и материи, субъективности и объективности. Реализация происходит полностью внутри Бога, Единого. Единый «думает» о Многих. Древнееврейское слово *B'rashit* («в начале») этимологически означает «в голове», в уме; или в другом значении – «в семени». В первых словах перевода Евангелия от Иоанна греческий термин использован как «начало» – «arche», то есть «принцип».

Первое «вспоминание» прошлого пробуждает в гармоническом бытии Бога активное состояние, – «Дух **Элохима** кружился над поверхностью вод», познавая таким образом «остатки» (затопленной памяти, «бездны») прошлого. Тьма над бездной это препятствие, возникающее пред взором Бога. Эта тьма побуждает Его высвободить свет. Бог не может не действовать просто от того, что Он есть таков, как Он есть. Божественная активность – это всегда активность, соответствующая необходимости; но «необходимость» Бога иная, – она не имеет привычного для человека характера, понимаемого им, как то или иное принуждение. Действие и бытие едины и неразделимы в Боге; творческое действие в Нём абсолютно спонтанно, и в том числе, когда оно необходимо. Здесь нет потенциального сопротивления, препятствия или конфликта. Сострадание едино с волей, и воля становится актом без интервала промедления.

Акт высвобождения Света: «Да будет Свет». Этот Свет поднимается из самой основы божественной Гармонии; это сила связанности, и это любовь-милосердие. Это Христос, **Альфа** цикла манифестации. Христос – ядро единства Творческого Воинства **Элохима**. Он есть Свет, и Он же есть возрождение времени, Эон.

2. Создатель, имеющий желание создавать и поляризовывать своё сознание (свет-и-тьма здесь могут интерпретироваться как дуализм неограниченного воображения и самокритики, или самопоиска), визуализирует, в свете спонтанности, основное решение «идеи семьи» – её основы и «возможности» полного развития.

Эта стадия устанавливает создание «небесного свода» в течение второго Дня. Латинское слово означает «твёрдый ум». Бог называет небесный свод «небом». Но это уже не то «небо», о котором говорится в Книге Бытия 1:1. Это та небесная ширь, которая в архаическом сознании занимала место духовного основания, творящего Ума Бога, универсального Формирующего Органа «посреди» всего существующего.

3. Основное решение, «схваченное в духе» или постигнутое интуитивно, должно быть выражено в новой форме, или формуле – **новом способе соотнесения элементов**, – которые суть наследие прошлого. В новой симфонии используются те же ноты и большинство тех же инструментальных интонаций так же, как и в сочинённых прежде симфониях; но **соотношения** между этими нотами и интонациями новые, и это означает иное решение партитуры в новой симфонии.

Это есть третий День Творения. «Воды под небесами» составляют то, что станет сферой жизни, сферой, где материальные частицы хаоса будут постепенно интегрироваться в живые организмы. Бог задумывает такую сферу и первое в ней проявление жизни. Понятием «семени» (1:11) устанавливается весь циклический паттерн манифестации жизни – но устанавливается он, как архетип в Уме Бога.

4. Четвёртый шаг доводит до конца то, что было начато в двух предшествующих. Визуализированный план (шаг два) становится законченным проектом храма, партитурой музыкальной симфонии, пошаговой формулой химического (или духовно-алхимического) процесса. Этот план явно нуждается, если не в записи, то во всяком случае в какой-либо «фиксации» в уме или памяти.

В ходе четвёртого Дня, Бог обзревает то, что было начато в течение Дня второго, точный паттерн, действующий в «небесном своде», основной ритм. Для халдеев, и всех челове-

ческих обществ первого тысячелетия до нашей эры, солнце, луна, звёзды и планеты представляли собой Формирующие Силы вселенной, «Творческую Иерархию». В течении четвёртого Дня Бог очерчивает контролирующую и осуществляющую роль всех космических процессов, определяющих основание для эволюции человека и его восхождения к совершенному состоянию божественного Сыновства.

5. Проект, музыкальная партитура (или формула), являются первыми ментальными абстракциями. Чтобы получить определённое *звучание*, нужные материалы должны быть собраны, обработаны и усовершенствованы.

В пятый День были созданы животные, живущие под водой и в воздухе, но не как плотные, материальные организмы (об этом говорится в Книге Бытия 2:19), но как **роды и виды**. В определённом смысле, морские и воздушные животные рассматриваются как средства усовершенствования материй жизни, которые будут использоваться человеком и его предшественниками. Эта ссылка относится, возможно, к алхимическим элементам, Воде и Воздуху, связанным соответственно с эмоциональной и интеллектуальной природой человека.

6. На шестой стадии комплектуются **средства**, благодаря которым потребность, приведшая в действие творческий процесс, будет, в конце концов, удовлетворена и завершится. Это только «средства», использование которых всё ещё принадлежит будущему. То есть закончен образ храма, на основе которого будет, в свою очередь, построено множество реальных, вещественных храмов; инженерные механизмы, которые со временем произведут множество устройств, будут построены; формула процесса лабораторно тестирована – она будет работать при надлежащем её использовании.

В шестой День, элемент Земли замыслен Умом Бога как финальный фактор Архетипа Человека. Он дифференцирован и усовершенствован через новую серию манифестаций животных – видов, способных развиваться на твёрдом элементе Земли. И когда все необходимые факторы были подвергнуты разработке, в Уме Бога был создан «эскиз» Человека как божественной Формы, душа которого будет способна пройти свой эволюционный путь к цели – к совершенству.

Воинством Элохима создан Человек как «образ и подобие» Бога, Отца. Задуман Человек как божественный Сосуд, внутри которого материалы земли, в своё время, могут не только испытать **гармоничное единство**, но в котором они могут быть преобразованы и перевоплощены в божественную энергию, – материя и энергия являются одним по сути. Но если человек подобен алхимическому Сосуду для преобразования, то душа является Алхимиком. И душе надлежит начинать свою эволюцию там, где только может быть найдена хаотическая материя – в сфере жизни, на земле (возможно, на иной планете так же!). Душа должна начинаться как «душа живущая», принудительно скованная повторяющимися бессознательными энергиями жизни; и только, если она поднимает себя сама и поднимается на уровень индивидуализации и активности ума, она может стать позитивным «доверенным» конечной цели Бога.

7. На седьмой стадии, удовлетворённый своей работой архитектор «отдыхает». Но, на самом деле, в каждой седьмой фазе любого цикла происходит **переход с одного уровня деятельности на другой**. Архитектор передаёт будущее своей работы в руки подрядчиков и непосредственных прорабов, которые будут направлять реальное производство конкретного здания из камня, дерева, строительного раствора и проч., и управлять множеством строителей. Композитор (на этой стадии реализации замысла) передаёт свою работу руководителю оркестра, который соберёт «незаменимых» исполнителей для «воплощения» абстрактной партитуры в последовательность живых, выразительных и проникновенных звуков – если всё пойдёт хорошо! «В-Уме-Творение» закончено, во всяком случае, что касается *цикла времени* и всех объектов, подчинённых этому понятию; начинается создание и эволюция в сфере жизни, и на материале жизни.

Человеческая эволюция и Господь Бог

Управителем всего, что связано с эволюционными достижениями является Бог, но Бог как Господь интеграционной деятельности и активности, в Своей особой ипостаси – «Господь Бог». В этом аспекте Бог впервые появляется в Книге Бытия 2:4, но Его полное открытие приходит только к Моисею, когда Бог декларирует Себя в Своем наивысшем образе как **Я ЕСТЬ СУЩИЙ** (Исход 3:14)

Выражением «Господь Бог» переводится древнееврейское «JHVH Elohim». Для древних евреев слово из четырёх букв JHVH считалось самым сакральным (непроизносимым) именем Бога. Оно было транслитерировано на английский язык как Иегова, или в более позднее время, Яхве. Но, по сути, оно является «тетраграмматом» (от слова *tetra*, четыре) с наиважнейшим группированием один плюс три – Jod и He-Vau-He. Значение слова основывается, прежде всего, на числе 4 (квадрат или куб), которое представляет собой Краеугольный Камень и символизирует **конкретную интеграцию в и через материя**.

Другим важным фактом является то, что Яхве и Элохим, скреплённые вместе, по видимому, символически показывают, что Яхве является одной из сторон Элохима. Возможно, мы можем сказать, что тетраграмматон представляет собой **четвёртый аспект** Бога – Бог как божественный Принцип персонификации; таким образом, **Я ЕСТЬ СУЩИЙ**. Именно потому, что Яхве, или Иегова, является божественным Принципом персонификации, Ему неистово поклонялись как «личному Богу». Однако существует большая разница между «личным Богом» и Богом, представляющим собой Принцип Индивидуальности, **Я ЕСТЬ!**

Действительно, сказать, что **Бог демонстрирует атрибуты личностной сущности или души, приходя на помощь человеку**, не то же самое, что безоговорочная вера в «личного Бога»! Разница может пониматься метафизически; и всё же, она абстрактно определяет два подхода к пониманию Бога. И в зависимости от того, какой из подходов принимается человеком, это становится основанием для самых глубоких и практических последствий.

Однако, взятое вместе с четвёртым стихом второй главы Книги Бытия, всё это может поменять представление о направлении деятельности Бога. Господь Бог создаёт человека из **пепла земли**, вдвухает в него **дыхание жизни**; и человек становится *душой живою* (Книга Бытия 2:7). С этого момента душа является центральной фигурой библейской драмы; эволюция души становится основным сюжетом. Проблемой становится подъём души над гравитационным притяжением материальности в своей попытке контролирования последней, **вместо существования под её контролем**, контролем «дыхания жизни» (т.е. ритмически повторяющихся энергий живого организма человека – инстинктов, желаний, страстей и проч.). Вся история человечества, как и библейское повествование, ясно показывает всю трудность такой задачи. Основная проблема заключена в оппозиции между сущностью души, происходящей от единства Бога, и свойственными материи характеристиками, присущими живому организму; объединяющим ядром организма является «живущая душа». Материя инертна, и посему сопротивляется изменениям. И всё же, **единственной целью Творения является создание душ, способных материя изменять**. Жизнь как интегрирующая энергия, заставляет материальные частицы ритмически двигаться относительно друг друга и функционировать, как неотъемлемые части органического целого. И поскольку материя сопротивляется силе жизни и всегда норовит вернуться к своему инертному и нейтральному состоянию (тенденция, сегодня называемая «энтропией»), жизнь призвана её понуждать. Материя действует через принудительные ритмы, повторяющиеся снова и снова; и материальное тело повинует. Повинуется, правда, в бессознательности инстинктов.

«Душа живущая» должна иметь характеристики всех проявлений жизни, ибо она является самым ядром, сосредоточившим в себе эти проявления. Как уже было заявлено, «живущая душа» как посредник связи между Богом и материей, привержена обоим путям. Разного рода «интуиция» души отражает божественную природу Господа, Яхве – **пассивное** отражение. А «инстинкты» вовлекают душу в деятельность материальных клеток и органов. Об-

манутая центробежным натяжением сменяющихся циклов жизни, которые призваны вихрями взбалтывать материю для высвобождения энергии (замкнутой в инертном ядре атома), «живущая душа» имеет тенденцию сильно отклоняться от предназначенного ей «места» и терять свою целостность, свою Бого-отражающую форму и характер. Таким образом, душа сталкивается с двойной проблемой. Если она должна в конце концов стать надёжным и живым посредником, осуществляющим работу Бога – выполнение Проекта Творения, «воображённого» Элохимом, – «живущая душа» должна стать активным и сознательным индивидом, утверждённым в своей собственной самости и идентичности, констатируя (на деле, а не на словах!): Я Есть. Это означает, что **«живущая душа» должна прекратить пассивное отражение Господа**, подобно тому, как современный ребёнок должен становиться зрелым юношей, свободным от повторения поведения своих родителей, от комплекса отца и комплекса матери. С другой стороны, «живая душа» должна вести постоянную борьбу с гравитационным притяжением материальности и саморазделённости и также с постоянными навязчивыми настроениями и ощущениями, связанными с удовлетворением инстинктов жизни. Это удовлетворение необходимо для продолжения функционирования организма; и душа, **до тех пор, пока она является «живущей душой»**, не может даже помыслить о том, чтобы отказаться от этого.

Эта двойная проблема вызывает так много трудностей, что эволюция души представляет собой длинную историю неудач, приправленных некоторыми успехами на пути. И это та самая история, которую показывает библейское повествование: от создания Адама в Эдеме – до Преображения Иисуса.

7. КРИЗИС И ГРЕХ

«Иисус сказал им: если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остаётся на вас»

От Иоанна 9:41

История, – а с точки зрения религии, это история взаимоотношений Бога и человека – это серия отдалённых событий, сплетённых в сложные и часто запутанные структуры, выражающие ритм последовательных изменений души. Это должно быть принято в качестве факта, говорящего о том, что душа рассматривается как поле разработки фундаментальных отношений между Единым и Множеством, духом и материей, между Богом и разнообразием элементов, составляющих вселенную.

В таком подходе к истории, который мы находим во всех Священных Книгах прошлого, наибольшее значение придаётся не тому, что современные историки называют «объективными фактами», а скорее важности этих фактов относительно процесса эволюции души. В этом смысле, такая «сакральная» история по-существу принадлежит сфере искусства – сакрального искусства, – и библейское повествование должно рассматриваться как символический эпос развёртывания души. Здесь мы находим не фиксирование случившихся фактов, а скорее факты, выборочно использованные для информирования человеческих умов со ссылкой на процессы души. Трансформируя эти события в великие «Образы» или яркие сюжеты (или мифы), – они способны обуславливать и формировать коллективное подсознание нового вида человека и возникающую цивилизацию, – авторы Священных Текстов стремились внушить будущим поколениям определённое фундаментальное понимание. Они действовали более или менее сознательно, являясь **строителями коллективной психологии**.

Мы, как люди 20-го столетия с искушённым сознанием, или склонны недооценивать, или интересоваться такой религиозной образностью и мифами, и может быть, «научно» отрицать обоснованность событий, о которых говорит Библия; и всё же, поскольку мы родились в иудейском или христианском сообществе, в нашем коллективном подсознании сюжеты Библии запечатлены глубочайшим образом. Они на самом деле сформировали множество наших глубинных и наиболее жизненно важных психологических реакций; и было бы бессмысленно пытаться скрывать такой факт. Напротив, нам следовало бы первым делом обратиться к нему и попытаться открыть то существенное психо-духовное значение библейского повествования, которое оно может содержать; и понять причину использования христианской религией и культурой именно этих сюжетов в качестве строительного материала для здания коллективной ментальности западных народов.

Если мы сможем прийти к пониманию того, что основная последовательность событий в Библии составляет символическую картину процесса развития, через который должна пройти **каждая человеческая душа** на пути к совершенству или «божественному Сыновству» – действительному процессу развёртывания, который, по-существу, может испытать каждый индивидуум, если он или она достигнет полной духовной зрелости, – тогда мы сможем переориентировать наше эго и наше сознание в сторону этой «священной» традиции. Это действительно означает, что мы смогли бы осознать и принять указанные нам аспекты подсознания, которые скрыты настолько глубоко, что мы часто отказываемся допустить мысль о существовании таковых; включением их в наше сознание мы смогли бы достичь всеобъемлющей интеграции, как наполненные, бесценные и позитивные индивидуальные личности.

Мы можем сделать это только покинув пределы традиционно ортодоксальных утверждений, основанных на буквальном понимании каждого слова Библии. Нам известно, что Иисус давал своим ученикам толкования «значения Священной Книги» с обещанием, что Святой дух, после его ухода, продолжит раскрывать это значение. Таким образом, он предпо-

лагал, что это значение не могло быть вполне ясно, так как это нелегко для понимания! И всё же, христианские иерархи крепко держатся «сухой буквы» (dead-letter) текста Библии. Современные неортодоксальные попытки интерпретации стремятся поправить эту ситуацию; но, во многих случаях, эти попытки предпринимаются людьми, погружёнными в прямое религиозное переживание христианской традиции, без понимания современной психологии. Таким образом, эти интерпретации приемлемы только для сентиментальных или чересчур идеалистически настроенных людей, которые едва ли показали голову из утробы всеобъемлющей «Церковности» (Churchianity). Следующий шаг может и должен быть сделан; и нам необходима попытка отрезвлённого, то есть не столь набожно-обусловленного, ума исследовать конкретное психологическое значение некоторых (самых основных) Образов, которые мощно в нас запечатлены благодаря Библии.

Концептуальный Образ-переживание «первородного греха» и «грехопадения человека» стал одним (наиболее трагическим) из определяющих факторов в ходе эволюции нашей западной цивилизации. Он до сих пор глубоко обуславливает ментальность современного человека, и (психологически) не важно, принимается он буквально или отвергается с интеллектуальной усмешкой. Мы должны найти возможность примирения с этим понятием – Образом-переживанием, – если хотим стать духовно зрелыми индивидуумами.

По сути, всё, что подразумевают сюжеты Грехопадения, и Потопа как следствия массового извращения человечества (напомню, что мы рассматриваем подобные события как символы неизбежных обстоятельств эволюции человеческой души) это то, что процесс развёртывания любой души из сферы жизни, в которой она действует как «живущая душа» и направляется к стадии индивидуального сознания и эго, в основе своей трудный и трагический процесс. Это понять просто, поскольку сама природа сферы жизни и положение в ней «живущей души» – неизбежно ведут к определённом фундаментальному кризису. Возможно, самых тяжёлых последствий этого кризиса удалось избежать; но это довольно-таки бесцельное предположение. Кризис **действительно** оказался трагическим, и **говоря психологически**, наши души продвинулись на этом пути не слишком далеко, имея в подсознании груз последствий великих человеческих драм древнего прошлого.

В этом смысле мы можем говорить о первородном грехе так же, как современные психологи говорят об устойчивом эмоциональном влиянии глубоко потрясшего опыта раннего детства. Отличие сорокапятилетнего мужчины или женщины от ребёнка пяти лет может казаться огромным; и всё-таки, то, что произошло во внутреннем мире пятилетнего ребёнка относительно отца или матери, как хорошо известно, обуславливает будущее развитие психики на долгие годы, и становится основанием часто упоминаемого «кризиса среднего возраста». Если мы верим в глубинную психологию – будь то психология Фрейда или Юнга – и в устойчивую силу подобных Образов и комплексов в подсознании, то пренебрежение идеей общечеловеческого влияния «первородного греха», и живучести чувства вины или глубоко укоренённого провала **в коллективном подсознании человека**, выглядит весьма неразумным. И если мы верим в устойчивость этого негативного Образа в подсознании человека, – а твёрдая устойчивость очевидно существует! – следуя аналогии, мы должны верить в необходимость «терапии», которая может означать «спасение» от психического разрушения в том случае, если внутренняя психическая жизнь человека будет очищена и «освобождена» от удушающей темноты и психологических «фантомов».

Потребность в исцелении, в освобождении от неразрешимых воспоминаний о провалах прошлого очевидна для большинства индивидуальных личностей, и можно сказать, для коллективного ума и чувств человеческой расы. Если мы принимаем возможность психологического исцеления через посещение психоаналитика, то определённо не можем логически отвергать идею коллективного избавления посредством «Христа», считая это «религиозным нонсенсом». Однако всё зависит от того, какое значение мы придаём этим процессам, известным как «грех» и «избавление». Понятия, которых мы всё ещё придерживаемся сегодня, тра-

диционны, и они устарели; и ничто в Евангелиях реально не содержит утверждения, что Иисус придерживался таких понятий или отвергал их, во всяком случае, в том виде, в котором они проповедовались. Эти понятия, и веру в них, церковь веками навязывала нам в своей попытке контролировать умы людей.

По сути, идея греха и искупления – старое иудейское понятие; и совсем несложно увидеть, как Апостолы (особенно апостол Павел) могли чувствовать себя в разной степени вынужденными использовать его в новой форме, поскольку сталкивались с очень трудной ситуацией, возвещая евангелия среди разбросанных территориально людей, недавно покинувших насиженные места. Они были возбуждены и воодушевлены божественным энтузиазмом духовной личности Иисуса, а также внушающей трепет мистерией его смерти и повторного появления среди людей. И всё же, трагический конец необычайно короткого пути Пророка, целителя с необыкновенной силой, Иисуса, озадачил людей, особенно образованный класс того времени. Смерть Иисуса не могла оставаться без интерпретации; она являлась фактом, который, как и любой факт, мог быть интерпретирован по-разному.

Апостол Павел, человек, оказавшийся между двух миров, – миром древнееврейским и миром своего римского гражданства – должен был, вдохновлённый интуицией, осознавать, что смерть Иисуса явилась связующей нитью между старым и новым, между родовым вчера «избранного народа» и всемирным гражданством, символом и ядром которого в то время был Рим. **То, что необходимо было сделать, так это соединить Евангелия с Книгой Бытия** – объединить смерть Иисуса с трагедией Адама. Две трагедии! Рассматриваемые вместе, они ложились основой для самой масштабной Мистерии, великой драмы Греха и Искупления. Человек есть грешник, – Бог есть Искупитель. Единый «первородный грех» – «единожды рождённый Сын» для искупления греха «кровью Христа».

До сего дня мы можем видеть, как сюжет этой великой драмы (искупления одного основного человеческого греха Сыном Бога) представляется церквями под заглавием: «Идея Спасения» – План Бога. Однако недостаточно ясно осознан тот факт, что если этот План имеет такое огромное значение – откровение любви Бога и слава Его триединого бытия – значит то, что сделало это возможным (грех Адама) приобретает космические пропорции. Не будь первородного греха, не возникло бы необходимости искупления. Сама идея искупления утверждает веру в крайне тяжкий грех, укоренённый в коллективной человеческой природе, и говорит о невозможности для кого бы то ни было от него избавиться без священного жертвоприношения Сына Бога.

В великой драме Спасения, апофеоз «последнего Акта» (искупление общей вины Христом) обретает великолепное значение на фоне первичной ситуации, где первородный грех демонстрирует глубочайшую темноту. Эмоциональный призыв христианства – великой религии искупления греха, как её часто называют – пропорционален интенсивности чувств греховности и вины, сулящих расплату и ад.

По-видимому, Павел больше, чем кто-либо иной, считал необходимым как можно ярче представить картину греховности человека (через осознание собственного опыта греха) для того, чтобы пробудить народ своего времени к безмерной вере в Христа, Искупителя. Среди-земноморский мир его дней **нуждался** в этом эмоциональном пробуждении. И потребность была удовлетворена; народное, эмоциональное христианство одержало победу.

Истинно духовные, или даже этические ценности, вообще-то говоря, по своей природе не обладают достаточной эмоциональной динамикой для того, чтобы привлечь к себе массовое сознание людей. Человек не желает проходить через процесс **метанойи**; он не готов испытывать глубокий катарсис или перерождение до тех пор, пока не окажется в состоянии близком к отчаянию. Человек отказывается от тьмы и грубого питания своего эго только тогда, когда у него не остаётся другого выхода. Следовательно, в своё время, человеку нужно включение осознания почти невыносимой темноты, в которой он живёт, да так, чтобы он мог пробудиться созвучно действиям Бога, чтобы душа могла очнуться от дремоты негативного

«стояния пред Бога».

Однако то, в чём действительно нуждается современный западный мир, не может оказаться тем, что было динамически эффективным в мире, наполненном многочисленными остатками племенных, имперских религий или религий городов-государств, которые равно потеряли влияние и над массами выкорчёванных, угнетённых рабов (миллионов из них!), и над греко-римской аристократией, живущей в духовном вакууме. Перед нами два пути. Один путь – это вызвать **рождение** новой мировой религии. Есть путь другой – возглавить **возрождение** той религии, которую исповедовала наша цивилизация в течении 17-ти веков! Противниками христианства времён апостолов были те, кто никогда не слыхивал о Христе; а недругами христианства сегодняшнего, в большинстве своём, являются христиане. Возможно, они перестают верить в Христа, внутренне сопротивляясь тому способу, которым христианство представляет им Спасителя. Если христианство призвано снова делать мировую историю, преобразовывая наш современный мировой хаос, то оно должно быть в состоянии успешно исцелить основные конфликты в душе современного человека. Но традиционное христианское отношение и догмы во многом ответственны за наличие этих конфликтов; и возможно, ответственны даже в большей степени, чем материалистический подход науки. Дьявол – как раз внутри.

В душе современного человека живёт конфликт **двух негативов**: религиозной догмы (зависимость религии от прошлых интерпретаций Бога, Христа и человека) и научного материализма (озабоченность науки – она опирается на аналитико-императивные количественные методы и интересуется исключительно данными материального мира и материальными ценностями). Только позитивная сила интеграции, проведённая через умы, освящённые любовью и оживлённые творческой волей к трансформации, может реполяризовать эти два негатива и растворить их конфликт. **Преображённое христианство должно быть позитивным безгранично. Оно не может использовать негативное условие, грех, основанием для своего эмоционального призыва.**

Искушение грехов мира это отрицание отрицания. Сегодня мы нуждаемся в позитивном основании для христианства. Христианство не может преображаться, оставаясь, главным образом, религией Искупления грехов. Оно должно стать путём очищенных и героических индивидуумов к выдающейся реализации божественного Сыновства. Оно должно принимать Преображение больше, чем Распятие; **пример жизни** Иисуса больше, чем его **смерть**. Оно должно утвердить божественность как присущую – пусть даже до времени не пробуждённую – каждому человеку. Оно должно быть религией творческого, непрерывно трансформирующего акта Бога, действующего в самопосвящённых людях, знающих себя свободными и творческими личностями – «свободными» стать тем, чем они по сути являются в духе и правде, «творцами», участниками широчайшего Движения вечно-обновляющегося божественного Творения – здесь и сейчас.

В наше время всякая тайна должна быть проявлена в свете духа, который и во все времена освещает всё вокруг, и который таким образом устраняет все тени. Совсем недавно мы были свидетелями громадного огненного света, высвобожденного из ядра атома материи. Мёртвые буквы книг и законов, начертанных на камнях прошлого, должны быть высвобождены, предъявляя своё горящее духовное основание. «Воинство» творческих душ-умов должно появиться в ближайшее время, чтобы проявившись, прийти и вдохновить христианство к преобразению, воодушевить наше глобальное общество-в-делании.

Павел, будь он сегодня среди нас, увидел бы потребность; ибо он был тем, кто сказал в своём Послании коринфянам эти воодушевляющие слова: «Разве не знаете, что малая закваска квасит всё тесто? Итак очистите старую закваску, чтобы быть вам новым тестом, так как вы бесквасны» (1-е Коринф. 5:6-7). И ещё: «Буква убивает, но дух даёт жизнь».

Тёмные начала

Для того, чтобы разглядеть глубочайшие (а потому наиболее жизненно важные) последствия, полученные в результате использования понятия «первородного греха» или «грешности», необходим психологический подход. Но психология, о которой мы здесь говорим, основана на допущении, что душа является центральным обстоятельством мира времени, изменений и эволюции; и таким образом, душа имеет божественную цель и божественную задачу, ради которой, говоря уже религиозно, она была создана по образу и подобию Бога. Завершение этой задачи предполагает для души огромные трудности – таков характер задачи. Уже в ней самой содержатся огромные риски; и главным образом, эти риски принимаются Богом, ибо это Он высвободил душу как основу интегрирующей деятельности, как представительство (outpost) единства духа в мире материальной множественности, как носитель бесконечного (ионического) бытия, действующего **в** и **через** принудительную и повторяющуюся активность «жизни».

Риском эволюции является грех. Грех это **негативный ответ** души на ту задачу, ради достижения которой она была создана. Начинает душа – как младенец – в духе и силе. Она появляется из субъективного состояния божественного единства и обнаруживает себя в мире невероятной неестественности. Она пытается постичь этот мир, ориентировать себя по отношению к его обитателям, даёт им «имена». Она пытается понять смысл изменений, хода времени и сезонов – и, конечно, смысл жизни и смерти. И в ходе процесса этого поиска она становится другой. Она учится думать и воспринимать мир объективно. Здесь присутствует великий риск; и результатом этого, увы, является первородный грех в «Эдеме», в этих **детских яслях** души.

Более того, если нам необходимо ухватить полное психологическое значение символических событий, описанных во второй главе Книги Бытия и традиционно называемых «Грехопадением человека», нам следует осознать, что эти события составляют только первую Сцену первого Акта драмы эволюции души. Две последующие сцены по сути соотносимы с первой – две великие трагедии: преступление Каина и массовое извращение человечества, случившееся вслед «прихода сыновей Бога» (шестая глава Книги Бытия).

На самом деле, это целая серия событий, имевших место **до Потопа**, в силу которой создавалась ситуация греховности, вины и неудач. Из этого состояния – момента «нового старта», **следующего** за Потопом – должна была развёртываться эволюция души человека и процесс очищения человеческой природы. Подобно этому (на индивидуальном уровне), негативные результаты потрясений, страхов и фрустраций, испытанных в детстве, обуславливают развитие личности после биопсихологического кризиса пубертатного периода – факт, определённо установленный современной глубинной психологией.

Следуя этой наиболее показательной аналогии становится ясно, что в библейском повествовании, допотопный период человеческой эволюции соотносится с детством человека до половой зрелости; в то время как период после Потопа, представляет собой первые годы юности. В истории Авраама и «исхода в Египет», мы имеем соответствия с юношеским вовлечением в проблемы сексуальных и социально-эмоциональных отношений. Моисей и образование Израиля, Закона, представляют собой раннее развитие независимости и ясного сознательного чувства бытия «Я есть»; в то время как три царя объединённого Израиля – Саул, Давид и Соломон – символизируют три стадии развития эго.

Неудачи эго ведут к состоянию разделения в душе, которое может означать юношеский тип «шизофрении», и как результат, к состоянию зависимости (рабства) от внешних сил – других личностей или обстоятельств. Затем, после серии попыток реинтеграции, приход Христа символизирует начало индивидуальной зрелости. Человек официально становится совершеннолетним, и после «женитьбы» должен сознательно и целеустремлённо начать использовать «силы Отцовства», опираясь на свою собственную ответственность.

Увы, случается также, что «Христос» отвергается; что душа расщепляется интеллектом, и личная природа становится скитальцем в чужих землях. Или семейная жизнь попадает

в глубокую колею, и развивается сильный конфликт между душой (точнее, замороженным её отражением!) и эго-сознанием. Западный мир пребывает в этом состоянии в наше время.

Современные глубинные психологи продемонстрировали, что если взрослому человеку дать возможность увидеть потрясения и фрустрации раннего детства в их непредвзятом значении, если вывести из глубины подсознания воспоминания сознательно забытого прошлого на свет (в сознание), то может начаться процесс освобождения. «Призраки» прошлых провалов могут рассеиваться, если их показать человеку в истинном значении, отменив то, чем они **показались** незащищённому ребёнку, незрелому и легко возбудимому существу. Взрослому индивидууму даётся **второй шанс** преодолеть то, что блокировало путь развития его души. Это шанс адекватного преодоления с помощью знания, которым теперь он обладает.

И, что ещё важнее, ему дана возможность **прощения себя за свои грехи** – совершенные по ошибке или как слепое попрание закона. И это, психологически говоря, является тем оправданием, в котором нуждается душа; ибо без этого прощения она не сможет следовать своим эволюционным путём свободно. Она (подсознательно) отягощена угрызениями совести или раскаянием, чувством вины или отчаянием. Она захвачена «фантомами». Ум склонен постоянно их вызывать – снова и снова копаться в прошлом, налагать себе наказание и, увы, бесполезно страдать. Уму свойственно «копать прошлое» сознательно; но он это делает и подсознательно, что часто лишь откладывает развязку, делая её более острой и разрушающей органическое здоровье.

Индивидуальная личность отягощается внутренними терзаниями относительно прошлых провалов и грехов. Подобный внутренний разлад могут испытывать и человеческие коллективы, в том числе расы или цивилизации. Христианин, признаёт он это или нет, обременён акцентированным чувством вины, с детства отпечатанным на его растущей душе коллективной верой в первородный грех как неотъемлемую часть человеческой природы. Эта вера подразумевается в таком количестве традиций, символов и стереотипных позиций, и так настойчиво поддерживается церквями, радио проповедями и даже рекламными плакатами, повсюду попадающими на глаза человеку, что она обладает всей полнотой власти подсознательного принуждения («кодирования»). Конечно, современными не религиозными мыслителями было предпринято множество попыток вырвать с корнем сознательную веру в «греховность» человека; но что они предложили взамен? К материалистической и бихевиористской версии этого вопроса, было добавлено оправдание всеобщего чувства эгоистичного *существования малым* (lessness), что разрушает саму веру в реальность души и Бога!

Психологический комплекс не может быть благополучно устранён с помощью сознательного разрушения ощущения индивидуальной самости. «Операция прошла успешно», а пациент умер; это не приведёт к фактическому исцелению! В попытке рассеять очевидную тень от объекта, бессмысленно идти путём разрушения объекта или устранения источника света. То, что действительно необходимо для устранения тени, так это два источника света, освещающие объект с двух противоположных сторон – стороны Бога и стороны человека!

Современный человек сегодня отчаянно нуждается в широко простирающемся психологическом исцелении, позволяющем человеческой душе открыть свою божественную потенциальность; и это вместе с тем, что Великий Врачеватель – Христос. Действительно, необходимо исцеление, подразумевающее такое **самоосознанное оправдание**, при котором вместо растворения того или иного греха, сможет быть трансформировано и обновлено само понимание того, что составляет «грех». Новое понимание, «обновление ума» через переориентацию отношения человека к процессу и цели эволюции души: это есть психологическая потребность нашего времени.

В свете такого понимания мы можем в новом смысле ухватить значение трагических событий (согласно Библии), предшествовавших Потопу, – изгнания человека из Эдема, убийства, свершённого Каином, и массового прилепления ко злу, последовавшего вслед за прихо-

дом «сыновей Бога», их «брака на дочерях человеческих». Эти три кризиса могут быть легко поняты, ибо мы, на самом деле, пережили их в нашем собственном детстве, с разными результатами; конечно не в буквальном смысле сами события, но как стадии процессов роста. Они относятся: (1) к взаимоотношениям ребёнка со своими родителями и домом, (2) к взаимоотношениям с братьями и сёстрами, (3) к ранним ступеням развития воли и преждевременному пробуждению (и злоупотреблению) сексуальных энергий.

(1) «Грехопадение» в Эдеме и «Изгнание»

Во второй главе Книги Бытия (2:7) говорится, что «Господь Бог создал человека из праха земли, и вдохнул в него дыхание жизни; и человек стал «душою живою». Состояние «живущей души», как мы видели в предыдущей главе, – это первая стадия эволюции души. На этой стадии душа становится фокусирующей точкой божественной энергии «жизни»; и целью жизни является интеграция внутри органического целого, единства Бога и множественности материальных земных частиц – «праха земли».

В результате, «живущая душа» имеет стремление в двух противоположных направлениях – в сторону Бога и в сторону материи. Сознание души также двойственно – здесь присутствует осознание Бога и осознание материи. Существует, однако, значительная разница между двумя этими осознаниями, поскольку душа **по-существу** является подобной Богу и тянущейся к Нему; она обращается к Богу, как листья растения самопроизвольно тянутся к источнику света, солнцу. И в тоже время, она является основой процессов и деятельности жизни («дыхания»), и поскольку эта органическая деятельность имеет дело с химическими элементами почвы (продуктами питания, и проч.), которые она дифференцирует и интегрирует как необходимые вещества для строительства клеток, «живущая душа» должна осознавать материю. Она не прилепляется к материи, – душа представляет собой противоположную полярность – она находится с материей во взаимодействии.

На первых порах душа не осознаёт материю как **объективную** реальность, но скорее как активность жизни, проявляющуюся чем-то странным, тёмным, совершенно чуждым. **Субъективно** душа приводится в движение ритмической активностью жизни, и ощущения тела заключаются в осознании того, что определённые границы этой активности существуют. Подобно этому, новорождённый младенец не осознаёт поначалу своё тело как нечто целое, но осознаёт изменения температуры и самочувствия, голода и боли. Он приходит к ощущению того, что он может вызвать определённые изменения, сжимая что-либо, плача, расслабляясь. Поскольку он обнаруживает, что существуют пределы, в которых он властен производить изменения, он стремится выяснить, насколько далеко он может в этом зайти, и что может ему помочь или помешать. Таким образом, он собирает смутное ощущение внешнего окружения, инстинктивно классифицирует его, затем «именует», согласно его власти над своим благополучием.

«Человек», помещённый Богом в «Сад», сперва демонстрирует жизнь в чисто **растительном** существовании. Поначалу в Саду находятся лишь деревья; и **посреди** Сада, внимание обращено на **два** дерева: дерево жизни **«и»** дерево познания добра и зла (Книга Бытия 2:9). Таким образом, тот факт, что в середине Сада присутствует два дерева, обычно игнорируется. И тут можно задаться вопросом почему! Требование Бога к «человеку» касается только «дерева познания добра и зла» (2:17) и не имеет ссылки на «дерево жизни»; и действительно, то, что Бог говорит позже, изгоняя Адама и Еву из Эдема, ясно показывает, что «дерево жизни» **не было тронутым**:

«И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простёр он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслал его Господь Бог из сада Эдемского, чтобы возделывал землю, из которой он взят.» (3:22,23)

На самом деле, «требование», предъявленное Богом человеку на растительной фазе

существования, не нужно понимать как прямое повеление. Бог просто говорит человеку, у которого ещё нет опыта или объективного знания, что ему не следует есть плоды от дерева добра и зла, **поскольку** «в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь» (Книга Бытия 2:17). Это не угроза и не указ, а возвещение о существующей данности. Другими словами, если человек вкусит этот плод, он естественным образом столкнётся с опытом смерти – и это может означать трагедию для человека. По-видимому, акцент не ставился на том, что это непременно случится; но Бог лишь предостерегал невинного Адама о том, что этот плод может быть опасен, и что вкушение может означать смерть – так же делает мать, предостерегая своего ребёнка относительно огня, который обжигает, до которого «нельзя» дотрагиваться.

Однако после того, как Адам **вкусил** от плода дерева познания добра и зла, ситуация (по-видимому) стала более критической; если бы он вкусил **«также** и от дерева жизни», то человек мог бы жить вечно. Именно это показалось Богу нежелательной возможностью, и Он изгнал Адама и Еву из Сада, поместив дерево жизни вне досягаемости Адама, защитив его херувимами с «пылающими мечами, обращёнными во все (4) стороны».

Что же тогда символизируют два дерева «посреди сада»? Ответ состоит в том, что они относятся к двум более высоким уровням интеграции души, относительно уровня «души живущей». Только через познание добра и зла, т.е. конструктивных и деструктивных последствий любой **самотрансформирующей** деятельности, душа может стать индивидуализированной. Человек, индивидуум, ответственен за свои действия, за их полярность и ориентацию. Он может действовать согласно божественной цели интеграции, или служить цели зла, цели тотального разрушения. Ему предстоит выбрать. Он должен выбрать Бога или отрицание Бога. Он должен **определённо** соотнести себя с Волей Бога и отождествить свою индивидуальную волю с Волей божественной, так как в противном случае, он превращается в слугу зла, и его отношение к Богу становится негативно поляризованным.

Таким образом, вкушение плода дерева познания добра и зла просто означает начало процесса развития «индивидуальной души». С другой стороны, вкушение от древа жизни могло бы означать причащение к божественному бессмертию; но бессмертие означает увековечивание того, что было достигнуто индивидуумом в жизни. И если это индивидуальное достижение консонансно пути зла, то и бессмертие означало бы **бессмертие во зле**, – таково бессмертие сатаны как антагониста Бога.

В центре Сада находятся два дерева потому, что есть момент, в который Бог высвобождает силу интеграции, силу жизни, и это высвобождение открывает возможность индивидуализации и божественного бессмертия. Ум и дух в жизни **подразумеваются**. Они лежат в основе опыта «живущей души». Риск её творения заключается в том, что сознание ума и духовное сознание человека способно развиваться, а человек **ещё** не в силах на них ответить безопасно. Опасно давать ребёнку в руки спички или горящий факел; это так же опасно, как позволить современному человеку использовать энергию солнца! И тем не менее, все божественные планы, кажется, включают в себя «предполагаемый риск», поскольку ни одно творение не может стать творцом, точнее со-творцом, не преодолев кризис фундаментальной реполяризации и переориентации своего сознания и своих энергий.

Кризис начинается в тот самый момент, когда «живущая душа» перестаёт быть только пассивным (растительным) отражением Бога, Который наделил её дыханием жизни; в этот момент человек начинает давать «имена» двигающимся животным, также созданным Богом и живущим в Эдеме (2:19). Тогда душа вступает в животную фазу своей эволюции. Причина для этого эдемского творения животных, приводимая в библейском повествовании, просто интригует. Бог говорит: «Нехорошо, что человек должен быть один; Я создам ему сотоварища». И только когда животные с этой задачей не справляются, Бог создаёт Еву из ребра Адама – по древнееврейски, соответственно, **Ишу** из **Иша** (в английском переводе Библии говорится «Женщину из Мужчины»).

Древнееврейские слова, **Иш** и **Иша**, говорят о многом, ибо «Иш», являющийся корен-

ным звуком во многих языках, символизирует «Я», Индивидуальную самость. (В санскрите, *Ish-svara* это манифестация или тон божественной Самости, Логос; в немецком *Ich* значит «Я», и т.д.). «Сотоварищ для Адама» это существо, которое его поляризует, поскольку поляризация и взаимодействие дуальностей необходимы для возжигания и горения алхимического процесса индивидуализации.

Когда первый бесполой Адам становится Адамом-Евой, или лучше *Иш-Ишей*, субъективное и чисто рефлексивное сознание «живущей души» начинает трансформироваться в объективное сознание жизни и её ритмов. Человек теперь не только отражает в подсознании своего Бога Создателя. Он сознаёт **жизнь как силу и ритм**. Он осознаёт время и смену сезонов. Он становится позитивно ориентированным в сторону жизни; и это ведёт его к изменению взаимоотношений с Богом. Это потенциально опасное изменение для души, и всё же необходимое. Оно ускоряет кризис, который неизбежен, но который включает в себя очень серьёзную задачу.

Специфический способ, которым была создана Ева-Иша, говорит нам об очень многом; но, очевидно, в большой мере это осталось тайной для библейских интерпретаторов. Что такое «ребро», если не то, что **определяет процесс дыхания, его ограничивая?** Это именно то, что делает **Иша** для **Иш**, Женщина для Мужчины. Женщина действительно определяет жизненную силу Мужчины, фокусируя и ограничивая её. К тому же, внутри грудной клетки находится сердце; и постоянная пульсация его даже более фундаментальна для жизни, чем дыхание. Другими словами, рёбра огораживают **ритмические системы** живого организма – две системы «посреди» сада человеческого тела.

Из осознания ритма возникает чувство времени. И чувство времени ведёт к пониманию сезонной активности, ритму семени. Функционирование женского организма также подчёркивает этот принцип циклической, сезонной деятельности. Знание этой сезонной деятельности является необходимым основанием для сельского хозяйства и животноводства. Лишь это знание может дать человеку позитивное отношение в контроле над природой и жизнью. Женщина (**Иша**) даёт Мужчине это знание.

Однако, с точки зрения царства Единства, которое вневременно и не имеет протяжённости или пространства (как мы с вами это принимаем), схождение души – чистого отражения божественного единства – в мир времени и сезонов означает трагическое «изгнание». Но это изгнание происходит, по крайней мере, потенциально, в момент, когда Адам становится Адамом-Евой; в момент, когда цельное человеческое отражение Единого Бога, становится бинарным. Тогда человек вступает на путь дуальности и объективности – на путь развития ума.

Человек **должен** пройти этот путь для того, чтобы развить индивидуальность и позитивную свободную волю, чтобы обрести различие (discrimination). Различение это возможность выбирать одну из двух противоположностей. Только сознание, которое познало дуальность и приобрело объективный подход к жизни и изменениям, способно выбрать между двумя альтернативами. Адам, как единое отражение Единого Бога, **не смог** бы знать, что означает альтернатива, и потому не смог бы выбирать одну из них; ему бы не довелось выучить урок свободы. Адаму необходимо было стать Мужчиной-Женщиной и пережить «изгнание» из вневременного единства – в циклическое время. И **это** был кризис.

Переживание кризиса не является грехом! Но если любому кризису придаётся **негативное значение** – это есть грех. И Адам, столкнувшись с осознанием своего пребывания в мире времени, дуальности и изменения, **«охвачен страхом и стыдом»**. Он чувствует себя «голым», т.е. незащищённым, слабым, ограниченным и пониженным в положении (inferior). Переживание дуальности – опыт Иш-Иша, Мужчины-Женщины – стало для него источником чувства вины и внутренней потери. Когда он вспоминал единство Бога, оно казалось ему потерянным навсегда, и он боялся. И **это** было первородным грехом, т.е. страхом. Тот страх, который рождается в человеке при столкновении с эволюционной необходимостью кризиса,

который полностью изменяет качество и существо сознания, является основным негативным откликом на жизнь – ответом жизни Богу.

Когда это случается, само отношение человека к Богу становится негативным, и Бог представляется человеку внушающей трепет Силой, которая «проклинает», «сердится» и «мстит». **Человеческий страх порождает только Дьявола**, и негативная маска зла накладывается на божественное Присутствие в душе. Это является грехом и результатом греха. Человек, бывший некогда пассивным отражением Образа Бога, обнаруживает свою независимость от Бога в негативном свете, и таким образом начинает переживать процесс индивидуализации во тьме и трагедии греха.

За мифологической персонификацией змея, разговаривающего с Евой, за гневом Божьим и «проклятием» Бога, – последнее является просто предсказанием того, какие последствия принесут человеку его страх и стыд, – мы можем увидеть ключевые события, которые приведут к состоянию более или менее усиленного психологического раскола между ребёнком и его родителями. Психолог, д-р Фриц Кюнкель упоминает этот кризис в своих работах и называет его разрушением «Мы-Ощущения» – ощущения, при котором ребёнок чувствует себя интегрированной частью существа матери и маленького круга своей семьи. Психологи подчёркивают тот факт, что в возрасте 4-5 лет ребёнок обычно забывает всё, что он испытывал до этого возраста. Первое, хранимое в памяти событие детства, датируется обычно этим периодом. **Так происходит смена психической полярности.**

Как утверждает д-р Дж.Л.Морено, настоящая память начинается только тогда, когда ребёнок приобретает реальное чувство времени. Он отделяет прошлое от настоящего; и будущее может казаться ему как волнующим, так и пугающим, поскольку он чувствует себя незащищённым в этом мире времени и смен сезонов – мире, чуждом его душе, по праву духовного рождения принадлежащей миру безвременности и единства Бога.

Это **изгнание в мир времени** является первым великим кризисом души. Только после него душа действительно начинает осознавать материю как таковую. Это осознание последовательно, и в Книге Бытия оно символизировано потребностью в какой-либо «одежде». Когда Адам и Ева вкусили от плода дерева добра и зла, они сделали себе «набедренные повязки» из «фигового листа» – определённо не из-за христианской благопристойности, но как выражение того факта, что опыт дуальности (дуализм формы и сексуальной функции является лишь внешним аспектом этого) перевёл душу на уровень **растительного** осознания материальных сил и ритмов жизни.

Затем, после того, как Бог проклял Адама и Еву, и негативный процесс отчуждённости от божественного единства стал глубже, Бог создал для них «одежду из кожи». Адам и Ева были перемещены Богом на уровень животного сознания. Чистота, а также статический и пассивный характер растительной жизни сменились динамической и неугомонной эмоциональностью животного мира. Движение требует выработки позитивных, сильных эмоций. «Живущая душа» была вынуждена «спуститься» к эмоциональности, схожей с животной – к обязательным эмоциям.

В основе эмоциональной обязательности лежит страх и незащищённость. Ребёнок, который не чувствует себя более «единым со» своими родителями теряет защиту своего настоящего «дома» – Эдема. Психологическая пуповина разрывается; и этот разрыв часто оставляет кровоточивую рану, ослабляющую энергию души, энергию жизни, «либидо». Это и есть «проклятие», на самом деле каждый психологический комплекс это и есть, символически говоря, «проклятие» Бога жизненной интеграции. Это разрушает некий аспект интегрирующей силы «живущей души» и делает реализацию задач души много более трудным делом.

Первородный грех, следовательно, является страхом, порождающим всевозможные комплексы.

(2) Каин и Авель

Дуализм Каина и Авеля повторяет изначальный дуализм Адама и Евы: Адама, который был обречён работать и добывать «хлеб свой в поте лица», и Евы, обречённой рожать детей в муках. Каин является прототипом человека, в котором начинает действовать процесс индивидуализации. Он является символическим истоком «цивилизации», которая развивается через использование огня, инструментов и интеллекта (тоже острого инструмента!). Имя Каин означает на древнееврейском – «кузнец», а также – «копье», продукт кузнечного искусства.

Но Каин является приемником чувства вины и страха Адама. Он глубоко чувствует силу «проклятия», которое заставляет его работать, возделывать землю, устанавливать свою волю над материей, насильственно контролировать жизнь и огонь. Он вынужден развивать самоволие и смекалку, чтобы выжить; и он обижается на это. Эта обида превращается в гнев – фактически, этот гнев направлен на Бога и принудительные силы жизни.

Авель, которому покровительствует Бог, получает удар необузданной агрессии Каина. Авель представляет собой женский, интуитивный ум, находящийся в согласии с ритмами жизни и смены сезонов, и он, таким образом, рецептивно открыт Богу, Источнику жизни. Авель разводит животных; следовательно, он просто направляет процессы жизни, обеспечивая им условия лучшие из возможных. Он является истоком всевозможной «культуры», прототипом пасторальной (pastoral) жизни.

Имя Авель, на древнееврейском *Hebel*, означает «дыхание». Авель, таким образом, является до известной степени дыханием жизни, основанием «живущей души». Каина, который **убивает дыхание** (Авеля), следует рассматривать как прототип эго-воли, стремящейся к власти, жестоко и своевольно контролирующей природные энергии. В индуистской йоге существует основной процесс, называемый *пранаяма*, буквально означающий «убивание дыхания». Говорится, что задержка дыхания вызывает определённые виды биопсихических энергий. Вся «цивилизация», символически, является «задержкой дыхания»; это борьба против принуждений природы, рукотворная плотина на потоке жизни. Насильственно сдерживаемый поток жизни, если он управляем человеческой изобретательностью и умениями, производит **силу**. Но жизненная энергия, если её долго удерживать под контролем воли или страха человека, становится взрывоопасной. Она становится **гневом**.

Гнев истекает в основном из неспособности человека выдерживать давление ситуации, в которой он обнаруживает себя изолированным и подавленным природным осуществлением жизненных инстинктов. Он может оказаться в такой ситуации случайно; однако чаще всего, он сам служит причиной того, что это случается; или это является характерной чертой его судьбы с тем, чтобы он мог развиваться **через** это или **несмотря на** это. Каин, можно сказать, выбрал эту судьбу так же, как Авель выбрал более лёгкий и более естественный путь движения вместе с течением жизни. Следовательно, братья представляют собой два основных пути души во взаимоотношениях с Богом, а также с жизнью – негативный (но динамичный) и рецептивный (но пассивный) путь.

Дорога Каина это путь отрицания, но также и индивидуализации посредством отказа оставаться пассивным творением, полностью обусловленным ритмами жизни и сменой сезонов. Это дорога преступления, но также – давайте не забывать об этом, – это дорога аскета, преграждающего репродуктивные энергии жизни с тем, чтобы вырваться из царства желаний и принуждений жизни в царство единства и вневременности Бога. Это путь Прометея, который в греческой мифологии, был проклят и наказан Зевсом, и всё же, из любви и сострадания к людям, дал им огонь.

Огонь возвышает, но также и разрушает; и города – эти места поклонения паттерну произвольного использования человеком вдохновения и силы ума – строятся людьми, которые в глубине души чувствуют себя изолированными и одинокими. Цивилизация это трагическое средство излечения духовного одиночества. Промышленность и искусства, (символи-

чески) развиваемые последователями Каина, соединяют людей в городах; но в этих городах высвобождение огромных энергий (для использования человеком) вызывает соперничество и ведёт к лидерству и славе – и таким образом, ведёт к конфликтам, тщеславию и преступлениям.

И всё же, Библия заканчивается видением «Святого Града», увиденного Иоанном, единственным среди учеников Христа, кто в полной мере воплотил божественную любовь. Город Мира, совершенный Иерусалим, в центре которого воцарились символ и сила божественной любви – является конечной целью эволюции души. Неудивительно, что путь к этой цели поначалу весьма туманен. Города, которые построили Каин и его потомство темны от ментальной гордости, насилия и похоти. Грех по линии Каина это грех великих городов. Это грех индустрии, грех злоупотребления огнём, грех «торговцев смертью», грех атомной бомбы.

Преступление и проклятие Каина скрываются в глубоко парадоксальной ситуации, которая появляется в разных формах на каждой фазе эволюции души. Мы увидим этот парадокс и в истории Моисея, который тоже убил человека; в отношениях между Богом, единственным и универсальным Сущим (Я Есмь) и людьми, которые, если они действительно становятся «индивидуальными душами», должны быть так же в состоянии сказать «Я есть». Мы находим новую форму этого парадокса в описании жизни и смерти Иисуса. На самом деле, путь ученика Христа это парадоксальный путь, как мы сейчас увидим.

На каждом шагу в Библии, Бог кажется покровительствующим такому способу отношения к жизни, который мы называем «пасторальным». Это, как если Бог сказал бы так: «Да, города должны быть; но Мой дом с пасторальными людьми. Да, интеллект и индустрия быть должны; но Мой мир с теми, кто держит своё восприятие ясным, свои сердца чистыми, свои души направленными на Меня, как зеркала на солнце и звёзды».

После Авеля, убитого Каином, был рождён Сиф, чтобы заменить убитого. Это имя, Сиф, означает «Назначенный». Бог назначил Сифа источником пасторального пути. Потомки Сифа остаются психически открытыми Богу и живут в гармонии с ритмами природы. Они «призывают» имя Бога; они «идут с» Богом. Они следуют путём сердца, почитания и чистоты, простоты и подчинения равномерным паттернам культуры и групповой морали – путём, который возвращает характер, а не интеллект. Это из них Бог выбрал Ноя и его семью как семенной материал, который сформировал базу нового эволюционного периода после Потопа.

С точки зрения психологического анализа, соперничество между Каином и Авелем может быть названо наглядным примером серьёзных проблем, предполагаемых во взаимоотношениях братьев, или братьев и сестёр – Авель может также пониматься как женский полюс по отношению к Каину, мужскому «копью» (поскольку не существует упоминаний о дочерях Адама и Евы). Конфликты между братьями и сёстрами возникают из взаимоотношений каждого из них с родителями или с одним из родителей. Один из родителей кажется благоволяющим сыну, другой дочери. Один сын знает, как снискать расположение отца, другой терпит на этом поприще неудачу.

Философски говоря, это означает, что различные элементы любой **текущей** ситуации варьируют отношения элементов **прошлого**. Любое поколение чувствует себя спокойно, если оно в состоянии без труда соотнести себя как целое, с поколением предыдущим; если время плавно переходит из прошлого в настоящее, а затем в будущее. Но если стадия перехода от старшего поколения к младшему несёт в себе все элементы кризиса, то представители поколения младшего реагируют на этот кризис и своих родителей по-разному, и по-настоящему состязательно. Таким образом, конфликты между братьями и сёстрами, наиболее вероятно, происходят в домах, где во время зачатия ребёнка и беременности родители находятся в состоянии стресса.

«Борьба» между Каином и Авелем произошла вследствие способа, которым Бог отве-

тил на их жертвы. Бог «проклял» их родителей! Не сокрушались ли они, не искали ли способа возвращения покровительства Бога, и не учили ли они своих сыновей приносить жертвы Богу?

Изложенная в таких терминах ситуация имеет специфический привкус всех буквальных интерпретаций Библии – интерпретаций, которые являются буквальными и точными в некоторых пунктах, и подразумевают полностью воображаемые допущения в других! Однако психологический подход к кризису Каина-Авеля не может не отметить тот факт, что братья приходят к столкновению в смысле их отношения к Богу, который создал, а затем проклял их родителей. Другими словами, мы видим, что дети перевоплощают проблемы, которые послужили причиной трагедии их родителей, потерявших «родовой дом», Эдем.

Когда Адам был призван Богом к ответу в Саду – после вкушения им «запретного плода» – что он сделал? Он переложил ответственность на Еву, и косвенно на Самого Бога: «Жена, которую **Ты дал** мне...». Конфликт Каина с Авелем отражает чувство обиды Адама на Еву. Адам со страхом и стыдом отшатнулся от полученного нового знания, открытого ему вкушением плода с дерева добра и зла. Каин, первенец, почувствовал себя осенённым виной; и он перенёс на Авеля чувство обиды, которое Адам испытывал к Еве, искушительнице. Он убил. Он пролил кровь своего (женоподобного) брата.

Каин – «копё», кузнец, который куёт штыки и оружие – пролил кровь. И эхо этого кровопролития будет несметное число раз повторяться в историческом паттерне эволюции души до тех пор, пока мы не увидим кровь Совершенного Человека, Иисуса, пролитую от «копья» и штыков солдат, состоящих на службе правителей Великого Города, Рима. Да, но ведь кровь, пролитую с готовностью во «искупление грехов человечества» Сыном Бога? Да; но только в том смысле, что до тех пор, пока психически больной человек не сможет заново и сознательно пережить первопричину своего глубокого невроза и **простить себя за это**, не может быть и полного исцеления. С готовностью принятое Иисусом распятие придаёт определённое равновесие и искупает пролитую Каином кровь Авеля. Сострадательная любовь-милосердие поглощает и нейтрализует жестокость гнева так же, как вера поглощает и нейтрализует страх.

(3) «Женитьба» Сынов Бога

Согласно Книге Бытия (6:1 и далее), «Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они были красивы, и брали их себе в жёны, какую кто избрал».

Библия не говорит о том, кем были эти сыновья Бога (*Ben Elohim*); но их вторжение в сферу жизни на земле может означать лишь, что некие духовные сущности, которые не имели отношения к эволюции «живущей души», начавшейся с сотворения Адама, присоединились к руслу этой земной эволюции. Кажется очевидным, что Господь Бог, будучи управителем сферы жизни и эволюции всех живых форм, направил этих «сынов Элохима» для участия в эволюции человеческой души с определённой целью.

Мы можем высказать догадку о том, что участие этих духовных сущностей было задумано Богом, чтобы придать «живущим душам» рождённых на земле людей духовную силу, форму или качество, которыми они не обладали; т.е. силу «божественной души», силу Отцовства. Творческая сила Отца может быть позитивно сфокусирована и динамически выражена только через «божественную душу». Приход «сыновей Бога» представляет собой, таким образом, «схождение» (или инволюцию) духовных сущностей, наделённых творческой силой – силой, с которой прямо и персонально не были знакомы **ни** потомки Сифа, ни потомки Каина.

Глубокий опыт («брак») творческой силы духа, переживаемый человеческими существами, – которые по сути были «живущими душами» с активным интеллектуальным уклоном (линия Каина) или сильной психической чувствительностью (линия Сифа) – должен

был вызвать великий кризис в эволюции души и сознания человека. Он включал в себя серьёзный риск; и результатом стал трагический провал.

«Брак» означает смешение энергий. Творческие энергии божественного духа (сыны Бога) и принудительные, повторяющиеся энергии жизни, встряхивающие тяжёлые материи земли (дочери людей) были смешаны, по крайней мере, в некоторых группах человеческих существ. Последствием этого стало рождение людей славы, великих персон, «гигантов»; но это вызвало также и постепенную материализацию и искажение творческой силы, которая стала принадлежать человеку таким образом. Вместо преобразования энергий жизни и одухотворения «живущей души» дочерей человеческих, «сыновья Бога» погрузились в водоворот принуждения и материальности земных тел, доставшихся им или их потомкам. «Воображение и мысли сердец их» стали тёмными и злыми «во всякое время», – воображение в человеке более всего прочего имеет сходство с творческой силой Бога. Таким образом, духовные сущности, которые должны были придать трансформирующую силу духа людям, потерпели неудачу, и дочери человеческие также утвердили свою неспособность к рождению новой расы одухотворённых людей.

Этот провал творческого потенциала, эта неспособность к преобразованию энергий жизни в сторону духа, в конечном счёте, послужила причиной греха «сатанизма»; творческая сила оказалась тёмной и деструктивной – чёрной магией, в действительном и ужасающем смысле слова; комбинацией страха, гнева и похоти.

Страх, гнев и похоть являются основными грехами человека. Они составляют тeneвую троицу, поляризованную ненавистью, подобно тому, как божественная Троица является трёхчастным потоком любви-милосердия. Страх является корневым грехом, поскольку он есть негативный аспект Отцовства Бога; в своём глубочайшем выражении это духовная импотенция. Страх рождается из-за ощущения недостатка творческого потенциала, из глубокого чувства неполноценности и неадекватности, которые заставляют человека беспомощно и безнадежно отступить в тот момент, когда творческая сила затрагивает его. Поскольку динамизм гнева сочетается со страхом, рождается ненависть; ненависть, смешанная с похотью, становится «сатанизмом». Сатана есть отрицание и инверсия Бога – «тень» любого духовного роста.

Эта сатанинская тень появляется всюду, где душа отказывается расти из-за страха и инерции. Таким образом, она присутствует при любом кризисе. Она появляется во время любого кризиса роста, когда душа обнаруживает себя неспособной адекватно и сознательно, с верой, надеждой и любовью, встретить вызов духа – вызов самотрансформации и творческого обновления.

Бог есть Тот, кто посылает вызов. Бог принимает «предполагаемый риск» на себя. И когда риск опасно возрастает, а проблемы проявляются более откровенно, Бог, в силу самого характера Его вечного гармонического бытия, испытывает потребность наблюдать Себя всё более вовлечённым в **человечество**.

Эта вовлечённость (или «инволюция») божественного в человеческое достигает своей кульминации, когда душа человека обладает достаточным совершенством, чтобы полностью откликнуться на «воплощение» Бога в этом человеке. Это достижение высшей точки, и в библейском повествовании мы видим Бога, действующего *через* и *совместно* с неординарно чувствительными людьми со времён Ноя; и как о символах этой божественной вовлечённости в дела людей, мы говорим о нескольких «заветах» Бога, заключённых с Его человеческими слугами и посредниками. Таким образом, рождается не существовавший прежде порядок (метод) эволюции души – процесс её индивидуализации под божественным руководством.

Бог это «Наставник». Он «выводит» душу из тёмных слоёв сферы жизни – символического Египта – в Землю обетованную. Эта земля – место зрелости души, где индивидуум может «познать» Отца, переживая силу Отцовства. Страх и первородный грех, в этом «знании» теряют свою навязчивую власть. И человек, ощутивший себя отцом «во Имя» Отца Единого,

освобождается от греха и, в итоге, свободен от смерти. Он восходит к своему истинному состоянию — состоянию божественного Сыновства.

8. ОБЪЕДИНЕНИЕ БОГА И ЧЕЛОВЕКА

«Бог становится как мы, значит мы можем быть как Он».
Вильям Блейк – Естественной религии не существует; 1788г.

Возможно, не будет большим преувеличением сказать, что во всей Библии нет слова важнее, чем слово «Завет». Буквально это слово означает «соглашение»; оно указывает на встречу, на оформляющиеся взаимоотношения. В отличие от других религиозных доктрин и мифов, вся картина человеческой эволюции, показанная нам Библией, основывается на развитии взаимоотношений между Богом и человеком, и это придаёт традиции, основанной на Библии, наиболее характерную черту. Бог как Иегова-Яхве это позитивный, творческий полюс упомянутых взаимоотношений; человек является воспринимающим, нестабильным, и очень часто, подлинно негативным полюсом. Но важный факт заключается в том, что всё зафиксированное в Библии может пониматься, как та или иная фаза развёртывания отношений между Богом и человеком. Следующие один за другим заветы, посредством которых эти взаимоотношения приобретают последовательную форму и характер, отмечают существенные поворотные точки этого процесса.

Очевидно, если мы верим в определённые и развивающиеся взаимоотношения между Богом и человеком, Бог должен быть наделён, по крайней мере, некоторыми атрибутами личности. Когда Бог воспринимается как метафизический абстрактный Принцип, или даже как необозримо громадная Жизнь Космоса, внутри которой всё существующее действует и борется за выживание, – вряд ли могут быть какие-либо реальные взаимоотношения между таким Богом и человеком; здесь определёнno не может быть отношений взаимности или взаимодействия между ними, – и это есть случай индуистской или китайской метафизически-космической доктрины. Это действительно так, и индуист скажет, что божественно-всеобъемлющий *Брахман* и человеческий *атман* – «одно»; но эта тождественность лишена основы для «взаимоотношений». Наличие таковых предполагает факт, что связанные факторы, имеющие некое общее основание, отличаются друг от друга или, возможно, взаимно противоположны. Если всё существующее есть Бог-Брахман, то человек по-существу является мимолётным, в лучшем случае, фрагментарным и несерьёзным феноменом, не занимающим никакого реального места в космическом «сне», или «игре» Бога. Если так, то никаких значимых взаимоотношений, или взаимодействий, или взаимопроникновения между абсолютной Реальностью и мимолётной иллюзией, порождённой (тем или иным образом!) «неведением», быть не может.

Древнееврейская традиция, однако, представляет нам образ Бога, Который общается с человеком; Он гневается или вполне доволен ответами человека, и человеку следует Ему молиться; и эта традиция находит своё логическое осуществление в личности Иисуса Христа, где божественная и человеческая природа не только объединены, но взаимно проникают друг в друга, будто в символическом браке. На самом деле, все ближневосточные религии, в той или иной форме, подчёркивают это личное общение Бога с человеком, и человека с Богом; и когда человек достигает стадии полной преданности и любви к Богу, Бог становится «Возлюбленным», постоянным Партнёром, неотъемлемым и ярким Присутствием (Presence), всепоглощающим «Ты» (“Thou”) для каждого человеческого «Я» (см. «Я и Ты» Мартина Бубера; замечательный пример иудейского мистицизма). То же мы слышим и от великих христианских учителей, подобных Майстеру Экхарду (Хоххаймскому), решительно заявлявших так: «Бог нуждается во мне, как Я нуждаюсь в Нём». Это полные взаимоотношения, совершенная реализация взаимности в бесконечном, и действительно почти абсолютном «сближении» (“coming together”).

Несомненно также, что такое состояние мистического *соглашения-на-паях* не может

переживаться душой на ранних стадиях эволюции. Инстинктивное и совершенно спонтанное доверие ещё чистой и не индивидуализированной «живущей души» к божественному Источнику, которого она есть лишь **отражение**, нельзя считать подлинными взаимоотношениями, подобно тому, как зеркальное отражение не вызывает состояния взаимоотношений с реальным лицом, – это отражённое лицо не содержит самостоятельных характеристик. **Только с тем вы можете быть в полном смысле связаны, с кем порвать отношения в вашей власти.** Обоюдность реакций между сторонами во взаимоотношениях оживляется возможностью того, что взаимоотношения в любой момент могут быть расторгнуты или, по крайней мере, трансформированы. На самом деле, взаимоотношения обычно укрепляются под внешним давлением угрозы их обрыва, – факт такой угрозы определяет их значение и важность.

Для того, чтобы чисто рефлексивная «живущая душа» могла приступить к опыту постепенного процесса индивидуализации, необходим некоторого рода кризис. И здесь существуют две фундаментальные возможности: **(1)** «отражение» встречает другое «отражение», и ощущение контраста постепенно приводит к настоящему отделению. Так Адам встречает Еву, и теоретически можно предположить, что взаимоотношения Адама и Евы могут их обоих «дифференцировать», не разрушая чувства доверия к божественному Источнику, Богу; но Библия нам показывает то, что произошло вместо этого; **(2)** «отражение» добивается утверждения своего желания быть на символическом пути «неповиновения», **против** своего Источника. В Книге Бытия 3:5 змий обещает: «Откроются ваши глаза, и вы будете как боги, знающие добро и зло», – другими словами – переживающими дуальность, которая означает способность быть отделённым от божественного Источника; стать «нерефлексируемым», т.е. выпрыгнуть из зеркала (Эдемского Сада) и приобрести прямо выраженный характер. Однако это делает «трагедию» неизбежной.

Адам и Ева нашли себя «голыми», т.е. столкнулись с конфликтами, уязвимостью и сомнениями, предполагаемыми в самой основе взаимоотношений между мужчиной и женщиной, но не только это; они спроецировали нерешённые конфликты на своих детей, Каина и Авеля. От этих детей, как мы видим, берут начало две линии человеческого развития: путь города, с использованием огня и металла (цивилизация), и путь кочующего животноводства и размножения семян (культура). Первая линия (линия Каина) подчёркивает межчеловеческие взаимоотношения и предположительно опускает значение человеческого отношения к Богу; и если это и принимается во внимание, то на интеллектуальном или чисто символическом уровне. Вторая линия (линия Сифа) удерживает отношение человека к Богу базовым и жизненно важным фактом его пасторальной жизни. Понятно, что этой линии Бог «покровительствует». Эти люди «идут с Богом» так же, как они движутся со своими стадами и спят под звёздами.

Когда «пришествие сынов Бога» (*Бен-Элохим*; Книга Бытия 6:1-2) привнесло новый и бесконечно волнующий творческий фактор в человеческую эволюцию, мы можем предположить, что обе линии были подвергнуты влиянию этого великого высвобождения новой духовной потенции, хотя история Книги Бытия относительно этого весьма фрагментарна и неопределённа. Во всяком случае, когда большая часть основных жизненных отношений были затронуты негативными реакциями человечества к сознательному использованию творческой силы, когда сексуальные извращения и «чёрная магия» привели к всё-возрастающему состоянию психической темноты и одурманенного злом воображения, Бог избрал Ноя и его семью среди потомков Сифа, в качестве «семени» будущего человечества после катарсиса – Потопа.

К тому времени человек уже не был просто отражением Бога; он стал **потенциально** «сыном Бога». Он получил дар Прометея, «Божественное семя». Благодаря этому встреча Бога и человека смогла развиваться в настоящие взаимоотношения, – взаимоотношения, ставшие возможными благодаря вере Ноя в водительство и присутствие Бога; и **благодаря его способности «творчески» адаптироваться к принципиально новой ситуации.** Ной является,

таким образом, прототипом нового человеческого существа, новой фазы развития души. Такой новый человеческий тип новым способом соотносит себя с Богом; и скрепляются новые взаимоотношения, и они символизируются «заветом». Когда это происходит, Бог и человек действительно начинают «сближение» (“coming together”).

Завет с Ноем

Условия завета Бога с Ноем мы находим в девятой главе Книги Бытия. Здесь мы читаем, что Бог обещал больше не насылать наводнения, уничтожая «всякую плоть», даже если люди снова будут захвачены порочными мыслями – Бог осознал, что теперь такое без сомнения становится неизбежным (Книга Бытия 8:21). Наиважнейшим фактом в этом договоре является то, что Бог даёт обещание «всякому живущему существу», а не только человеку. Завет был заключён с самой **жизнью**; и это, мы могли бы сказать, универсальный завет, а не только договор Бога-с-человеком. Жизнь на земле будет продолжаться, **невзирая на дела человека**; и радуга, которая всегда представлялась архаическому человеку мостом между небом и землёй, является символом этого «завета вечного между Богом и всякой душой живой во всякой плоти, которая на земле». (Книга Бытия 9:16).

В будущих заветах мы увидим Бога, подходящего к человеку ещё ближе, в более частном смысле. Это будут заветы с определённой расой людей, с определённым народом или группой, и в конце концов, – с определённой индивидуальной личностью. Через Иисуса, с которым Бог соединился абсолютно, – с каждым человеком **как индивидуальностью**. Ряд заветов, стало быть, представляет собой серию последовательных периодов **схождения** Бога к человеку, и более того, – фаз «индивидуализации Бога». *Божественное* постепенно вовлекается в человеческое. Эта **инволюция** духа поляризует симметричную **эволюцию** принципа жизни в человеке, в «живущей душе», направленную к финальной стадии «души божественной», статусу Христа. В качестве прототипов характерных фаз эволюции души, нам известны такие личности, как Ной, Авраам, Моисей, Давид, Соломон, и в заключение, Иисус как ключевой момент Нового Соглашения, которым является Новый Завет. Символом архетипа этого двойного процесса инволюции-эволюции является шестиконечная звезда, или печать Соломона, изображающая взаимопроникновение нисходящего и восходящего треугольника. Число шесть является числом души, и мы находим это число в измерениях размеров Ковчега как ключевое.

Как бы результатом сближения (coming-together) Бога с Ноем, который благополучно прошёл кризис и испытания, мы видим Ноя «земледельца», растящего «виноградник». Традиционные толкователи и этнологи принимают эти слова буквально; но в таком случае, когда мы читаем ниже о пьянстве Ноя и о проклятии «Хама, отца Ханаана» лишь за то, что он «видел наготу отца своего», такой подход имеет очень мало смысла. И всё же, эзотерическая традиция и хорошо известный в ближневосточном мистицизме символизм «винного возлияния», говорят нам, что «виноградник» символизирует «школу инициации», и питье от него вина относится к принятию участия в божественной инспирации и приводит в определённое мистическое состояние.

Таким образом, символы библейской истории рассказывают нам о том, что в результате этой вселенской встречи с Богом, Ной начал постепенно обретать некий тип духовно-мистической «культуры», средствами которой люди смогут достигать сферы универсального знания «жизни» и общаться с «Богом жизни» (Иегова) – используя **радугу, как мост**. Каждый символ, употреблённый в качестве «печати» завета между Богом и человеком, может использоваться последним, как средство для достижения божественного сознания **на этапе, показанном заветом**.

История Хама, видевшего наготу отца своего, без сомнения указывает на несанкционированную и не созревшую попытку части человечества «штурмовать врата небес» обнажением и присваиванием секретов инициации. Здесь снова мы видим действие законов дуализ-

ма, символизируемых деревом познания добра и зла. В Эдеме Бог дал Адаму (*Иш*) женщину (*Иша*), установив принцип поляризации жизни – принцип, с которым индийские философы соотносят имена *Шивы* и *Шакти*, то есть сознание и сила-действие. Тут нет причины думать, что «вкусение плода» подразумевает совершение инстинктивного (целомудренного) стихийного полового акта, – если, конечно, не быть фрейдистом! Райское яблоко – метафора выбора определённой позиции относительно потомства и жизни в целом. Одна позиция «добро», другая «зло».

Одна позиция превращает отношение Бога к человеку в естественный акт; другая игнорирует это отношение и делает секс исключительно выражением инстинктивных желаний и органического возбуждения – а затем, возможно, выражением интеллектуальных фрустраций или стремления к власти и возвеличиванию эго.

Дуализм Каина и Авеля подобным же образом указывает на два основных вида отношения к поддержанию жизни человека: Каин принимает **по-человечески прямо выраженное** отношение к «возделыванию земли» с помощью отточенных инструментов; Абель придерживается рецептивного отношения, присматривая за животными и поддерживая самопроизвольный продукт их спаривания. Когда «сыны Бога» приходят на землю и берут в жёны «дочерей человеческих», в результате чего рождаются «сильные и славные» люди, эта возможность (для человека) обретать величие и славу посредством использования творческих энергий становится как бы дезориентирующей и разрушающей – отсюда, негативной и злой. Люди, завидующие настоящему величию, пытаются достичь тех же высот и славы посредством использования искажённой силы – или посредством строительства «систем» и «доктрин» вместо того, чтобы просто быть самими собой!

В конце концов, когда Ной становится способен «культивировать» более высокие энергии жизни, ведущие к мистическому сознанию, один из трёх его сыновей, Хам, каким-то образом проникает в святая святых и «видит» то, что табуировано для его восприятия. Повидимому, он распространяет это мистическое знание без «запроса» о соответствии уровня своих учеников этим знаниям; а два других сына «укрывают» тайное знание неким способом, – и злу, рассчитывающему на **неподготовленных и непроверенных** (т.е. непосвящённых) людей, не удаётся овладеть всеми сообществами.

Зло распространяется в форме человеческой гордости – Вавилонской башне, построенной из высушенной «грязи», – гордости сугубо человеческого знания, базирующегося не на крепком «камне» божественного общения. Люди стремятся достичь знания и величия собственными руками, забывая, что эти **восходящие усилия** человеческого разума должны быть поляризованы **схождением** божественного, чтобы они могли обладать настоящей духовной силой и быть освещёнными «Истиной».

Следующая форма зла получает развитие в Содоме и Гоморре. Виноградник Ноя, преданного посредника Бога, вырождается в «виноградную лозу Содома», размельчённую в пыль и горькую на вкус (Второзаконие 32:32). Эти два города уничтожаются, но тем временем, Аврам, потомок Сима (сына Ноя), процветает, становясь «богат скотом, серебром и золотом». Мы видим человека, полностью достигшего развитого племенного состояния. В значительной степени, это произошло благодаря пасторальной жизни в оппозиции «грешным городам равнины», во всяком случае, что касается Аврама и Лота. Тогда Бог снова утверждает Свой завет с непорочной линией эволюционирующей души человеческой – т.е. с Авраамом.

Завет с Авраамом

В истории Аврама-Авраама выделяются несколько обстоятельств, которые во многом, если не полностью, остаются незамеченными. Прежде всего, нам следует осознать, что «позиция» развития души Аврама составляет самое полное осуществление **«живущей души»**. Аврам и Лот представляют собой человеческое состояние изобилия жизни в пасторальном смысле, т.е. являются олицетворением той линии, прототипы которой – Абель и Сиф. То, что

мы наблюдаем в символических событиях Книги Бытия (глава 12 и далее) это **первородная мутация**, средствами которой усовершенствованная «живущая душа» входит в «критическое состояние». Это состояние должно разрешиться (по крайней мере потенциально) в Моисее, прототипе «**индивидуальной души**». Всё, что случается в библейском повествовании между Аврамом (ставшим Авраамом) и Моисеем (имевшим опыт слышания голоса Бога из «горящего куста») – это кризис роста. На самом деле, это соответствует тому самому кризису, который каждый человек переживает в пубертатный период жизни.

Аврам идёт в Египет (Книга Бытия 12:10) для того, чтобы избежать голода, и тут разворачивается очень странная история. Он опасается, что фараон возжелает его прекрасную жену, и с целью завладеть ею, прикажет египтянам убить его самого. Тогда он хитрит, выдавая жену за свою сестру, но как и предполагалось, она попадает к фараону. Из-за этого фараон получает большие неприятности с «ГОСПОДОМ». Наконец, царь египетский осознаёт, что она является наречённой женой Аврама и отправляет их обоих прочь из Египта, вместе со всеми племенами. Это было **первое** «схождение в Египет» – второе произойдёт, когда Иосиф будет «продан за 20 сребреников и отведён в Египет» (Книга Бытия 37:28). Будет и третье, когда Иисуса младенца принесёт туда Иосиф, спасая ребёнку жизнь. В Библии Египет является символом материального сознания, а в ином смысле, символом Природы как **прошлого** эволюционирующей волны жизни, относительно процесса создания освещённого индивидуального человека. Аврам, который родился в Уре, приходит в Египет охотно, поскольку на земле, по которой он кочевал, царит голод и там невозможно прокормить большое племя, людей и животных. То есть, «живущая душа», поскольку она расширяется в силе и достатке, вынуждена возвращаться к прошлому исключительно материальной эволюции, поддерживая жизнь и большие богатства. При этом, однако, она рискует обнаружить, что её «сила» (**Шак-ти**, или «жена») неправильно используется и оскверняется сильным влиянием материальной энергии, и теряет от этого присущую ей цельность. Аврам опасается быть убитым египтянами, возжелавшими его жену; и поэтому он прибегает к ухищрению. Он отделяет себя от своей «силы» для спасения своей жизни, и «сила» попадает в руки фараона. Но фараон не может ассимилировать и использовать эту новую и незнакомую «силу» (Сару). Это сулит принести ему большую беду, поэтому он возвращает Сару Авраму и просит его вернуться туда, откуда он пришёл, **невредимым и, вероятно, более богатым, чем когда-либо**.

Эта аллегория представляет собой первый и довольно «невинный» контакт «живущей души» со сферой жизни, в которой она никогда не действовала прежде – первый контакт приближающегося к юности ребёнка с миром незнакомых взаимоотношений и жизненного опыта. Этот контакт подготавливает его к настоящему будущему кризису – кризису, который любой архаический народ празднует и «санкционирует» (т.е. делает сакральным) посредством юношеских ритуалов того или иного рода. Когда кризис приближается, Аврам встречает Мелхиседека, «священника Бога Всевышнего». Как и при каждом глубоком и коренном кризисе, происходит встреча с человеком, который мистическим (так или иначе) образом сосредотачивает силу предыдущего цикла на человеке, готовом к метаморфозе (например, Иисус принимает визит Мудрецов с востока). Немедленно после этого (Книга Бытия 15) мы видим «ГОСПОДА», приходящего к Авраму, и начало процесса договаривания, включая пророческое видение «тёмной ночи души» (400 лет рабства), которой суждено закончиться только с Исходом Моисея.

Завет начинается с обетования **земли**. Земля это необходимое основание для развития процесса индивидуализации души; т.е. индивидуализация требует **границ** и относительно устойчивого положения существования. Что касается человеческой коллективности, определённая культура, способная оставить после себя «урожай» ценностей и символов (законы, художественные формы и институты) должна иметь разумно выбранное географическое положение. Она должна также приобрести определённый генетический тип; в большинстве случаев, вначале она его не имеет, но приобретает благодаря сопутствующим ей ограничени-

ям, которые постепенно создают определённый биологический прототип, доминирующий в коллективе. «Семя Авраама» – этот прототип.

Психический процесс интеграции должен разворачиваться также под «защитой» (см. 15:1), или под эгидой некоторых базовых символических ритуалов или «первичных Образов», которые постепенно устанавливаются в качестве доминирующих особенностей коллективного бессознательного в нарастающем сообществе, – в этом случае ритуал «обрезания» символизирует свободное высвобождение потенции творческих энергий индивидуума. Позже, во Второзаконии 10:16, мы видим Моисея, говорящего: «Итак, обрежьте крайнюю плоть сердца вашего и не будьте впредь жестоковыми». Упомянутое «сердце» указывает на основу ритмического процесса жизни, которая должна быть сознательно и прямо увидена, а затем «ассимилирована» индивидуализированным умом.

Для этого завета характерно изменение «имён», т.е. основных вибрирующих тонов самости прототипов (или «мутантов») нового эволюционного цикла. Аврам (Abram) становится «Авраамом» (Abraham); Сара (Sarai) становится «Саррой» (Sarah). Вряд ли этот факт нуждается в исследовании «Каббалистических» значений этих изменений, или в исследовании Ханаана, Земли Обетования и т.д., но, по крайней мере, в английской форме, мы видим введение придыхательной согласной «h» или «ha». Эта буква в санскрите значительна; так же и в древнееврейском языке. В санскрите она представляет собой процесс выдоха и связана с *Акаша* или космическим элементом «звука» или вибрации. Она соотносится с числом 5, которое является иероглифом Человека, Пентаграммой или пятиконечной звездой. Таким образом, можно предположить, что изменение имени отсылает к будущему развитию истинной **потенции** Человека – Человека как индивидуализированного центра божественности.

И всё же, пока тут можно говорить лишь о потенции, ибо только Моисею Бог будет явлен СУЩИМ, божественным принципом индивидуальности. Когда Бог говорит с Авраамом, Он представляет Себя «Всемогущим Богом» (Книга Бытия 17:1), т.е. *El Shaddai*, Богом силы – жизненной силы, которая присутствует в порождающем процессе, в хорошо защищённом и надёжно умножаемом семени. Эта настойчивость на защите нового вида мутирующего семени, в котором присутствует **Бого-гарантирующая сила**, придаёт строгий характер патриархальной системе; а в имени Авраам (Abraham), **Ab** означает «отец».

Потенциальность завещанного процесса в большой мере разворачивается через внука Авраама, Иакова, чьё имя также изменяется (на Израиль), после ночной борьбы с Ангелом (или «силой») Бога. В этой битве мы видим возрастающее развёртывание силы эго по сравнению с силой божественных энергий жизни. Эго несколько повреждено (бедро Иакова «повреждено» – бедро как основание активной силы, говоря символически); и таким образом, Иаков научается более почтительно обращаться с Богом «жизни». Но эго-воля почти установлена и становится основанием для двенадцатичастного процесса индивидуализации – так разворачиваются двенадцать основных сил (12 сыновей Иакова), которые присущи жизни, но которые теперь находятся под контролем эго. Также интересно отметить, что Иаков является младшим из двух братьев (как и Авель). Но на этот раз младший сын не был убит; он победил с помощью хитрости, обмана – инструмента первого проявления эго – с помощью лукавства (Книга Бытия 25 и 27).

В Иосифе, одиннадцатом сыне Иакова (11 является символом вхождения в новую сферу, Врата), мы видим эго в его полном проявлении, как негативном, так и позитивном. Он является любимым сыном Иакова, и потому продолжает процесс, установленный Иаковом. Иаков-Израиль – это воля эго; Иосиф – сознательный ум эго. Иаков (воля) сделал Иосифу «многочетную одежду» (Книга Бытия 37:3); ибо ум действительно расцвечен различными красками и имеет природу хамелеона. Иосиф (сознательный ум) способен интерпретировать «сны», т.е. осмысливать процессы подсознания и циклические ритмы жизни; и эта аналитическая способность приносит ему власть в Египте, куда он был продан в рабство. Ум, на первых порах, должен быть невольником материи с тем, чтобы в конце концов, открыв свои воз-

возможности, получить настоящую силу. Действительно, Иосифу удаётся использовать свои новые способности, управляя материальными силами; и он становится вторым, после Фараона, по власти. Затем он переселяет в Египет всех потомков Иакова, жизнь которых в старой духовно-психической сфере стала пуста и мертва («голод»), когда они лишились ума-эго (Иосифа), от которого ждали беды и которого пытались уничтожить.

Затем, начинается «тёмная ночь души», 400 лет духовных преград в Египте. Пребывание там поначалу казалось приятным отдыхом, благодаря высокому авторитету Иосифа-ума; но позже превращается в жестокое рабство, поскольку энергиям органической жизни бросает вызов огромный рост интеллектуальных способностей. Эго-интеллект принуждается работать на создание громадных материальных структур, на растущую славу рассудка – за его способность удовлетворять всё более широкие потребности. Он растёт и приумножается, но в неверном направлении. Его силы и достижения служат Египту вместо того, чтобы работать на следующую эволюционную ступень человека – строительство Храма постоянной манифестации души.

Завет с Моисеем

Символический период от Авраама до Моисея, я повторяю, является периодом перехода, «критическим состоянием» в эволюции души. Потенция индивидуальной самости, присутствующая человеческому семени, затенённая или ведомая силой эволюционного процесса, всё больше и больше пробуждается. Первое пробуждение ведёт к формированию эго, которое занимает своё место, как временный каркас для растущего ощущения себя, «Я-естьности». Затем божественный Принцип Я ЕСТЬ сам по себе «нисходит» в сознание эго; и «Моисей» приступает к выполнению своей миссии.

Древнееврейское имя «Мойша» (Mo-she) может быть интерпретировано как «огонь ума», поскольку буква *Shin* (и согласный звук «sh» во многих языках) символизирует элемент «огня». Происхождение Моисея – линия Левия, **третьего** сына Иакова-Израиля; символизм числа 3 в данном случае значителен, ибо третьим аспектом Троицы является Священный Огонь, который освещает индивидуального человека (см. схождение Святого Духа как «языков пламени» на Апостолов Иисуса в Пятидесятницу). Таким образом, Дом Левия позже был рукоположен для совершения службы Богу, и левиты несли скинию и действовали, как священники. Имя «Левий» (Levi), кажется, означает по-древнееврейски «привязанный или (при)соединённый», – отсюда **звено** между Богом и избранным народом.

Мать Моисея, после того, как фараон приказал топить в Ниле всех новорождённых сынов Израилеевых, пыталась спасти сыну жизнь, и положив его в водонепроницаемый «ковчег», спрятала в речном тростнике. Дочь фараона нашла его и усыновила впоследствии. Здесь снова мы видим символизм водонепроницаемого ковчега, как и в случае Ковчега Ноя; но воды теперь, это воды Нила, – от этой реки полностью зависит жизнь Египта. Это длинное течение символически сравнимо с центральным каналом позвоночника и спинномозговой жидкостью, омывающей нервную систему. (На санскрите *nīla* означает «голубой» и два первичных потока, сходящиеся в Хартуме (Судан) формируют основное течение реки и называются Голубым и Белым Нилом. Голубой цвет ассоциируется с Принципом индивидуальной самости, действующим в соединении с умом и посредством него: **manas**).

Через 40 лет пребывания при дворе фараона (число 40 изначально соотносится с 40 неделями беременности) Моисей, в состоянии праведного гнева убивает египтянина и, сохраняя свою жизнь, спасается бегством на синайский полуостров. Гора Хориву называется «горой Бога и находится на оконечнике треугольного синайского полуострова, **указывающего на юг** (т.е. вниз), это представляет собой фокусную точку для дальнейшего «схождения» Бога в человеческую душу. Здесь «явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста», и ГОСПОДЬ говорил с Моисеем, явив ему Своё новое имя: Я ЕСМЬ СУЩИЙ; т.е. представив Себя как Принцип индивидуальной самости в своём предельном божествен-

ном аспекте.

Неопалимая Купина и жезл, превращающийся в змея – символы, которые божественный Суший, скрепляя договор, даёт Моисею – очевидно перекликается с тем, что в индуистской йоге называется подъёмом змеевидной силы (*Kundalini*) вдоль столба позвоночника человека. Позже, мы видим сынов Израиля, ведомых Моисеем через пустыню того самого синайского полуострова, направляемых «столпом огня» – это ещё одна ссылка на позвоночный столб. (Дорическая колонна также имеет похожее и столь же основательное значение в греческой эзотерической философии).

После того, как Бог проявил Себя Моисею как Принцип Сущего, Он также доверил Моисею Своё «имя силы», Яхве (JHVH) (четырёхчастная сила жизни как манифестация Единого, Интегратора), чьё имя Он, очевидно, не открывал ни Аврааму, ни Исааку, ни Иакову (Исход 6:3). Он повторяет условия завета с Авраамом и поручает Моисею вывести израильтян из Египта. Детали Исхода хорошо известны, от расступившегося Красного моря до вступления в Землю Обетованную. Моисей, как полностью индивидуализированный и сознательный Посредник Бога, слышал Его, говорящего с ним «лицом к лицу, как говорящего с другом своим, человека», и получил Скрижали Закона. Однако в то время, как первые Скрижали были «делом Божиим, и письма, начертанные на Скрижалях, были письма Божии», то **вторые** Скрижали, после того, как сыны Израилевы снова прибегли к языческому культу (на что Моисей в сердцах разбил первые), были им собственноручно «вытесаны» из камня; очень важное изменение.

Позже, Моисей и Аарон, вместо того, чтобы «сказать скале» дать им воду, как Бог повелел им, «ударили по скале дважды», **не имея достаточной веры в силу произносимого слова**. За отсутствие веры оба вождя не были допущены в Землю Обетованную, и вместо них Иисус Навин привёл туда народ.

Несколько неудач Моисея и израильтян являются символами основных трудностей, встречаемых человеком во время финальной стадии кризиса индивидуализации души. Если Моисей, Посредник Бога терпит неудачу, то это потому, что его эго-воля не может полностью подчиниться воле «индивидуальной души». Средства (эго) акцентированы больше, чем результат («индивидуальная душа»). Удар по скале с целью получить воду – характерная черта упования эго-воли на технику (или технологию!) и производимый ей зрелищный эффект. Публику необходимо поразить! – и Моисей, возможно, не забыл о том впечатлении в прошлом, которое он произвёл на двор фараона, одержав верх над придворными магами.

Однако **после** того, как душа становится индивидуализированной под воздействием прямого Присутствия Бога и непосредственного общения с Ним, такие телесные (muscular) действия, как удары по скале и, до этого, в порыве незрелого акта неистовства и праведного негодования (характерная черта Моисея!), разбивание Скрижалей, созданных Богом, становятся неудачами с серьёзными последствиями. Народ возвращается к прошлому поклонению Золотому Тельцу, и Моисей в гневе неистовствует; но он также подвержен возвратам к прошлому, используя магические приёмы (получение воды из камня), как это бы сделал шоумен. Ему не удалось приобрести полную веру в силу **существования индивидуальной души на уровне энергий ума** – трансформирующую силу, проявляющуюся в произнесении слова, саму Силу Отцовства Бога. В контрасте к Моисею, – мы видим Иисуса, полностью наполненного этой тотальной верой. Он очень просто контролирует элементы посредством слова; он повелевает умершему Лазарю встать из могилы; он исцеляет фразой: «Будь здоровым».

Завет с Моисеем производит набор законов, поскольку Бог соприкасается с индивидуальным человеком **через ум**, и ум является формирующим принципом, устанавливающим **паттерны порядка**. Основные законы, данные Богом Моисею, представляют собой принципы правильного поведения и правильных взаимоотношений для того, чтобы эффективно существовать в течение периода, посвящённого прохождению человечества как целого (коллективно) через процесс индивидуализации души. Под «коллективным прохождением» я имею

виду борьбу внутри определённых рамок религиозно-культурных и социально-национальных традиций. Индивидуумы могут, конечно, опережать общность людей, в которой они были рождены. Для них доступны пути оккультного и мистического обучения, «школы проповедничества» и т.д., чьё происхождение, по-существу (если не буквально), возвращает нас к «виноградникам» после времён потопа. Но те индивидуумы, которые некоторым образом предвещают пришествие «Нового Завета» Христа, вынуждены проходить через процесс индивидуализации, через «тёмную ночь души», и её ловушки и суровые испытания, которые часто выглядят непреодолимыми, длящиеся 40 дней, недель, месяцев, лет или даже жизнью!

Завет с царями

Соглашение, которое Бог заключает с Давидом, Царём объединённого Израиля, ведёт вовлечённость божественного сознания и силы в человеческую душу – к следующему уровню конкретности и устойчивости. 12 **племён** Израилевых под руководством Давида становятся **нацией**. Национальная интеграция устанавливается как принцип человеческой организации, что соответствует интеграции личности на индивидуальном уровне. Этот новый тип интеграции заменяет более суровую биологическую и инстинктивную форму племенного порядка; он основывается на двух факторах: смертном Царе и Храме Бога.

Дуалистическая идея царя и храма сменяет чисто теократический принцип, воплощённый в Завете с Моисеем; принцип, при котором Бог – **единственное сосредоточие силы интеграции**. До Саула, Иегова официально является единым и единственным правителем Израиля, – Его воля выражается через особенно бдящих людей и любимых Пророков. Однако в то время, как Саул и Давид всё ещё внутренне подчинены Иегове – кроме некоторых случаев! – и принимают указания Пророков, они (Цари), являются видимым сосредоточением национальной жизни как интегрирующего центра. Бог, с другой стороны, «утверждён в Своём доме», Храме, который Соломон (сын Давида), в конце концов, построил. На уровне разворачивания личности эти три Царя Израилевы символизируют три стадии роста, на которых «индивидуальная душа» официально признаётся эго как «внутренний Управитель», Воля. И всё же, в трёх разных и символически характерных направлениях, на всех трёх стадиях, происходят, по крайней мере, относительные провалы. Даже строительство (Соломоном) Храма отражает его любовь к помпезности и парадности; так что это «духовное достижение» индивидуализированной личности также имеет свои сумерки!

Этот контраст между дуальным принципом интеграции и унитарным принципом истинной «теократии» не раз появляется в христианскую эпоху – и в определённом смысле наблюдается в настоящее время. Когда римская империя разделилась на западное и восточное царства, запад принял дуальный принцип – император и папа римский; в то время как на византийском востоке, светская и духовная сферы соединены в личности императора как единоголичного Правителя. Сегодня разделение между исполнительной и законодательной ветвями власти представляет собой современное демократическое перевоплощение дуалистического принципа, который, с установлением более или менее независимой судебной системы, становится даже тройным принципом, – и в Америке третьей составляющей стала Конституция в руках Народа.

В коммунистических странах, наоборот, востребован унитарный принцип правления – фактически, если не официально; и до известной степени это утверждает своего рода материалистическую «теократию», ибо коммунизм имеет все отличительные признаки «религиозного» движения, даже если придётся это назвать религией «без религии». Это есть религия в своём весьма негативном аспекте. Апогея своего проявления она достигает в Китае.

Перенесение Ковчега Завета из скинии в надёжный и роскошный Храм – глубоко символично. Бог становится «внедрённым» в коллективную сущность человечества, а «индивидуальная душа» – в человеческом уме, который структурирован эго. Но это утверждение, на

самом деле, наиболее ненадёжно, в силу прихоти царей и старой зависти, разделяющей племена – в индивидуальной личности, из-за постоянного сильного притяжения инстинктивных побуждений и инерции эго-структур (комплексов).

После смерти Соломона, едва основанное Царство сразу же раскололось надвое. Подобно этому, «индивидуальная душа» человека всё время подвергается угрозе явной или едва заметной формы шизофрении. Ум имеет тенденцию притягиваться противоположными силами просто потому, что он находится «посередине» – «небесная твердь» (firmament), как правило, отнюдь не тверда! Индивидуум это процесс; или, как прекрасно написал Сент-Экзюпери в своей повести «Военный Лётчик»: «Индивидуум это путь. «Человек» значит лишь то, что проделывает этот путь». В этом смысле «Человек» это Храм Бога, множественно-единое осуществление цикла человечества, который начался с божественного Слова, Логоса. Это множественно-единое осуществление Братства «сынов Бога», «ставших совершенными» людей, то есть людей «во Христе» (Christed).

Увы, слава и великолепие **физического** храма, – которому суждено быть лишь центром постепенной актуализации духовных энергий «божественной души» («сына Давида», Иисуса) – замещается безупречной простотой настоящего Храма «нерукотворного». Царская власть ведёт к помпезности и роскошеству, неограниченному вожделению к женщине. Давид убивает мужа, чтобы удовлетворить своё желание к его жене; Соломон окружает себя множеством иноземных принцесс, которые привносят в Царство «чужих богов». И постепенно эти боги растворяют интегрированную структуру Царства. И снова «единый Бог», по крайней мере частично, забыт, и когда это происходит, единство Царства подавляется дуальностью.

Этот лейтмотив «единого», становящегося «двумя» постоянно повторяется в библейском повествовании. До тех пор, пока действует принудительная сила интеграции, проявляющаяся как «жизнь», один из «двух» несёт на себе критерий божественной цели, хотя и нерешительно и отрывочно. Один из сыновей огорчает, другой Богу служит; дуализм Каина-Авеля неизбежен и некоторым образом сбалансирован; обе линии, часто мистически, вносят свой вклад в конечный замысел. Но когда Царство Давида и Соломона разделяется на два, обе отделённые половины довольно быстро приходят к упадку и подвергаются захвату. Однако, к тому времени, когда пленники из Южного Иудейского царства возвращаются в Иерусалим и восстанавливают Храм, племена Северного Царства Израиля, кажется, уже исчезают из истории. Они составляют «Потерянные Племена». Об их судьбе существует множество предположений. В том числе есть версия, согласно которой они являются прародителями, по крайней мере, некоторых народов, населяющих Британские острова, куда (по заявлению определённой традиции) позднее отправился Иисус и основал там свою первую «Церковь»!?

Плен в Вавилоне, в определённом смысле, повторяет тему многолетнего рабства в Египте. Даниил становится в Вавилоне могущественной особой, какой себя ощущал Иосиф в Египте, – такой же, а быть может и более того (из-за успешного управления в этом регионе в те дни). Символически демонстрируется тот факт, что даже в периоды плена или рабства душа может влиять на падшую личность, и связь с божественным не исчезает. Она не теряется, поскольку Бог «идёт-вместе» с человеком; поскольку Он заключил с человеком «нерушимый договор».

Благодаря Его завету с Авраамом в своё время, Бог пробуждает Моисея от переживаемого всеми израильтянами состояния рабства в Египте. Его завет с Давидом приводит, после множества превратностей и кризисов, к **трансцендентной смене уровня**, к появлению Иисуса, названного «сыном Давида». Иисус устанавливает основания «Царства Небесного» и провозглашает Новый Завет. Христо-преображённый Иисус является печатью этого Нового Завета, и Тайная Вечеря представляет собой символическую церемонию заключения Завета.

Иисус-Христос человек, но и Бог – действительно **является** Новым Заветом. В нём Бог не только идёт-вместе с человеком; **Он становится Человеком**. Иисус-Христос – Путь, Истина и Жизнь; как «Первый» из сынов Человеческих, преобразённых в сына Бога – явля-

ется прототипом длинной череды индивидуализированных душ, которые после напряжённого переживания Преображения, станут «душами божественными». Он является «началом конца», поскольку окончательное завершение (Омега) цикла Человека есть Братство Сынов Бога, множественно-единое осуществление божественной потенции, началом цикла которого (Альфа), был Христос как Логос, Единица.

Другой вопрос: что сделало христианство, – которое нам известно исторически, и которое до сих пор влияет на жизни полумиллиарда людей – с Жизнью, Истиной и Путём, показанным Иисусом. Это другой рассказ – трагический! Но прежние заветы между Богом и человеком, зафиксированные в библейском повествовании определённо не привели к неуклонной трансформации человечества! Каждая стадия эволюции души имеет свои характерные провалы и их последствия. Иисус-Христос как Новый Завет, тоже не принёс людям фактический мир – внешний или внутренний. Но процесс был начат; и он продолжается, даже под угрозой атомных бомб. Прежние заветы, спустя несколько веков, приводили к плену и рабству. Что случится с человеком через две тысячи лет предательства Христова Завета, даже если предательство это совершалось во имя Христа, кто осмелится пророчить!? Всё, что мы можем сделать, это попытаться понять, в самой глубине своего ума-сознания и при освещении мерцающего светильника нашей души, значение этого Нового Завета, значение Человека-Бога, через которого Божественное всегда оплодотворяет и преображает человечество в вечном (поскольку вечно-возобновляющемся) «браке».

Такое понимание может прийти только к тому человеку, который действует, мыслит и чувствует как индивидуальность. Новый Завет это завет сугубо с индивидуумами. В нём нет **прямого** социального или коллективного послания. Призыв Христа проникает в самое сердце, или корень, самости индивидуума. Это призыв к пробуждению – призыв, который провозглашает: «Будьте прохожими!» Всё, что не внутри индивидуальности должно быть оставлено позади – «Возьми свой крест и следуй за мной». Полная индивидуализация это и есть Крест, который любой подлинный «ученик Христа» должен нести на Гору Распятия, где «смерть» преодолевается самым принятием нового шага вовне, – шага, который ведёт «индивидуальную душу» в сферу Божественного.

Новый Завет может символизироваться Крестом, в чём христианство столь пылко и глубоко уверено. Но крест должен быть понимаем и переживаем как символ движения, внутреннего динамизма, огромного беспокойства и божественной неудовлетворённости, которые являются неизбежными условиями для достижения «недостижимого», ибо тот, кто достиг, перестаёт быть тем, кем он был! Пробудиться, подняться, идти вперёд – вот слова Завета Христа с индивидуумами. *Путь* Христа – это значит жить с новым качеством проживания; значит любить в новом качестве любви; умереть, с новым качеством окончания. Это «прохождение без остановки», это постоянное продолжение движения *насквозь*... **через** удобный конформизм и показное счастье, **через** семейные привязанности, социальную респектабельность, интеллектуальные догмы, традиционные чувства и коллективные верования; конечно, **через** самого себя и своё имя – всегда продолжение: через моменты, кажущиеся циклами и через циклы как зонические мгновения, всегда, всегда... и всё же с миром, глубоким миром внутри всего продолжения; ибо в этом продолжении есть ритм, есть баланс, и все противоположности совпадают. И в этом совпадении – только в их совпадении! – любовь, красота, радость и божественность **реальны**. И только в этой реальности есть Бог... Бог это «Мы».

9. ЛЮБОВЬ ХРИСТА

Завет с индивидуумами.

«для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых».
(1-е Коринфянам 9:22)

Для каждого индивидуума, а также и для каждой цивилизации, наступает время, когда родовая истина, основные символы и законы, которые вели к развитию, становятся **Ветхим** Заветом. И **Новый** Завет обретает форму и выражение. Творческая Сила вселенной свидетельствуется, – она проверяется в новом видоизменённом опыте ценности и значения, в новом опыте взаимоотношений Божественного и человеческого, которые постепенно обретают полноту. Поскольку этот опыт касается индивидуума, он **должен** быть сфокусирован в индивидуальной личности (она индивидуальна, и в то же время является «вечным» коллективным символом своей расы: занимает положение «места слияния» Божественного и человеческого), – и это есть положение «Сына»; Сына Бога и сына Человека в неразрывном слиянии. Когда появляется Сын, – тогда Породивший его становится Отцом. Старая Традиция, Документ древности – становятся для нас «Отцом».

Именно приход Иисуса придаёт историко-символической фиксации длинного эволюционного пути души, и отношению Бога к этой эволюции, статус **Ветхого** Завета. В этой символической «летописи» мы видим попытку творческой божественной Силы постепенно установить более близкий, глубоко проникающий и устойчивый контакт с человеческой природой. Символически говоря, эта попытка демонстрирует некий вид добрачного ухаживания между Богом и человеческой природой; «женщина» любит незрело и непостоянно, сопротивляется и ускользает от добывающегося её «мужчины», который желает её совершенствовать и трансформировать. Бог является «Возлюбленным»; Ему Соломон поёт восторженные песни. Однако вместе с этим, великий Царь ищет развлечения среди тысячи наложниц, поклоняющихся «чужим богам»; он пытается избежать судьбы **полной** самореставрации. Да, Соломон строит Храм, затрачивая энергию и богатства без счёта; но он это делает с такой же мотивацией, что и молодая девушка, украшающая себя без меры, растрачивая своё наследство ради того, чтобы подчеркнуть собственную ценность! Если бы она смогла предстать перед тем Единственным, Которого полюбила без оглядки, во всей своей пустынной (desertic) красоте – без прикрас – во внутренней чистоте, не требующей ничего взамен, возможно, не было бы раскола «царства» и пленения Израиля, (символа) души человека.

«Простой путь», увы, не является путём человеческой природы – ни в большинстве случаев, ни в течение длинных отрезков времени. Человек, попустительствуя приземлённости своей природы, страхам, и что более важно, несдвигаемости в «упрямом и горделивом» характере своего эго, учится непосредственно из опыта трагедий и лишений. Человеческая природа несомненно отягощена (если не сознательно, то подсознательно) грузом призраков «тёмных начал» – духом страха, ненависти и вожделения. Она **реагирует** на это драматическое прошлое (и связанное с ним чувство вины) вопиющей непокорностью, гневной и похотливой, которая рано или поздно ведёт либо к разрушению, символически описанному в Книге Бытия, либо к эмоциональному и благочестивому подчинению слову Бога, Который манифестирует Себя на полусознательном уровне психической природы. **Принуждение к добру так же принудительно, как и принуждение ко злу.** Божественный Брак внутри расставшейся со страхом личности, очищенной и в полном смысле индивидуализированной, а потому «свободной» – не может состояться при условии какого бы то ни было принуждения. Бессознательное принуждение должно быть замещено чьей-либо индивидуальностью (истинной самостью) **сознательным принятием** судьбы – со всей её красотой и любовью, со всей бо-

лью и трагедией. Всё это неизбежно предполагается в такой судьбе.

И только тогда, когда человеческая душа видит, что паттерны эго не действуют, а «храм» устаревшей законности и моральных табу разрушен, затем перестроен, снова разрушен до основания, так как в конце длинного пути его останки впору развеять по ветру, – тогда действительно может начаться Новый Завет. Только Новое делает Старое устаревшим, или, по крайней мере, оно полностью реполяризует и переоформляет содержание прошлого. Истинный Сын больше не склоняется перед Отцом во **внешней**, психической или правовой, формальной покорности; ибо истинный Сын испытал «силу Отцовства» **внутри сердца и живота своего**. Не станет истинный Сын, в свою очередь, искать старый тип водительства Ветхозаветного Отца! Теперь ему знаком иной и «более высокий» (т.е. свободный и более совершенный) тип Отцовства, не имеющего какого-либо существенного признака персонификации. Такое Отцовство универсально, и Оно сфокусировано, по крайней мере потенциально, в **каждом** человеческом «сердце»; т.е. в каждом живом и пульсирующем центре человеческой индивидуальности, если эта индивидуальность **по-настоящему** пробуждена и активна.

Трагедия официального христианства на протяжении всех веков заключена в непонимании основного различия между Богом-Отцом Ветхого Завета (тетраграмматон, Яхве-Элохим, Иегова) и **принципом универсального Отцовства**, о котором непрестанно говорил Иисус. Верно и то, что личный Отец несёт собой принцип универсального Отцовства, но только в ограниченном, организаторском, формалистски строгом выражении для управления расой, народом, группой. Такой тип Отца в «старом» смысле, необходим в течение ранних периодов эволюции, когда процесс строительства души находится на стадии «души живущей», затем, на наиболее шатких и нестабильных стадиях роста «индивидуальной души». Но он принципиально устаревает, когда свершается абсолютный Брак божественного и человеческого в Сыне, во Христе Иисусе – при достижении Человеком духовной зрелости.

Устаревание древнего Образа Отца, к сожалению, одинаково не осознано ни человеческим большинством (которое, по существу, остаётся внутри «Ветхого Закона»), ни массовым сознанием там, где Христос поминается по имени (чаще всего только по имени). Ни «Законы Моисея», ни завет-ритуал Авраама, даже будучи интерпретированы в тонком символическом смысле, не смогут заменить единственной заповеди Иисуса: «Любите друг друга, как **я возлюбил вас**». Когда такое полное изменение принимается индивидуумом, или целым сообществом, в большинстве случаев, происходит резкое колебание маятника прочь от патерналистской власти (в «старом» библейском смысле). Она продемонстрировала порабощение, запугивание (умов), и во всяком случае, глубокую фрустрацию.

Тот вид «любви», который проповедуется некоторыми современными американскими церквями во имя Христа, вообще говоря, является лишь смутным, эмоционально-набожным и простодушно-довольным типом любви. Тут отсутствует центр и психологические основания для понимания того, что является подлинным источником любви в человеческом существе.

Очевидно, такая позиция более приятна и красива, чем кальвинистское чувство «страха перед Богом»; и всё же, она представляет собой тип любви приукрашенной и, в значительной степени, обязательной, а в ещё большей степени, не достигающей цели, озадачивающей – любви, сбивающей с толку. Этот тип любви апеллирует к фразе «Возлюбите друг друга», к повелению любви, сознательно вытесняющей чувство обиды и страха в глубинные слои подсознания; в этом случае опускается вторая часть Иисусова призыва: «как я возлюбил вас». Любовь Иисуса – это любовь, которая в самом своём Принципе является Христом – это **сфокусированная** любовь. Она не нежится под солнцем сладких обобщений и вербального фимиама. Она сфокусирована на любой, но и на всех, затрагивающих **личность** ситуациях; каждого она наделяет **тем, что ему без сомнения необходимо**. Основным посланием Евангелия является то, что полное Воплощение Божественного в человеке возможно – в **любом** человеческом существе. Воплощение (Incarnation) означает неограниченное схождение Божест-

венного в крайне сфокусированном состоянии; ибо только так оно может быть полностью действующим, исцеляя и «искупая».

Доказательством этой «во Христе» любви является её способность **исцелять** душу – и, по крайней мере до определённой степени, тело, если не произошло непоправимого, структурного физиологического повреждения. Это также способность **искупать** воспоминания и «фантомы» из прошлого. Какого прошлого? Прошлого, которое порождено опытом страха, ужаса, боли или лишений в трагедиях, происходящих из-за детского непонимания и злоупотребления (или искажения) «старого» типа Отцовской власти. А под Отцовской властью я имею в виду власть общества или традиции, жёсткой законности и коллективных табу, религиозных страхов и догм; а также совершённых в юности ошибок в фактических взаимоотношениях отец-ребёнок.

Это не должно быть понято как приверженность некоторого рода «духовной анархии». В любви к Сыну присутствует порядок, принцип (архе). Отцовство действует так же сильно и в старом значении «Образа Отца»; но оно действует изнутри. Оно действует согласно единому «Закону» вселенной – т.е. согласно самой природе духа, на которой основывается всё существующее – согласно принципу ответа на потребность. Но этот ответ, если он должен стать истинно духовным, должен быть индивидуализированным, а также нацеленным на индивидуальную потребность, и это существенный момент. Дух не является неведомой силой, рассеянной по вселенной, даже если он проявлен повсюду; он сфокусирован точным образом, в котором его действие может быть наиболее эффективно; **он фокусируется через индивидуальную личность в акте Воплощения**. Только так может состояться исцеление и искупление грехов (присутствие страхов в запуганной душе, живущей под гнётом вины!). Только так личность может по-настоящему действовать «во имя Христа». Всё остальное относится к полумерам и неопределённым попыткам, в основном, основанным на магии, самообмане, или незрелых попытках компенсации психической темноты, – так агрессия обычно направлена компенсировать глубокое чувство неполноценности.

При старом «патриархальном» порядке, законе и морали, социальные и культурные паттерны, правила и предписания являются **внешними** по отношению к индивидууму; они привязывают его, как часть социального или религиозного коллектива. Они окружают и покрывают его; он окутан ими и, по крайней мере, относительно беспомощен в отношении этого **коллективного** давления, которое всегда стремится лепить по шаблону насильственно или посредством едва уловимых психологических средств. Давно организованные религии, по существу, являются социальными организмами с правом выхода за «пределы». Они присоединяют к традиции, оформляющей коллективные надежды, свои «божественные санкции». Однако, кажется ясно, что Иисус не пытался построить новую религиозную организацию; в лучшем случае, это могли быть маленькие группы вдохновлённых новой верой и новым видением людей, действующих в качестве дрожжей в брожении текущих социальных процессов. Эти группы (экклезии – в истинном, оригинальном смысле слова) должны были заражать своим примером рвения, горячего желания самоосвобождения от погибающего социального порядка, который изменять Иисус не собирался. Он недвусмысленно отказывался от каких-либо претензий на лидерство в социальной или политической реорганизации.

Божественный Возлюбленный

Иисус отказался быть **Образом отца для своих учеников, или для кого бы то ни было**. Он отказался от отцовства и царства «мира сего». Он говорил с индивидуумами, не с обществом. В отличие от Моисея и Мухаммеда или более современного пророка, Бахауллы в Персии и Палестине (религия Бахаи и её «Мировой Порядок»), он не оставил метода, направленного на **коллективные** проблемы; он не создал «проекта» ни для избранного, ни для универсального общества. Его Евангелие адресуется **исключительно** индивидуальностям. Это Послание направляет к внутренней реализации в сознании, приводящей к новым осо-

бенностям персонального поведения, которые вытекают из универсального принципа человеческих взаимоотношений («любви», *agape*) – нового фактора человеческой эволюции. Иисус не даёт никаких внешних форм, кроме, возможно, Молитвы. Но даже эта Молитва утверждает только то, в чём нуждается индивидуум, а нуждается он в осознании себя относительно «Отца», который живёт в тех «Небесах», которые, как неоднократно пояснял Иисус, находятся **внутри** каждого, независимо от расы, табу рода или социальных форм. Отец «наш»; даже он, Иисус, не отделяет себя от всех остальных людей. То, что делает он, могут делать его ученики; да, и даже более.

Если он отказывается принять образ Отца для своих последователей, то, что он тогда представляет собой? Ответ может быть только один: он – Возлюбленный. Он – Христос – есть Возлюбленный человечества. Он пришёл заменить собой образ Отца, правивший своевольно, формально и строго. Такое правление, – искажённое, догматизированное и превращённое духовенством (в силу существующих церковных привилегий) в инструмент психического и/или социального подавления – держит индивидуумов в страхе. Бесспорно, такое отцовское правление стабилизирует и укрепляет любой коллективный порядок в обществе, основанном на родовых или квазиродовых паттернах человеческих взаимоотношений. Однако, главное послание Евангелия Иисуса заключается в том, что такой тип общества и такие биопсихические основания для человеческих взаимоотношений устарели. «Вот, я сделаю все вещи новыми!» – очевидно, что не все вещи одномоментно, но в самом принципе, в созидательном Слове.

Увы, что сотворили церкви с этим Возлюбленным! Они соорудили вокруг Его имени иерархию, возглавляемую «Отцом» (папой римским, «маленьким Отцом», *pappas*), а также обосновали буквальное поклонение «Книге» – психологически хорошо известный эквивалент Образа Отца. «Святой водой» и полным «воды» (watery) благочестием они пригласили пылающий огонь божественного Возлюбленного. Я повторяю, патерналистские правила и традиции просто необходимы для защиты уязвимых стадий раннего развития человеческой личности; но они не имеют больше смысла для тех, кто уже столкнулся лицом к лицу с Возлюбленным, и в ком Он лучезарно пребывает, как огонь негасимой, вечно сосредоточенной и личностно направленной божественной любви. Истинная любовь должна действовать **через** личность. Но в том случае, когда эта личность скупно сдерживает любовь, сочащуюся из его или её сердца, и эмоционально посвящает её сознанию и чувственной природе; когда интенсивность этой любви сводится к поклонению человеческому или теистическому фетишу; если она перестаёт удовлетворять потребность существа, для которого она означает целительный, искупительный дар – тогда она не является больше любовью, рождённой духом, и становится лишь страстью или явной похотливостью. Она может также стать, как это говорится на более высоких уровнях, силой психического порабощения во имя «религии» или «религиозного спасения».

Иисус, Возлюбленный во Христе (Christed), поскольку он любит божественно, исцеляет и спасает индивидуумов. Такая любовь является духовной силой, и поэтому может быть обращена только к индивидуумам; только любовь индивидуальностей может быть достаточно сконцентрированной, чтобы стать духовной в действительном смысле слова. Но только потому, что эта любовь направлена на индивидуумов, т.е. на **любого** человека, вопрошающего с той силой необходимости, которая **открывает получение ответа** – только тогда любовь универсальна. Если вы любите родственников (членов вашей семьи, рода, вашей культуры) из-за родства, это не универсальная любовь. Если вы любите вашу мать, отца или братьев больше, чем незнакомца, чья потребность должна вызывать из самой глубины вашего сердца ту самую исцеляющую и спасающую любовь, то вы не «ученики Христа». Иисус действительно заповедовал вам «оставить» или даже «возненавидеть» отца, мать и все формы кровного родства; взять ваш Крест (символ полной индивидуализации и отделения от коллективных паттернов взаимоотношений) и следовать за ним. Его ученики и последователи, и только

они, приходится ему матерью и братьями. Он оставил Образ Матери и получил силу Отцовства, но только, чтобы отвергнуть все внешние эффекты и влияние конкретных отцов и поляризовать, внутри своей собственной живой индивидуальности, огонь божественной любви. Для каждого, кто готов, желает, по-настоящему открыт этим «дарам», он является Возлюбленным.

Но это должно быть сознательное принятие божественного Возлюбленного в свете само-откровения – в отличие от греческого Эроса, на которого не смотрят прямо, и который должен приниматься только «ночью», в бессознательности инстинктивной любви. Любовь, которая является *духом-в-действии*, должна быть встречена сознательно; она должна приходить в кротости и тишине сердца, в котором безграничная боль и возможное отчаяние разлучают его со всеми родственниками по крови. **Христова** любовь исцеляет и спасает от того, что остаётся в темноте прошлого; она делает все вещи новыми – так мифологический феникс возрождается из собственного пепла и поднимается на опустевший алтарь, где недавно ещё бушевал огонь. Старый Завет становится Новым Словом: «Любите друг друга, как я возлюбил вас». В этой Христовой любви индивидуализированная личность, ставшая «отделённой» от всего прошлого, которое её связывало, осознаёт себя «универсальной», готовой служить и любить где бы и когда бы ни потребовалось, без страха и без устойчивых привязанностей – являясь закваской для облегчения тяжёлого теста человеческих эмоций; сеятелем семени для души, если она готова принять дар, грядущий завтра.

Завет Христа

Все соглашения Бога и человека в Ветхом Завете были направлены на установление и запуск некоторых коллективных процессов, как мы уже видели. Ной и его ковчег стали прототипом нового человечества, всей земной жизни после Потопа. Авраам должен был стать основоположником народа, привязанного к определённой земле. Моисей был Освободителем и Отцом народа, «сошедшего» к материалистическому сознанию (Египет). Давид стоял за Израиль как национальное целое. Но Иисус присутствует в каждом человеке, в вас и во мне, когда мы искренне и устойчиво утверждаем себя в нашей собственной индивидуальной идентичности; ибо только в этом состоянии мы можем обрести любовь, которая преобразует интегрированное человеческое целое в сознательного проводника духа всегда и везде, где существует необходимость.

Везде и всегда, когда это необходимо! Таков вызов этого нового завета с любым индивидуумом и со всеми ними, действующий в любом месте и в любое время. И в этом мы находим основное различие между Старым и Новым. Это различие я упоминал выше (см. гл 2) – различие «жизни» и «любви». Древние религии были и остаются религиями жизни; но Христос является, по крайней мере для западного мира, источником евангелия любви. «Жизнь» относится к тому типу органической интеграции, который всегда очевидным образом приспособляется к набору определённых условий пространства и времени; «жизнь» действует в определённом месте и под воздействием сезонных условий. Она может «адаптировать» себя к определённому диапазону изменений, но фактически, совсем не велики допустимые амплитуды температур, и не так много существует вариантов климата и окружающей среды, к которым «жизнь» может удовлетворительно приспособить живой организм, если учитывать неисчислимость диапазона возможностей во вселенной.

В отличие от «жизни», божественная любовь воистину является универсальной силой. Она может действовать в любом месте и в любое время. Она приводит в действие и ведёт такой тип **интеграции**, который существенно отличается от интеграции «жизни». Жизнь действует по принципу исключения; она интегрируется только в то, что созвучно её первоначальной субстанции, находящейся в **консонансной гармонии** к исходному ритму «жизни». Любовь в божественном смысле всеобъемлюща; она сочетает различия **гармонии диссонансной**, внутри которой отличия интегрированных единиц содействуют друг другу, нахо-

дятся в резонансе с силой целого. Жизнь начинается в единстве; ибо даже те две оригинальные клетки, мужская и женская, в начале цикла жизни становятся одним внутри «закрытой» органической единицы, оплодотворённой яйцеклетки. Божественная любовь начинается в оппозиции к состоянию множественности и многообразия. Когда приходит любовь Христа, она не адресуется одной избранной личности, но ко всем, потребности которых «взывают» к исцелению и искуплению; и всё же, она дарит себя **полностью и безгранично каждому** в непосредственном, но вполне сфокусированном виде.

Любовь Христа появляется, чтобы исцелять и искупать; и без исцеления того, что фактически мы имеем, и без искупления того, что было, идеал нынешних «духовных людей» – «Освобождение» (так они склонны его называть) – неизбежно является зачаровавшей их иллюзией. Но «исцеление болезни» не означает избавления от внешних симптомов – они исчезают, **если прошлое**, опять-таки, **полностью «искуплено»**, а структурные повреждения не распространились за пределы «материального» восстановления – да, восстановления в терминах божественного «промысла» внутри всего процесса эволюции души. Исцеление болезни означает фундаментальное возвращение поражённого «организма» к сознанию своего здорового участия в процессе человеческой эволюции – сознанию, утерянному личностью, по крайней мере, до определённой степени познавшей «лишение силы» (in-validated) по ходу течения болезни; т.е. когда личность лишена возможности действовать в полноте своих способностей и со всей полезностью человеческого существа.

В этом смысле «грех» это заболевание, если не само по себе, то, по крайней мере, в своём неизбежном следствии (старательно вытесняемом) – чувстве вины. Вина лишает человека возможности полноценно разделить с близкими и любимыми свою нужность, или обособанность присутствия – так проявляется эта болезнь. И она, во многих случаях, является косвенным результатом **нежелания участвовать** в жизни – и любви – как окружающего человека сообщества, так и невидимого. Человек может отказываться, или в страхе уклоняться от участия в жизни и любви; и если другого подходящего способа выразить этот подсознательный отказ не находится, то болезнь может быть спровоцирована напуганным или слишком изнурённым эго. Она возникает, как программа спасения для эгоцентризма человека, где доминирует нежелание участвовать и делиться, несмотря на то, что часть его природы трагически стремится к обратному – к любви и братству.

Такое состояние всегда имеет свои корни в не искупленном прошлом страданий, ударов судьбы, и возможно, внутреннего отчаяния или невыносимого психического измождения. Сегодня «глубинная психология» пытается постичь тайну «психических корней» и удалить из подсознательных глубин психики целые области разрушения, которые, время от времени, дают о себе знать во внешнем мире вспышкой симптомов, для взгляда обычного медика, крайне затруднительных. Однако, единственным доказательством исцеления поражённой личности является возвращение желания **и свободы** участвовать и делиться.

Но участвовать в чём, и делиться чем? Это большой вопрос, на который современная психиатрия даёт в целом ничего не объясняющий, и по сути бессмысленный, ответ; и он хуже, чем позиция тех американских церквей, которые не признают существование болезни, и называя это «ошибкой» (природы), добавляют к основной причине такого состояния, не менее глубокое чувство интеллектуальной вины. В большинстве случаев, кристаллизовавшееся в само-удовлетворённости эго просто вытесняет в подсознание все причины!

Большинство психиатров – скорее из практических соображений, чем из теоретических – провозглашают психически больного человека выздоровевшим, если он или она способны вернуться домой и хоть как-то жить, иметь работу и т.д. Это называется «социальная адаптация». Но нелепость заключается в том, что «выздоровевший» человек возвращается в ту самую социальную или семейную среду, которая в основном и подготовила почву, обусловила его болезнь – в среде, возможно, заключена её причина. Так или иначе, шоковое состояние во время болезни, как предполагается, должно научить «выздоровливающую» личность

«приспосабливаться» к тому самому окружению, и в процессе той деятельности, в которой он **не желал** участвовать прежде, так как его психика отвергала необходимые для такого участия чувства и качества сознания.

И всё же, весьма вероятно, что это «индивидуальная Душа» человека отказывалась от такого участия и разделения, не нашла согласования с **качеством** жизни и любви своего окружения – слишком ограниченного, словно стянутого цепью. Звенья этой цепи суть искажения и преступления «Старого Порядка». Возможно грех и болезнь являлись единственным доступным этой личности средством стать «отдельным» от массового сознания и отречься – так вот нелепо! – от социального и родительского конформизма, который противостоит нормальному движению к «индивидуализации», к актуализации врождённого потенциала индивидуальной самости любого человека. Так человек становится больным физически или психически; больным, поскольку он или она в самом основании своего существа стремится быть «индивидуумом», способным делиться и любить других свободных индивидуумов. То, что может быть извилистой и запутанной попыткой роста души, может интерпретироваться медиками и обществом как опасное повреждение характера, если не как постыдное упрямство. Сломленный лекарствами, с деформированной под внешним давлением психикой, пациент официально считается «выздоровевшим»; но это в большой степени может означать, что душа потеряла поражение.

Быть больным **понапрасну** – вот где трагедия! Пройти через глубокий кризис и не пережить возрождения на уровне «Нового Порядка» или, по крайней мере, на пути к нему: это только добавляет тяжести грузу не искупленного прошлого. Ужас недавней мировой войны заключается не столько в беспрецедентной жестокости и безвременности миллионов кончин, но в том, что человечество, кажется, извлекло не много уроков, а опустошающий опыт страданий и опасности истребления, измучивший мужчин, женщин и детей – во многом, оказался **бесполезным**. Потерпеть неудачу во время обучения не столь существенно, в сравнении с «не полученным уроком» провала. Боль и трагедии человеческой любви насыщают и обновляют душу, чтобы впоследствии, уже «зная» боль и трагедию, душа смогла любить, и желала любить так, «как» Христос любил нечестивых и больных.

Если осознание всего этого происходит в самом мозгу костей (как красные тельца крови рождаются внутри костной структуры, символа эго), и переживание интенсивных чувств первого рассвета Христовой любви – даже если эта любовь бросает вызов традиционным паттернам социальных устоев, как и Иисус бросал им вызов, – под всем этим подразумевается тотальная переориентация смысловых оснований в человеческих взаимоотношениях. Это требует реполяризации не только собственнических и принудительных паттернов инстинктивной любви, но и неопределённого и смутного желания любить всех и вся, – чтобы все были счастливы и могли греться в лучах божественной доброты и изобилия.

Иисус сказал: «Не мир я принёс, но меч» (или разделение). Он сказал: «Возьми свой крест и следуй за мной». Фактически, Завет, которым **он явился**, на каждом шагу подчёркивает принятие Креста. Распятие должно совершиться; катарсис должен произойти; и прежде всего, должны быть проверки и суровые испытания одиночеством «пустыни». Человек может стать свободным только тогда, когда он невозмутимо примет ограничения героической преданности Новому Порядку. Человек сможет испытывать любовь Христа только когда увидит, что собственничество, зависть, амбиции и страх изжиты из его «живущей души», и вечно сомневающееся эго растворено кислотой страдания или остановлено прижиганием «большого сомнения». Завет Христа начертан кровью; и всё же, это песня радости и мира, интонированная не отягощённым сердцем и смиренной душой. И только тёплая красная кровь чертит «сигнатуру» потенциальной возможности развёртывания «индивидуальной души». Добровольное пролитие крови является действующим символом готовности участвовать в сотовариществе учеников Христа. В этом священном Братстве, «Я» преобразается в «Мы», и в нём все, кто принимает ответственность божественного Сыновства – его части, даже на ранней ступени

выражения. И в этой совместной участи есть красота и есть мир, и огонь страдания излучает свет понимания и божественной любви. **ЧЕРЕЗ ОГОНЬ К СВЕТУ – *Per ignem ad lucem***.

Жизнь Иисуса, как она зафиксирована в Евангелиях, это символический ритуал, миф, в котором воплощены и продемонстрированы особенности всех ступеней Завета Христа. Завет записан в сердце и душе каждого человека, в котором огонь индивидуальной самости стремится к преобразованию в свет Христовой любви.

Путь и Жизнь

Путь Нового Завета начинается, во всяком случае, как это представляется сознанию современного человека, с Благой вести Марии. Мария олицетворяет «человеческую природу» в состоянии полной открытости Богу и готовности служить Его замыслу относительно человечества. Этот замысел, а также её участие в нём, открывается ей. Тем, кто открывает ей это, является «Ангел посланный Богом, Гавриил», который в оккультной традиции является Ангелом планеты Меркурий – меркурианское существо, в астрологическом символизме – сознательный ум, посланник богов. В Индии, Меркурий ассоциируется с Буддой; и как было сказано (в первых главах), аспект внутренней природы Иисуса был непосредственно унаследован от Гаутамы Будды – положение, которое довольно ясно объясняет историко-психологические взаимоотношения между буддизмом и христианством.

Архангел Гавриил как тот, кто открывает силу и инициативу божественного духа, является «высшим умом» человека, тем его аспектом, который не является продуктом эволюции природы земли, но инволюционным выражением формирующей силы творческого божественного Слова – Умом Универсальным. Благовещение, таким образом, представляет собой первый шаг в человеческо-божественной интеграции на уровне ума. Реализация в сознательном уме предвдвряет акт божественного оплодотворения. И это единственно «человеческий» путь; ибо человек – сознательный посредник, и духовно с ним не случается ничего такого, чего бы он был не в состоянии представить или вообразить на понятийном уровне. Это не означает, что он может познать всё, что составляет процесс жизни; разъяснение Архангела, данное Марии, определённо оставляет многое недосказанным! (От Луки 1) И всё же, оно содержит тот тип утверждения, который, учитывая происхождение Марии, было необходимым и достаточным, чтобы **сориентировать её ожидания и поляризовать её интеллект** в направлении предстоящего божественного акта и божественной цели этого акта. Посланником был охарактеризован, в общих чертах, тип силы и ожидаемый результат.

Очень важно отметить, однако, что открывая смысл будущего божественного акта, Ангел использует уже имевшиеся в сознании Марии представления; в противном случае он не мог быть понят, и лишь смутил бы её. Он заявил Марии, что Иисусу будет дарован «трон его отца Давида», что «он будет править домом Иакова всегда», и т.д. – зная о свершившемся с Иисусом, такое выражение пророчества можно считать вполне верным, во всяком случае, в символической форме. Однако Мария могла представлять себе царство, царствование и дух только согласно древнееврейскому подходу. Бог и высший ум (Ангел), ради той цели, которую они имели в виду, вынуждены были к ней обращаться соответственно её уровню эволюции, – как к наилучшему представителю «человеческой природы» того времени.

То, что представляется в уме, формирует себя в конкретную физическую реальность. Это есть процесс беременности – умственно-духовной или биологической, в зависимости от обстоятельств. Но в обоих случаях, это процесс необычный и долгий, и Бог предоставляет сомневающейся душе подтверждения (confirmation) – то, что средневековые алхимики называли «знаками». Таким образом, Мария (согласно Луке) получает конфирмацию от Елизаветы, которая была беременна Иоанном (Предтечей). Это идущий из древности принцип. Он означает, что «великое видение», полученное индивидуумом как послание богов, оставляется втуне, пока в племени или сообществе похожее видение не будет кем-либо ещё получено и подтверждено неким неожиданным знаком, или «сигнатурой».

Рождение Иисуса окружено весьма значительными событиями-символами. Например Иосиф, который действует, как физический отец Иисуса, идёт в родовой город линии Давида, Вифлеем, платить налоги Цезарю. Это устанавливает историческую и расовую подоплёку события – покорение древнего племенного иудейского мира «универсальной империей» Рима. Два мира находятся в состоянии конфликта; накладываются два цикла. Римская империя является матрицей цикла человеческой эволюции, в которой человечество осознаёт себя мировым организмом, как «диссонансная гармония» нескольких основных рас людей. Символически, разделённое потомство Ноя должно реинтегрировать свои сильно разрозненные единицы в мировую Федерацию, которая должна стать на земле полюсом Божественного Братства таких индивидуумов, которые чувствуют, представляют себе, осознают и устанавливают (осуществлением длинного процесса) в собственных жизнях-ритуалах такую любовь, которая отличает Братство Христа (Chrishood).

Визит Королей и Волхвов с востока символизирует взаимосвязь завершающегося цикла (в своём наиболее совершенном выражении) и нового цикла в своём зарождении. Позже мы увидим также, как Иоанн-Креститель – семя конца древнееврейского порядка – передаёт свою силу Иисусу, в котором начинается порядок новый. Однако эпизод, описывающий ритуал крещения, относится к **личному** взаимодействию в рамках течения жизни Иисуса; в то время, как Волхвы представляют собой кульминацию **всего** человечества к моменту воплощения Христа. Это событие имеет универсалистское значение. Волхвы приходят с востока, – а римская империя завоёвывает запад. Древний восток и страшный запад встречаются в Рождество с Божественным Воплощением – восток с тем, чтобы поклониться; запад, чтобы отвергнув, распять.

Конечно, рождение Христа это великий момент в истории человечества; но это также и **Высочайший** Момент в каждом циклическом процессе эволюции Души, момент истинной актуализации *в и через* Божественный Брак. И всё же, может существовать множество потенциальных Иисусов, которые уstraшаются столкнуться с Распятием и не переживают и Воскресения.

После длинного периода скрытого развития – скрытого, поскольку оно относится к глубоко личному процессу роста индивидуума из лона расы, – Иисус встречает Иоанна, испрашивая у него крещения. Иисусу 30 лет. Тридцать лет это полное обращение планеты Сатурн, которая в астрологическом символизме представляет собой «Образ Отца», а также это, придающее структуру и направление индивидуальной психике. По завершению этого 30-летнего цикла Сатурна, индивидуальная самость Иисуса достигла полной зрелости и стала готова к полноценной **реполяризации**. Она реполяризуется схождение Духа Святого в виде голубя, когда был услышан голос Бога: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Моё благоволение». Кроме Иисуса, **только Иоанн, Посвящённый** слышал этот голос Бога; и слышал он это, поскольку этим провозглашением был оповещён о том, что его время и миссия практически закончились.

Иоанн завершает древнееврейский цикл пророков, во время которого люди, избранные Богом-Отцом для миссии Его представительства в племенном сообществе, тотально «захваченные» духом, делали пророческие устные высказывания. Иисус по-другому открывает новый цикл, в котором индивидуумы, ставшие истинными образцами божественного архетипа, Человека – т.е. сыны Человеческие – способны испытывать Божественный Брак внутри себя; люди, следовательно, не являются больше **глашатаями** Бога «жизни» (Отца, который интегрирует управлением и руководством), но являются индивидуумами, единосущными (consubstantial) сынами Бога, Который есть любовь – универсальный Бог. Адамический цикл племенного человечества открылся, когда «Иегова» вдохнул в ноздри Адама «душу жизни» (*Nephesh Hayyah*); цикл закрывается, по крайней мере, возвращается в лоно потенции, когда Голубь Духа оживляет всю личность Иисуса «универсальной Душой» (*Shekinah*, Дух Святой).

Однако, даже Крещение не может рассматриваться как окончательное осуществление. Это ворота, связывающие Старый Порядок с Новым, частное с универсальным. Иисус получает универсальную силу Отцовства; но получить силу от Божества не значит стать единым с Божественным. До того как «Брак» сможет иметь место, Иисус должен доказать, себе и Богу, свою способность использовать эту силу в абсолютной чистоте, вере и эффективности. Его глубинные побуждения «проверяются», и он преодолевает три коренные искушения. Эти искушения порождены (1) личным голодом духа («хлеб»), (2) желанием духовного авторитета (способность легко приобретать поклонников, демонстрируя чудотворные силы), и (3) тенденцией смешивать уровни силы и материализовывать духовное в определённо личное, органическое или социальное.

Тогда Иисус вступает на **путь чудотворения**, путь, на котором новые потенциальные возможности проявляются при его творческом прикосновении или высказывании об актуальности. И первое «чудо» – превращение воды в вино, в Кане. Здесь важно, что это происходит в момент празднования свадьбы. В этой **живой** притче мы видим человеческую любовь, готовую к осуществлению естественного размножения жизни согласно социальным обычаям; но чего-то не хватает. Празднованию не хватает некой возможности «вдохновения». Иисус освящает обычную субстанцию такой любви – простую «воду» человеческих эмоций в социуме – и вот! Она становится «вином», символом всех мистических причащений – вином, которое представляет собой способность в человеке превзойти страхи своего эго, жёсткое чувство и подчинённость социальным устоям и различиям. Вино творится по предполагаемой просьбе матери Иисуса, что добавляет смысла чуду. За это предложение он её журит – «что Мне и Тебе, Жено? Ещё не пришёл час мой» (От Иоанна, 2:4) – но, тем не менее, не отказывается творить чудо.

Почему Мария, мать, просит его об этом? Потому, что она является самым совершенным проявлением человеческой природы как таковой, и она была затронута экстазом божественного оплодотворения. Её сердце испытывает боль, видя банальность традиционной человеческой любви в браке, и она призывает Божественного благословить эту человеческую любовь, даря ей свободу, радость и чувство трансцендентного восторга, – всем тем, чем символически наделяют «вино». И когда Иисус отвечает ей: «Моё время ещё не пришло», – он, без сомнения, подразумевает Тайную Вечерю, когда вино, взятое человеком у природы, в свою очередь, превратится в его собственную кровь. В тот последний час Иисус опустошит своё сердце в сосуды всех человеческих существ. Лишённый всего, преданный и избитый конвоем, он встретит тогда наивысший кризис, приводящий победившего к возрождению – как существо божественного света. Вода, вино, кровь Христа, божественный свет: четыре ипостаси одной Наивысшей Силы – она находится внутри, проходит насквозь и окутывает всё существующее – то есть Любви.

Есть другой значительный эпизод в раннем периоде публичной жизни Иисуса, которому, кажется, не была придана адекватная глубина осмысления – это его столкновение с Самарянкой у родника Иакова. Было это в **«шестом часу»** – шесть, как мы уже упоминали, является числом души. Иисус был утомлён и попросил женщину у колодца: «Дай мне пить». И тут последовал экстраординарный диалог (От Иоанна, 4).

Можно припомнить, в такой же степени плохо понятый, эпизод из жизни Будды, когда по прошествии многих лет следования самым суровым практикам йоги, истощённый и ослабевший от голода Гаутама просит у молочницы молока (далее следует прекрасный диалог с девицей). Восстановив силы поднесением её молочного дара, то есть, вернувшись к самой существенной и простой мудрости земной природы, Гаутама сидит под знаменитым деревом Боддхи, и после многих часов медитации и преодоления всех внутренних искушений он достигает абсолютного «понимания мира», состояния нирваны. **Смог бы он достичь этого без молока девушки и её простых слов** – символов глубокого и фундаментального взаимообмена между правдой и силой?

Священники, мыслящие свободно, часто говорят, что Иисус никогда не провозглашал себя Мессией. Но **он провозглашал** это почти в самом начале своей общественной жизни! И кому? Женщине, которая жила не в браке уже с шестым мужчиной, женщине, принадлежащей народу, с которым правоверные иудеи не желали иметь ничего общего (От Иоанна, 4:9). И ей, таким образом, вдвойне нечистой (в личном и расовом отношении), Иисус открыл свою идентичность: «Это Я, Который говорю с тобой (Мессия)» (От Иоанна, 4:26). Почему Иисус открыл Самарянке свою важнейшую «Истину себя»? Почему **ей** прежде всех остальных, в том числе учеников, и почему у колодца Иакова?

Возможно, было бы лучше не проникать в мистирию так глубоко, ибо такое проникновение, вероятно, должно быть оставлено индивидууму, который сталкивается с необходимостью разрешения своей собственной глубочайшей проблемы; и всё же, эти эпизоды (самарянка и похожий эпизод из жизни Будды) относятся к глубокой поляризации сознания, при которой двум великим божественным личностям необходимо присутствие этих простых женщин «более низкого» (в традиционном смысле) социального порядка. Послания и судьбы – Иисуса и Гаутамы – существенно различны, также различны и характеры двух женских персонажей. Что касается Иисуса, исцелителя и искупителя, без сомнения значительным является то, что он открывает (тайну) себя той, которая чрезвычайно «грешна» перед нравственным законом; и всё же, получает от него не упрёк, но учение глубочайшего характера – его главное и новое учение, касающееся **универсального** Божества! «Наступает время, когда и не на горе сей, **и не в Иерусалиме** будете поклоняться Отцу... когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец **ищет** Себе. Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в **духе** и **истине**». (От Иоанна 4:21-24) (*курсив в цитате авторский*).

«Чудеса» Иисуса могут быть проанализированы и проинтерпретированы снова; и большая часть его высказываний, если её не принимать буквально (учтём вероятность неправильного перевода и более поздних добавлений), может дать ключ к пониманию процесса, согласно которому индивидуальная личность сама по себе **становится** Новым Заветом – он «один, но и многие». Завет может быть переформулирован на языке индивидуальной самости каждого человека заново, так как это завет в духе – поскольку природа **универсального** Божества есть дух – и всё, что от духа всегда сфокусировано на удовлетворение определённой потребности конкретного индивидуума. И всё же, все эти «индивидуализированные» заветы составляют единый завет, ибо все они формулируют один и тот же принцип «Брака» Божественного и человеческого; и «потомством» этого «Брака» является «божественная душа», «младенец Христос» в сердце.

Кульминационным моментом процесса «объединения с Богом» является Преображение. Здесь состояние и слава божественного Сыновства манифестируются в полной мере, и поскольку такое осуществление совершается, оно объединяет не только Божественное и человеческое, Христа и Иисуса, но и прошлое и будущее религиозно-культурного цикла, для которого Иисус является семенем-завершением в той самой точке, где завершение становится семенем-началом нового цикла «Божьего промысла». ПРОШЛОЕ коллективного расово-культурного (древнееврейского) цикла представлено двумя ярчайшими направляющими образами: Моисеем, **Законодателем**, который говорил с Богом-Отцом лицом к лицу, как друг разговаривает с другом, и Ильёй-пророком, пережившим в смерче встречу с Божественным, будучи поднят к Богу в огненной колеснице. БУДУЩЕЕ (т.е. порождающие энергии начинающегося цикла) представлены тремя основными учениками Иисуса – Петром, Иоанном и Иаковом.

Некоторые люди, изучающие теософские доктрины, без сомнения, усмотрят в протагонистах ритуала на горе Преображения символическое соотношение с семеричной природой человека. Иисус, Моисей и Илья составляют высшую Троицу, Душу, в то время как Иоанн, Пётр и Иаков представляют собой более низкое проявление высших реальностей: Иоанн по-

ляризует Иисуса, Пётр – Моисея, Иаков – Илью. Голос Бога является седьмым Действующим в ритуале, – но не действующим лицом в фактическом смысле, а Действующей Силой, универсальным Принципом, который никогда не может быть **персонифицирован**, хотя он и проявлен во время разворачивания цикла в тройном Присутствии как: Любовь, Форма и Сознание (Иисус, Моисей и Илья – и Иоанн, Пётр и Иаков). Этот «Бог» может рассматриваться как Элохим в коллективном смысле (ибо имя «Элохим», я повторяю, в древнееврейском языке – существительное во множественном числе) и не должен быть перепутан с «Иеговой» (JHVH-Elohim Книга Бытия 2), который является лишь Отцом-управляющим царством «жизни», и от которого человек получает только свою «живущую душу».

Интересно отметить, что Иоанн и Иаков, два сына Заведя, могли быть двоюродными братьями Иисуса (их мать, возможно, была сестрой Марии); и что Иисус называл их «сынами **грома**» – тут всплывает в сознании имя великого арийского божества, Рудры, предвещающего грозу. Иаков, очевидно, был первым из апостолов, испытавших земную смерть. Впрочем, вполне возможно, что это был Пётр, который посредством состояния осознания божественного Сыновства Иисуса («Ты – Христос, Сын Бога Живаго») **поляризовал** Преображение; ибо до того, как **потенциальное** «Сыновство» Иисуса смогло стать **полностью актуализированным фактом**, кто-либо среди человеческих индивидуумов должен был осознать эту потенциальность, как факт. Божественное Сыновство Иисуса смогло завершиться и стать совершенным посредством закрепления в уме человека, который «видит» его и провозглашает; нужен человек, который имеет достаточно «веры», чтобы увидеть и провозгласить. И всё же этот человек отрёкся от него трижды – в час темноты!

Правомерность всего этого основывается на том факте, что при «духовных событиях», подобных Преображению, мы видим не только результат осуществления своего развития индивидуумом. Так полагать было бы наивным эгоцентрическим обманом. Каждое преображённое ТЕПЕРЬ предполагает наличие прошлого и будущего – цикла, подходящего к концу и начинающегося нового цикла. «Прошлое» пророчит грядущий процесс – Иисусу было объявлено о его смерти в Иерусалиме Моисеем и Илией (От Луки 9:31) – в то время как «будущее» это Апостолы, и они впервые прямо слышали Глас Божий «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, Его слушайте!» К ним прикоснулась сила универсального Отцовства.

Увы, опыт трёх учеников в момент Преображения печален, но для нас это лишь примечание духовной неготовности человечества. Они были «отягчены сном» – хотя собирались так же бодрствовать на Горе Маслин. Они «вошли в облако» – т.е. едва ли могли вынести интенсивность света, и их сознание было замутнено. Реакция Петра на великое видение типична для «Старого» религиозного отношения; он хотел «сделать три кущи», – и весь паттерн католического поклонения уже был заложен в зерне: огромные сооружения, алтари и статуи, помпезные церемонии!

Таким образом, «прошлое» его цикла говорит о том, что он должен пережить смерть в Иерусалиме, и «будущее» реагирует на Наивысший Момент человеческой эволюции в манере, которая едва ли отличается от религиозной традиции, превратившейся в тот момент в устаревшую. Иисуса должны были распять согласно традиции физического насилия и мучений, поскольку всё движение предыдущего этапа эволюции человеческой Души было искажено и извращено «призраками», застрявшими в подсознании человека – призрачными воспоминаниями вины, укоренёнными в **страхе** Адама-Евы, после «познания» добра и зла, **гневом** Каина на брата, предпочтённого ему Богом, **похотью** потомков «сынов Бога», бравших в жёны «дочерей человеческих». Страх, гнев и похоть – три «входа в ад»; и для того, чтобы уничтожить эти входы, Христос, сосредоточенный в уме Иисуса, спускается в ад «на **три дня**».

Это схождение начинает процесс общечеловеческого катарсиса; и, действительно, та историческая эра, которая теперь подходит к концу, и которую мы называем «христианской», была долгим периодом катарсиса, конфликтов и войн, страха и лицемерия. Но так и должно случаться, когда призраки искажённого и извращённого прошлого всплывают на по-

верхность сознания человека. в психоанализе говорится о перенесении Образа Отца пациента на аналитика; и так же наша цивилизация возводила главу церкви на престол этого Образа Отца, или саму «Книгу», буквально принимая её как Слово Божие. И всё же, всё, чему учил Иисус – это Небеса которые внутри нас, Царствие внутри сердца, и Отец – универсальный Принцип и Сила, пребывающая **потенциально** в каждом человеке. Они пребывают в центре креста – да, креста человеческого тела – где они могут стать цветком небесной Розы. Однако эта Роза может быть увидена только теми, кто осмелится пройти через все круги ада и, ассимилировав опыт темноты, сможет получить, в тишине и мире, в самоотречении и любви, совершенное семя, семя Бога, медленно вырастающее в сердце в Розу.

Распятие является неизбежным последствием Преображения с точки зрения человеческих или социальных условий, ответом на которые это Преображение имело место быть. Ритуальная драма Страстей Христовых разворачивается в форме человеческого непонимания и даже испуганного предательства; и божественного жертвоприношения. Смерть **делается священной** в божественно-человеческом смысле, поскольку она сознательно принята и происходит не напрасно, в отличие от большинства кончин. Страдания и смерть не трагичны, когда вы знаете *зачем* приходит страдание и умирание. Как гласит гностическое высказывание, приписываемое Иисусу: «Если бы вы знали, как страдать, вы бы имели силу не страдать» – т.е. бессмысленно страдать, как страдает большинство людей, испытывающих страх, раскаяние и слепое сопротивление смерти, терзаемых разочарованием и отравляемых фрустрациями, тщетностью и предчувствием горького фиаско.

В трагической истории того, что мы предпочитаем называть «цивилизацией», конечно же, содержится бесчисленное множество примеров человеческих жертвоприношений. Однако в драме жизни Христа, жертвоприношению придаётся – впервые публично и ясно – космическое и человеческое значение, и более всего, значение вселенское. Бессчётное число девственников было принесено в жертву в древних культах в надежде подстраховать земное плодородие и богатый урожай; первые плоды земли и первенцы из детей приносились в жертву богам. Однако **целью** ритуала жертвоприношения всегда было достижение определённого, локального результата. Распятие Иисуса, в противоположность этому, несёт значение универсального символа. Оно имеет значение относительно судьбы всего процесса эволюции души.

Мы можем также вслед за фундаменталистами сказать, что «кровь Христа искупила грехи человека»; но это лишь желание декларировать слово в эмоционально окрашенном виде. Что **фактически означают** эти слова в терминах универсального процесса, символически подчёркнутого в Библии – процесса эволюции души? Фраза «искупление через страдание» вторится эхом под сводами пространств искушённого ума западного человека; но, **возможно**, только сегодня, с помощью глубинной психологии мы можем, наконец, сделать попытку понять необременённым и сознающим умом, что эта фраза значит на самом деле, и к чему именно она относится.

То, что должно быть «искуплено», это **воспоминания** наших (и коллективных человеческих) грехов и искажений – призраков, порождённых страхом, гневом и похотью. Они являются гноящимися ранами, заражёнными участками нашего подсознания, и таким образом коллективного бессознательного человечества. И это искупление прошлого является исцелением настоящего. Мы можем властью духа, наделяющего нас пониманием, и с помощью знания, которым способен оперировать ум, исцелить болезнь дня сегодняшнего; но эта болезнь очень часто, и возможно всегда, является побочным эффектом «греха» или страха (оба слова имеют одинаковое значение!) нашего древнего прошлого – личного и коллективного. А **первичный** эффект погребён в нашем бессознательном, в наших индивидуальных кругах ада. Как заставить его «выйти» из могилы бессознательного, если не по слову индивида «во Христе», «любовь которого велика»? Он желает, способен и готов страдать с той силой, с которой пробуждённые «силы ада» могут быть абсорбированы, ассимилированы и высвобождены в

виде витальных энергий универсальной циркуляции «жизни»?

Техники психиатрии, даже если в некоторых случаях они оказываются превосходными, не могут заменить «Христовых» исцелителей и искупителей. Заболевания могут быть излечены, но могут ли **воспоминания** полностью быть искуплены и выброшены из сознания, возрождённого обновляющим душу пониманием и просветляющей ум любовью – прежде, чем придёт «искупитель»? И то, что истинно для отдельного человека, истинно для всей цивилизации, для всего исторического цикла.

Всё это начинается с Благовещения Марии; ибо ум человека должен сознательно принять возможность искупления и исцеления прежде самой актуализации потенциальности. Здесь требуется сосредоточенное схождение творческого духа в «индивидуальную душу», чья сила творческого воображения всегда свежа, непорочна и незапятнанна конформизмом, традициями и страхом. Здесь требуется крещение водой такой мудрости, которая переносит прошлое (в его творческой сути) в будущее. Здесь требуется проверка качеств внутренних реакций индивидуальности на скрытую перспективу для тщеславия, гордыни и ментальной путаницы в эго каждого человека, наделённого необычными силами. Здесь должна возникнуть связь со всеми типами человеческих существ, с мужчинами и женщинами, с новыми группами и со старой укоренённой социально-религиозной защищённостью. И путь этот усыпан «чудесами», ибо тот, у кого воображение свободно и напитано духом, совершает чудеса трансформации, маленькие или эффектные, но всегда истинные в терминах эволюции души окружающих людей, которые омываются волной любви, свободным и творческим осуществлением взаимоотношений.

Но тот, кто осуществляет взаимоотношения в духе любви Христа, должен принять кризис искупления. Для такого индивидуума недостаточно произнесения слов исцеления или возвращения здоровья больному одним своим прикосновением. Искупление означает принятый и пройденный кризис. В жизни искупающего индивидуума, наполнившегося смирением и любовью – через которого Божество может пролить благодать в минуты большого напряжения – существует множество кризисов, множество распятий. И всё же, хотя любовь Христа, поглощающая сердца посвящённых, является распятием, она же есть радость и воскрешение. И песнь Пасхи оглашается через труды тех, чья любовь «знает *как* страдать». Таким образом, знающий страдания в самом основании, достигает мира и сознания красоты и правды, которые суть вечное воскрешение.

10. ЖИЗНЬ В ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ И ЕЕ ПАРАДОКСЫ

«Когда мужчина станет как женщина, и женщина как мужчина, вы найдёте меня»
(Высказывание Иисуса из гностических источников)

Каждое великое духовное Движение центрируется «истиной», и жизнь человека должна нести в себе и излучать образ, или идеал этой истины, если жизнь проживается им в самом полном и высшем смысле, который только возможен для человеческого существа в конкретную эпоху зарождения духовного Движения. Тот, кто является истинным Источником этого Движения, своими словами и своим личностным примером, влияющим на своих последователей, воплощает эту главную действующую истину. Он высвобождает основной «тон», который продолжает вибрировать только в части человечества, но в неизменно нарастающих резонансных циклах; или, возможно, в конце концов, звучит во всём человечестве.

В этой книге была предпринята попытка приоткрыть сущностную, действующую, созидательную истину христианства такой, какой она может быть понята из жизни и слов Иисуса (как они были зафиксированы), а также опираясь на пророчества, предшествующие (в библейском повествовании) евангельским событиям, которые, как полагает христианство, свершились Иисусом, существом Христа. «Великие Образы», которые суть сама душа христианства, обсуждались в попытке предоставить более убедительные, рождающие стимул и вдохновение интерпретации тем мужчинам и женщинам нашего катастрофического века, которые несомненно остро нуждаются в духовном возрождении и пробуждающем от сна видении некоего сущностно верного пути жизни в истине.

Для наиболее убеждённых христиан центральная истина, или идеал Движения, иницированного Иисусом, возможно, выражается в «любви» – подобно тому, как для буддистов центром истины, проявленной в жизни и проповедях Гаутамы Будды (шестой век до н.э.) является «непривязанность», или «мудрость, которая превосходит все дуальности». Это короткое слово, любовь, даже если оно уточняется при помощи слов, может выглядеть достаточно туманным. Есть надежда, что предыдущая глава прояснила, и по крайней мере, до некоторой степени убедительно раскрыла значение слова любовь в истинно христианском смысле. Дальнейший шаг в интерпретации этого понятия всё же кажется необходимым для уточнения – что подразумевает, или открывает такая любовь, когда понимается в своём глубочайшем, философском и глобальном, но вместе с тем и полностью практическом смысле.

Эта более философская интерпретация возвратит нас к идеям, выраженным в той главе, где определяется значение часто используемого и избитого слова «душа», и таким образом, станет подходящим заключением всей книги. Это крайне **практическая** интерпретация, поскольку она в универсально правомерных терминах определяет то, чем может быть «большая жизнь» человека во всех обстоятельствах. Эта большая жизнь является естественным путём человека просто оттого, что человек по существу своему – это и **есть** жизнь большая. Она представляет собой место и функцию человека во вселенной, по крайней мере в такой вселенной, какой она нам видится сегодня. Очевидно это не просто случайность, – имеет ли место вообще что-либо случайное! – сам размер человека находится «на полпути» между предполагаемым размером вселенной и размером атома, как утверждают физики, подобные Джинсу и Эддингтону. Этот факт – если это факт! – может служить, по крайней мере, подходящим символом метафизической концепции, согласно которой человек находится в срединной позиции «между» духом и материей. Именно такая позиция определяет душу человека; ибо, как мы видели, душа рассматривается, как поле интеграции, на котором может совершаться Брак высшего и низшего. Душа человека – или лучше сказать, человек как душа – смотрит, подобно древнеримскому богу Янусу, в противоположные стороны, то есть **как** в прошлое, **так** и в будущее. Другими словами, **она – связующее звено для всех оппозиций.**

Жизнь, в которой Истина человека действует во всей полноте, есть «жизнь посредни-

чества». Человек как Душа, является посредником всего существующего; и в Иисусе, в совершенном человеке, полностью воплотилось это состояние посредничества. В нём дух и материя, и все полярности бытия и существования, были гармонизованы и интегрированы согласно характеру этих полярностей – т.е. с духом как позитивным, иницирующим полюсом. То, что мы называем любовью Христа, является силой, которая делает эту интеграцию возможной практически, – делает абсолютно живой, демонстрирующей саму суть жизненного опыта.

Идеал жизни «серединного пути» был подчёркнут Буддой в наиболее прекрасной и необычной манере; но позиция баланса между двумя крайностями это одно, а фактическая **интеграция** этих осевых оппозиций в жизни посредника через силу любви-сострадания, это другое. В этом заключается основная разница между **нахождением в состоянии мира** среди условий (состояний), тянущих в разные стороны, и **приведением двух оппозиций к динамическому фокусу трансформации**. В этом разница между миром и любовью. Любовь не является миром; и всё же в совершенной любви Христа пребывает корень мира, полного принятия страдания так же, как и радости. Это принятие делает возможным **устойчивое сдерживание** противоположных сил и конфликтующих эмоций. В крепости сосуда есть мир; сосуд (поле актуализации души) остаётся тем, что он есть, даже когда он вибрирует под влиянием конфликтующих полярных энергий, которые являются его содержимым. Конфликт переживается центральным сознанием сосуда как «танец»; земное притяжение и воспарение становятся необходимыми элементами этого танца противоположностей. Такой балет есть посредничество. То, что опосредуется, переживается **внутри**; но это **представляется** также **снаружи**, ибо это должно быть и ритуальным актом, символической драмой. Для всех становятся видимыми и актуальными принципы посредничества и любви, проявляющей свой характер. Её всеобъемлемость может превращать конфликт в танец, а трагическое в прекрасное. Это есть путь, истина и жизнь – (потенциально) для всех индивидуальных живых существ.

Идеал посредничества был проиллюстрирован множеством способов в течение тех веков, когда христианство распространялось по всему миру. Концепция божественного Брака хорошо известна. Многие христиане могли бы согласиться с утверждением, что наивысшей судьбой человека как индивидуальной личности, является судьба Поля, на котором совершается единение Божества и природы земли в чистом сознании и всепоглощающей любви. И всё же, любая подробная дискуссия относительно истинности данного утверждения могла бы немедленно выявить, что в понимании ортодоксально верующих христиан этот божественный Брак произошёл **единожды и на все времена** в личности Иисуса Христа; и что основной целью воплощения Христа было «спасение» всех людей посредством «искупления» их древнего коллективного греха. Таким образом, посредничество, о котором говорит церковь, в своём сущностном характере сохраняется исключительно за Иисусом Христом; в нём были интегрированы божественная и человеческая природа, и эта интеграция была особым актом для того, чтобы исправить некое событие **во времени**, «первородный грех» человека. Верно, что теологи говорят о посредничестве Христа, как о «вечном» акте, каким-то образом превосходящим временные рамки, и о том, что человеческие существа после Христа могут каким-то образом «принять участие» в этом посредничестве через «подражание Христу»; но в таком случае, инспирированные церковью догмы выглядят сбивающими с толку и искажающими истину.

Идеал жизни посредничества, по сути, применим не только к одному определённом, сверхъестественному случаю. Он относится к основной потенциальной возможности, присущей всем человеческим жизням. Он относится к месту и положению Человека во вселенной, к человеческой судьбе. Потенциальная возможность **скрыта** в любом человеческом существе; и это есть тот революционный факт, который Иисус провозгласил множеством способов. Тем не менее, здесь следует быть осторожным, чтобы не понять это утверждение не-

правильно! Оно НЕ относится к человеку как социализированной единице (эго), сообразующейся или противодействующей традиционным паттернам. Эти паттерны представляют собой лишь предродовое окружение истинной зрелости человека; они обуславливают ранние стадии роста человека, но он должен выйти из них, чтобы стать истинным человеком – человеком индивидуальным. Эта потенциальность истинного посредничества проявляется только в индивидуализированной душе человека. Это – всего лишь строительные леса, необходимые для того, чтобы конкретизировать работу по оформлению материального поля деятельности души, поля, на котором эта душа сможет действовать, как посредник.

В конечном счёте, душа «является посредником» между единством Бога и множественностью материальных единиц, остатков прошлых циклов манифестации; но только душа, достигшая стадии «божественной» (в том смысле, как этот термин был определён в 4-ой главе этой книги), **может** совершать такое посредничество, ибо только «божественная душа» в прямом смысле является Представителем Бога, Единого. Однако не только на этом уровне может действовать жизнь посредничества! Это может быть **любой уровень**, где оппозиционные силы находятся в состоянии конфликта. А другими словами, повсюду; ибо все формы существования порождаются динамическим взаимодействием полярных сил, и такое взаимодействие всегда **вначале** проявляется в сознании (вовлечённом в это взаимодействие) как конфликт, и часто, даже как трагедия.

На любом уровне функцией посредника является **трансформирование конфликта и возможной трагедии во временное состояние «катарсиса», пройдя который, жизнь и сознание того, кто был очищен, могут выйти обновлёнными и содержать много большее**. И прежде всего, этим состоянием должна быть затронута душа, выполняющая функцию посредника, если не всё существо живущей личности человека, в котором душа является фокусом интеграции! И всё же в некоторых случаях, эта трансформация кажется не функционирующей, ибо сама личность может, из-за прежних провалов возможно, передавать другим то, что теоретически должна была бы, прежде всего, применить к своему собственному экзистенциальному бытию. В этом случае, мы можем стать свидетелями феномена гения в той или иной области социокультурной или даже религиозной деятельности; ибо истинно творчески-трансформирующий гений является, по существу, посреднической деятельностью между прошлым и будущим; он является «деятельностью в большей мере, чем «деятелем». Вся личность гения должна рассматриваться как посредническая деятельность, ибо она представляет собой не только «решение», но конфликты, требующие интегрирующего решения – «Образ Спасения» или «искупительный Символ». «Человеческое положение» в современном кризисе представлено в гении как живущей и действующей личности; и работа гения проявляет, а иногда запутывает сложностью символизма (например, во сне), решение этой кризисной человеческой ситуации.

То, что порождает посреднический, интегрирующий Образ или Символ – это, можно сказать, душа в ядре гениальной личности; и всё же, в глубинном центре этой души часто можно в значительной степени визуализировать поток истинно божественного творчества. «Бог», или творчески-трансформирующий аспект Бога, сам по себе является прямым духовным полюсом в посреднической деятельности, в то время как полюсом материи является личность гения, действующая, как представитель своей расы и культуры. Настоящий посреднический процесс осуществляется внутри и проходит через всё «поле души» гения; и на этом поле, можно сказать, должен быть сжат урожай долгого прошлого. Ибо, любая истинно посредническая деятельность должна «искупать» всё прошлое.

Через любой истинный акт посредничества прошлое и будущее, **альфа и омега** затрагиваемого цикла, становятся интегрированными, а их оппозиции ищут разрешения в настоящем – то есть в моменте, в котором фокусируется весь цикл, и который, таким образом, может быть назван «непреходящим Сейчас» (или лучше эоническим) или, в некоторых мистических философских системах, просто «моментом».

Во многих школах «духовного» направления пропагандируется практика **медитации**, и для её совершения даются определённые правила. В контексте приводимых в этой книге понятий, к «медитации» следует относиться, в лучшем случае, как к прелюдии, или подготовительной фазе, процесса **медиации** (посредничества). Любая настоящая и духовно эффективная медитация имеет своей сущностной целью подъём индивидуального сознания на уровень, на котором оно перестаёт быть вовлечённым в паттерны эго, и вместо этого начинает принимать участие в великом процессе универсальной эволюции души. Но, к сожалению, многие виды медитаций просто заменяют эгоцентрические паттерны – если делают хотя бы это! – догматическими Образами, замораживающими процесс посредничества в коллективно-религиозных Образах спасения. Это может быть более безопасной и комфортной формой посреднической деятельности души; а для подавляющего большинства людей «ищущих» духовности, только такой путь может быть наиболее верным и надёжным. Тем не менее, глубочайшая и высочайшая форма посреднической деятельности всегда должна, по крайней мере, пока мы имеем дело с индивидуальными личностями нашей пространственно-временной вселенной, выражаться в делах индивидуума.

Индивидуум подобен линзе; и хотя излучаемый свет всех солнц и звёзд попадает в линзу, всё же, она является **одной единственной** линзой, которая фокусирует разнообразные лучи света. Это есть та самая великая истина, которую христианские церкви реализовали и персонифицировали в концепции «одного и единственного» Сына Бога. В любом настоящем акте Посредник, в рамках акта посредничества, является «одним и единственным» – даже если этот акт имеет, в качестве подготовки условий, совершение некоторых фактических взаимоотношений, которые, символически говоря, «подстраивают» линзу и очищают её от наносного, удаляя с неё неуверенность и нерешительность сознания, так как придётся столкнуться с величайшей проверкой веры и смелости.

В конечном счёте, всё зиждется на выражении Принципа соотнесённости – сердцевинны «любви». Каждая по-настоящему духовная «медитация» служит освобождению сознания от препятствий на пути к соотнесённости и любви, воздвигнутых страхами и стяжательством, или *жадностью* эго. Медитирующий на «великие истины» или универсальные символы, расширяет и делает более прозрачной рамку сознания, вмещающую в себя только те вещи, которые относятся к пониманию сути жизни, и представляют собой проверенные опоры для эго. Человек должен полностью признавать Истину Человека до того, как он сможет любить в полной мере без эгоистических отклонений и в свободе от социально-этнически-культурной обусловленности. В противном случае, любая посредническая деятельность будет сведена до уровня контроля эго, так называемой, «личной» точки зрения, эго эго. Каждый истинный посредник является, следовательно, прежде всего, «сыном Человека»; и только в этом качестве – способный объединиться с единым принципом Христа и быть преображённым любовью Христа, – он становится, **в индивидуальной манере** (которую фактически определяет время и пространство), истинным посредником.

Существенной разницы между творчеством (creation) и посредничеством (mediation) не существует. Это всегда божественный свет, проникающий (с целью трансформировать) в темноту последствий от всё ещё не разрешённых конфликтов, результатов, которые в своём окончательном аспекте, представляют собой состояние внешней разобщённости и индифферентности к любой возможности взаимоотношений. Это проникновение света есть акт истинной «любви-милосердия». Свет является посредником между Тем, что есть сознание и сострадательное Единство, и мириадами точек темноты, остатками того, чему не удалось достичь единства, поскольку они отвергли любовь и соотнесённость, которые были их циклической судьбой (т.е. их потенциальной возможностью существования); и это посредничество создаёт возможность нового будущего, поскольку показывает новое значение, новую цель. Это посредничество-творение является центральной истиной сознания Христа; и это, я повторяю, есть нечто существенное, что отличает христианский идеал от буддийского. Иде-

ал, который представляет не догматическое и сущностное христианство в том, что человек, в деятельности которого фокусируется Божественное, может освобождать и трансформировать других людей; эта деятельность становится возможной через «Брак» божественной и человеческой природы внутри поля актуализации индивидуализированной души.

В идеале, христианская жизнь является таким образом, жизнью, через которую (и внутри которой) оппозиции натянуты и взаимодействуют. Это жизнь «в-промежутке» (in-between). Взаимодействия оппозиций показывают значения; и светотень (chiaroscuro) художников европейского ренессанса становится символом взаимодействия этих значений. Жизнь Христа воспринимается, как **светотень**, поскольку она не есть один только свет, или только темнота – она не тотально божественная, но и не сугубо человеческая; поскольку она есть **и то, и другое** – каждая из сторон многозначна.

Такой идеал существования, очевидно, наиболее действенен; он также весьма «беззащитен», поскольку нестабилен. Вот его основное требование: оно состоит в том, что баланс и интеграция постоянно должны обновляться и проверяться в каждый текущий момент. Это может сейчас напоминать прославление изменений – корни этого можно обнаружить в древнегреческой философии Гераклита. И всё же то, что представляет собой высшую реальность **не** есть изменение как таковое! Изменение – только один полюс; неизменность – другой. Каждая фаза существования превращается в следующую, часто в свою противоположность; и всё же «гармония» вечного, циклического Целого не утрачивается. Его гармонический характер не ослабевает, и не увеличивается; Целое не становится большим или меньшим целым в результате взаимодействия своего непостижимо огромного множества частей, не прекращающих выработку вечно-меняющихся форм соотносённости. В вечном танце постоянно-рассогласованных и постоянно-воссоздаваемых отношений не существует статического мира; Христос **не** мир принёс, но «меч». Здесь нет защищённости; нет, поскольку здесь нет Бога, – эту мысль смакуют атеисты-экзистенционалисты в своих драматических телодвижениях, посвящённых самопрославлению человека, – но здесь есть Бог **и** человек; следовательно Бог должен неизбежно становиться «человеческим», поляризуя попытки человека стать «божественным». Тем не менее, тут **присутствуют** мир и защищённость иного порядка, так как здесь мы должны начать говорить с точки зрения целого и частного. Поскольку мы сами суть части некоего Целого, мы можем поверить в его Гармонию. Но если мы убедим себя в том, что являемся совершенно отдельными частицами, гонимыми ветрами бушующих энергий вселенной, мы можем лишиться и защищённости и мира.

Трагедия, присущая так называемому «человеческому состоянию» в том, что мы не легко принимаем Бога **и** человека – неизменность Гармонии универсального Целого **и** сам факт, что имея чувство идентичности и целостности как «Я», человек в то же время является частью этого Целого, этой Гармонии. Мы не принимаем идею **соотносённости** Бога и человека, человека и Бога. Мы стремимся быть обожествлёнными, «духовными», совершенными; но мы не понимаем процесса из-за желания отмежеваться, и возможно даже отказаться от нашей принадлежности к роду человеческому (humanhood), несмотря на то, что здесь и сейчас мы являемся всего лишь мужчинами и женщинами. Мы хотим уже стать божественными, и это притом, что божественное существовало всегда; и оно первично. Мы так хотим стать божественными, что при стуке Бога к нам в дверь, мы обычно оказываемся слишком вовлечёнными в наши «медитации» или в «делание добра», или заняты «спасением людей» (кошек, собак), поэтому не слышим этого стука. Мы так хотим стать тем, чем на самом деле не являемся **в настоящий момент**, – даже если потенциальная возможность внутри нас есть! – что у нас нет времени для процесса взаимоотношений, единственно который может очистить путь и сделать возможной встречу с Божественным, когда настанет такое время. И время это может не совпасть с ожиданиями нашего сознания! Может оказаться, что это вовсе не **время Природы**, о чём говорилось в мистической притче о финиковом дереве. Это дерево было проклято Иисусом, не нашедшим на нём плодов для утоления жажды и голода, **хотя это бы-**

ло не время сбора плодов. Какой парадокс!

Конечно, жизнь человека бдительного, но в то же время готового откликнуться на призыв к соотнесённости и гармонизации через открытые взаимоотношения, это постоянный парадокс. В некотором смысле, «диалектический» процесс по сердцу современному образу мышления: для жизни в духе сосредоточенная деятельность является парадоксом, т.е. тем же, чем силлогизм (тезис-антитезис-синтез) является для логики интеллектуальных корреляций. Жизнь «ученика Христа», жизнь посредничества, есть парадокс, поскольку это жизнь «в-между»; «**в** этом мире, но не **от** мира сего» – как сказано. (От Иоанна 17). Это жизнь непрерывной интеграции оппозиций; но из этой интеграции возникает растущее чувство значения и целеустремлённости.

Каждое усилие, прилагаемое человеком на пути уподобления Христу, имеет тенденцию активировать свою оппозицию, и такое усилие эффективно только **через** опыт этой оппозиции. Мир, в этом смысле, может быть сознательно понят и актуализирован только через некоторую форму «войны», но если, впрочем, войне придаётся значение источника более великого смысла, более содержательного мира. Бог может быть **фактически** познан там, где человек проявляется наиболее «человеческим» образом, и если Человек понимается как поле динамического существования, *на* котором и *внутри* которого Бог присутствует, обретая тем самым индивидуализированную форму для осуществления всеобъемлющей любви Христа.

Заповеди Блаженства

В заповедях блаженства, которыми начинается нагорная проповедь, нам даются краткие формулировки тех парадоксальных шагов, которые должен предпринять человек, стремящийся следовать путём Христа. Едва ли можно удостовериться в том, что есть какое-либо особое значение в наличии девяти формулировок; не знаем мы и точного значения тех слов на арамейском языке, которые использовал Иисус, стремясь полнее выразить смысл. «Блаженный» на английском или «счастливый» на французском – эти слова являются переводом греческого термина, который, похоже, более точно означает «наслаждающийся высшим счастьем» (enjoyer of bliss). Наиболее вероятно, что эти девять высказываний относятся к основным ступеням процесса психологической реполяризации и трансформации, постепенно ведущей к чувству осуществления и блаженства. Это тот процесс, который, как целое, должен быть понят и применён.

Последовательность этих девяти положений представляет собой симметричный паттерн, который обычно не видим и не понимаем, частично из-за той манеры, в которой сформулированы восемь из них, манеры, которая скрывает их основной характер. Заповеди блаженства следует разделить на две части по четыре соответствующих утверждения, плюс кульминационная точка – пункт, который придаёт всему учению конкретный и действенный фокус. Первые четыре заповеди негативны в своих первоначальных утверждениях; вторые позитивны, хотя последняя из них и сформулирована в очевидно негативных терминах; и финальная заповедь повторяет восьмую, но в личностно направленном смысле. Таким образом, мы имеем следующую последовательность из Евангелия от Матфея:

А. Негативные черты

1. Нищие духом (...их есть Царство Небесное)
2. Плачущие (...они утешатся)
3. Кроткие (...они наследуют землю)
4. Алчущие и жаждущие правды (...они насытятся)

В. Позитивные черты

1. Милостивые (...они помилованы будут)
2. Чистые сердцем (...они Бога узрят)
3. Миротворцы (...они будут наречены сынами Божьими)

4. Изгнанные за правду, демонстрирующие новый путь праведности, показанный Христом (... их есть Царство Небесное)

С. Фокусирующее заключение

Вы (мои ученики), которых будут поносить и гнать, и злословить меня (... велика награда ваша на небесах).

Двойной четырёхчастный паттерн подтверждается формулировкой этих наставлений Иисуса в Евангелии от Луки – в единственном из Евангелий, соотносящем заповеди блаженства в иной форме. В версии от Луки (6: 20-32) блаженны: **1)** нищие **2)** голодные **3)** плачущие **4)** поносимые людьми и гонимые «за Сына Человеческого». А полярная оппозиция этим четырём заповедям не является (как у Матфея) вторым набором четырёх больших блаженств, но соответствующей последовательностью четырёх «несчастий» **1)** горе, если вы богаты **2)** горе, если пресыщены ныне **3)** горе ныне смеющимся **4)** горе, если все люди будут говорить о вас хорошо, как делали отцы, восхваляя лжепророков. Более того, заповеди блаженства в Евангелии от Матфея Иисус произносит **на Горе**, в то время, как в Евангелии от Луки они произносятся, когда Иисус и Двенадцать «спускаются» с Горы и «стоят на **равнине**» – таким образом, в двух многогранно различных парадигмах отношений!

Если мы рассмотрим первые четыре заповеди в Евангелии от Матфея, мы должны осознать, что они находятся в оппозиции к двум элементам «диалектической» ситуации. Заповеди в Евангелии от Луки, первыми четырьмя элементами ситуации составляют тезис, а неизбежные несчастья даются в прямом противопоставлении (антитезис). Согласно Матфею – «Богатый» становится «бедным», но стяжает (синтез) «Царство Небесное». «Пресыщенные» (Лука), пройдя через лишения становятся «плачущими» (Матфей), но они «утешатся». Те, кому «смешно» будут «плакать» – они должны стать «кроткими», – но «они наследуют землю». Те, кто социально одобряются, будут «поносимы», став «алчущими и жаждущими праведности» (такого рода праведность не приемлема для традиции), но они «насытятся».

Здесь перед нами четыре основных парадокса; и мало смысла в том, чтобы притупить острую грань парадоксов значением фразы «бедные духом», которая на самом деле, по-гречески означает «нищие духом». Иисус, как мы видим, часто шокировал своих слушателей: отдай свою жизнь, чтобы приобрести её; служи, если хочешь стать господином; оставь и «возненавидь» отца, мать и все привязанности царства жизни, и следуй за мной, и т.д. «Кто мать Моя и братья Мои? ... Кто будет исполнять волю Божию, тот Мне брат, и сестра, и мать». (От Марка 3:32-35)

Что это может означать, как не стремление Иисуса ярко показать своим последователям, что необходима фундаментальная переполяризация сознания с целью радикальных ценностных изменений. Обществу, всё ещё контролируемому родовыми понятиями абсолютной отеческой власти, ритуальных законов, расовой и религиозной исключительности (семья Авраама, «избранный народ» Бога и проч.), он принёс другой уровень (новую систему) ценностей. Используя самые основные понятия и Образы древнееврейского общества – Отец, Закон и Царство, – он говорил людям иногда прямо, а иногда притчами, что эти понятия и традиционные образы теперь существуют на абсолютно новом ценностном уровне, где они начинают нечто совсем другое. Отец находится «на Небесах»; законы Моисея, хотя и правомерны социально, все вмещаются в одну великую новую заповедь (фактически, универсальный Принцип); и Царство, столь желанное для ортодоксальных евреев, находится не в этом мире, а фактически «внутри» каждого из них. И в результате: **ничто на самом деле не находится там, где вы думаете, и не является тем, что вы ожидаете!** Уровень всех ценностей изменён Новым Заветом, начертанным в сердце каждого человека. Ибо старый набор соглашений был заменён новым, и его влияние на людей теперь носит совсем иной характер.

Итак, всё, что внутри становится другим, в то время, как всё, что снаружи остаётся таким же – есть великий парадокс истинной жизни, проживаемой согласно духу Христа. Здесь человек есть идущий; и всё же в нём Бог, Бог есть он. Тем не менее, он остаётся человеком.

Физическая внешность Иисуса, по-видимому, не изменилась, когда он и его ученики спустились с Горы Преображения; и даже после Воскресения, когда он явился к ним, и они касались его плоти и (позже) ели с ним пищу. Тогда, что же случилось? Случилось следующее: то, что прежде было человеческим полюсом отношений с Божественным, **теперь стало самим отношением**. В этом и состоит жизнь посредничества по существу. Посредник становится соотнесённостью божественного Целого к индивидуальной части, поскольку это божественное Целое выражает себя в сфокусированной деятельности через эту часть, прямо здесь и сейчас.

Такой процесс посредничества неизбежно подразумевает парадоксальную ситуацию, поскольку достижение цели требует отказа от всех «нормально» оцениваемых смыслов. Завершение требует девальвации средств. Завершение – божественный Брак, посредническая сила – достигается лишь тогда, когда человек отказывается верить **каким-либо смыслом** вообще, и тем более, всем смыслам традиции.

Это некоторого рода парадокс, присущий творческой деятельности истинного гения. Только когда с трудом приобретённые техники забываются, тогда успокоенные (но всё же активированные) органы творчества осеняет прямой и, по-видимому, «бессознательный» акт творения. Но это не означает, что дисциплина и мускульно-ментальные упражнения не нужны! Так присутствие плода в матке, в течение девяти месяцев является необходимым подготовительным условием для рождения здорового человеческого существа.

Парадокс заключается в том, что вы никогда не сможете творчески и духовно действовать до тех пор, пока не откажетесь от всего багажа созданных вами инструментов – с помощью них вам удалось выстроить себя до некоторой точки. Но с высоты этой точки, отбросив все средства, можно действовать как интегрированное и творческое целое. Выстраивание это тезис; рождение из матрицы (отказ) это антитезис; и синтезом будет явление, когда, сделавшись «свободным», таким образом вы достигаете состояния **наивысшей преданности** (allegiance) не только тому, что вас выстроило, но и тому, что породило *выстраивающее* вас, и т.п. Эта новая преданность, однако, имеет новый характер; её наполняет новое качество сознания, поскольку то, что «связывает» эта новая верность, не является прежним индивидуальным эго, которым вы всегда были; но есть «я», которое теперь является **взаимоотношением** старого, узкого, самобытного «я» и огромной Силы, божественной по сути, которая становится сфокусированной внутри этого нового «я».

Таким образом, в терминах Заповедей блаженства, тот, кто стяжал богатства в старом родовом обществе и, сверх того, чувствует себя богатым в традиционной мудрости – и великим в уме – должен стать «нищим» в сфере всего, что мир называет «духовным». Он должен стать внутренне свободным от всех известных и уважаемых ценностей; он должен испытать «тёмную ночь души» христианской мистики, «великое сомнение», знакомое ученикам Дзен. Он должен отделиться от всего, чем он обладал или ещё продолжает обладать (рассчитывая на нечто впоследствии). Он должен просить подаяния, как тот, кто не имеет ничего и, возможно, ни во что не верит.

Что случится тогда? Из темноты проявится смысл взаимоотношений Бога (Целого, Единого) с определённым состоянием и местом, которое индивидуум занимает в мире. Сила Бога сфокусирует себя в этом состоянии и месте – т.е. **в том, что есть индивидуальная потенция существования человека** (не в его «самости» как она есть!) – и взаимоотношения («Брак») будут иметь место в терминах возможности божественной манифестации – состоянием, местом и способностями человека, работающими на дела Бога. Таким образом, индивидуум становится отношением; теперь он является посредническим звеном между Божественным и своей функцией (малой или большой) внутри общества, от которого он самостоятельно освободился. Теперь индивидуальная личность является «действующим лицом». У него есть функция для выполнения; он – посредник – **является** выполняющим свою функцию. В большой мере это напоминает роль президента Соединённых Штатов: она состоит в том, чтобы человеческая личность являлась олицетворением посредника между националь-

ным, расовым, культурным потенциалом Америки в целом и теми конкретными условиями, обстоятельствами и потребностями, которые существуют к моменту его вступления в должность. Но в случае того, кто идёт по пути Христа, состояние посредничества не кратковременная функция – он утверждается в состоянии, или соотнесённости, что по самой сути приносит постоянство, даже если на очередной стадии «пути» всё ещё возможен провал или, по крайней мере, временная дезинтеграция.

Если первая Заповедь относится к отказу от всего, что представляет собой традиционное богатство, вторая относится к отказу от всех **эмоционально-личных привязанностей**, ибо то, что нас печалит, как раз указывает на эмоциональную привязанность. Третья Заповедь показывает необходимость отказа от всех форм агрессии – это важный фактор в обществе, к которому обращался Иисус, ибо два течения разделяли еврейский народ: одно защищало политическое насилие, другое отстаивало любовь.

Четвёртая Заповедь относится к необходимости отвержения всех **предубеждений**, т.е. буквально, от всех суждений о ценностях, основанных на обычаях и традициях, предшествующих любому актуальному опыту в жизни индивидуума. В основании древней праведности лежали ценности, которые пришествие Христа сделало устаревшими. Ориентированный на Христа индивидуум неизбежно (и парадоксально) «алчет и жаждет правды», – поскольку он «нищий духом» (первая Заповедь). Он должен увидеть, что все древние Образы духа, правды и ритуальной чистоты исчезают из его сознания. Он абсолютно пуст, обнажён, как новорождённый ребёнок. Теперь нечто новое будет наполнять тело этого ребёнка – воздух, т.е. **пневма**, дыхание, дух в новом смысле слова – Дух Истины.

Вторая (из четырёх) Заповедь позитивно устанавливает то, что должно стать основным четырёхчастным символом пути жизни и соотнесённости. Примером этого должен стать ученик Христа, будущий Сын Бога.

1. Милосердие является основным качеством всех взаимоотношений, выражающих новый статус индивида, который фактически становится полем соотнесённости между Богом и человеческой природой; это сострадание, всеобъемлющая и искупающая любовь-милость. Она может быть достигнута только «нищими духом». Первая и пятая Заповеди таким образом связаны парадоксом, а котором только через полный отказ от всех благ, всеохватывающее богатство полноты взаимоотношений, связывающих Бога и человека, может быть пережито и распространено, как милосердие или любовь Христа; ибо только этот отказ может открыть человеку «Царствие Небесное» (первая Заповедь Блаженства).

2. Чистота сердца символизирует живую, жизнеутверждающую мотивацию: принимая, отдавать. Так сердце принимает, и с новой энергией высвобождает кровь целого организма. Если сердце привязано к тому или иному **определённому** объекту желания или удовольствия – это иной тип мотивации. Только те, кто «оплакал» потерю всех таких привязанностей могут быть по-настоящему «чистыми сердцем». Они «увидят Бога» (6-я Заповедь), потому что «увидеть Бога», значит осознать невыразимую целостность всего существующего, столкнуться лицом к лицу с абсолютной Красотой, т.е. со всеохватывающей Гармонией. Как можно после такого опыта быть привязанным к какому-либо определённому, вечно меняющемуся фрагменту этого универсального Чуда, которое с любой точки рассмотрения всегда остаётся прекрасным?

3. Миротворческая деятельность (т.е. деятельность «миротворцев») может исходить только из сознания, в котором оппозиционные силы существования (такие как хорошо-и-плохо, высоко-и-низко, и т.д.) гармонизованы в динамическом взаимодействии. Такое сознание является истинным духовным наследством любого человека, который осознал приводящую в трепет силу Отцовства Бога, в Котором вращаются, словно в огромном космическом танце, все оппозиции. Такое миропонимание без сомнения делает человека «кротким», смиренным! Такое смирение, этот детский трепет перед величием Отца, является тем самым условием, которое позволяет человеку «наследовать землю»; парадоксально, но гордыня всегда

находится в оппозиции и приводит к падению. Подобно этому, только человеку, который желает добровольно и с радостью служить тому, что он любит, что вызывает у него восторг, может быть доверено стать лидером. Такое качество во взаимоотношениях превращает человека в настоящее «дитя Бога» и доказывает его способность управлять «землёй», то. е. всеми аспектами нашего, наполненного постоянными конфликтами, дуалистического существования.

4. Непокколебимая преданность Истине в глубине нашего существа, даже с точки зрения всех гонений, приходит только к индивидууму, который обнаруживает себя абсолютно свободным от всех ценностей прошлого, и таким образом, алчущим и жаждущим Благовещения от нового Духа, новой «правды» (т.е. новых ритуалов деятельности, новой творческой манифестации Истины). Такой индивидуум, подобно Марии, будет «наполнен», и ему будет дана сила Творческого Порядка, который есть Царство Небесное.

Итак, остаётся только девятая Заповедь, которая приводит основные принципы, утверждённые таким вот образом, к фокусирующему заключению. **Любая универсальная духовная Истина должна быть приведена к определённом фокусу деятельности здесь и сейчас; она должна адресовать себя потребности места и времени, – в противном случае, она не является «духовной»!** Я повторяю, можно сказать, что дух универсален и действует всюду, поскольку он может быть сфокусирован в каждой точке пространства одновременно. Однако, где бы он ни действовал, он никогда **не проявляется** в терминах генерализации, но всегда в точном выражении, направленном на решение частной, конкретно существующей проблемы. Однако «частное» здесь должно пониматься относительно определённой групповой ситуации; в любом случае, **к одному особому** целому, коллективному или личному.

Иисус речёт восемь Заповедей Блаженства – четыре основных шага к духовной жизни, жизни посредничества, – **потому что** он видит перед собой мужчин и женщин, которые могут стать его «учениками», а их бескомпромиссный характер, хотя и не совершенный, судя по реакциям Петра (минимум дважды!), наверняка сделает их объектами поношений и гонений. Универсальные принципы пути Христа, **потенциально** открытые любому человеку, сфокусированы таким образом в утверждении актуального факта-в-становлении; т.е. в том, что непосредственно предстоит пережить тем внимающим Иисусу, которые готовы идти путём Христа.

Сравнение будущих апостолов, «которые будут гонимы» с «пророками, которые были до вас», существенно тем, что оно устанавливает действующее родство между пророками Старого Порядка и духовными сыновьями Христа. Эволюция души, о которой символически говорит вся Библия, является непрерывным процессом, и Отцовство Бога оплодотворяет и пропитывает один за другим все уровни этой эволюции. Но с приходом Христа начинается новая по существу фаза. Там, где раньше было «отбрасывание тени», теперь есть «Брак». Человек больше не должен быть лишь экраном, на который, в довольно-таки редких и специально подготовленных условиях, проектируется образ и подобие Бога-Элохима. Человек не должен только **отражать** сущностную **соотнесённость**, которая потенциально связывает его с Создателем; **он может быть этой** соотнесённостью сам. Он может быть Полем, на котором взаимоотношения Бога с человеческой природой, разворачиваются в действии. Он может быть **хранилищем** этих взаимоотношений. Он может таким образом осуществить судьбу Человека, который должен стать священным сосудом – Потиром, – в котором Божественное и природное совершают взаимопроникновение в алхимическом ритуале перевоплощения (и таким образом искупления) прошлого. Прошлое искупается, поскольку настоящее перевоплощается в свете будущего, где прошлое, настоящее и будущее осознаётся в сущностном и структурном единстве всего цикла универсальной манифестации, Эоне.

Апостолы и люди-семена

Так мы стоим на пороге будущего, упомянутого в фокусирующем заключении Запове-

дей Блаженства («вы, которых будут поносить и гнать, и злословить на меня»). Ученики готовы; или почти готовы. Им выпало стать «солью земли» – т.е. тем, что придаёт смысл (вкус) всему, что будет ассимилировано сознанием общества – «светом мира», лучами светила Нового Завета. Они будут излучать на всех людей великую творческую Истину, которая **сможет** быть актуализирована каждой «индивидуальной душой» на земле в своё время и сезон, – излучать неотъемлемую потенцию божественного Сыновства. Ученики станут апостолами и оплодотворят будущее своими героическими жизнями и кончинами.

Но это было девятнадцать веков назад! И что же сегодня? Разве мы не находим мировую ситуацию противоположной тому моменту, когда Иисус послал учеников пламенно распространять «Благую Весть» обновления всех ценностей? Около девятнадцати веков распространялась по всем континентам эта «благая Весть». Она была услышана миллиардами человеческих существ. И что в результате? Каким мы видим цикл истории, подходящий, вероятно, к своему завершению – тот самый цикл, который, я полагаю, был возведён приходом Христа. Апостолы, они были «началом» цикла; а не мы ли являемся сегодня его «концом»? Конечно, только Христос может быть назван **альфой** и **омегой** цикла; но мы, люди двадцатого столетия как манифестация **омеги**, не можем демонстрировать тот же характер, который показали апостолы при свершении своей судьбы.

Как я говорил в первой главе этой книги, теперь ситуация противоположна. Во времена апостолов христианство занимало наступательную позицию по отношению к гибнущим религиям и дезинтегрированному «вселенскому обществу» с ограниченной моральной устойчивостью. Но сейчас, в наше время, христианство несомненно обороняется; и человечество, похоже, стоит на пороге полного уничтожения или радикальной реорганизации в терминах глобального общества, интегрирующего людей всех континентов. Если мы ищем альтернативу, то каковы потенциальные возможности нашей судьбы? Они определённо не те, какими они были для апостолов после формальной смерти Иисуса. Распространение догматического христианства среди ещё нескольких диких племён в районе Амазонки имеет мало смысла (разве что в качестве примера **индивидуального** мужества и веры), в то время как великие христианские нации пропитаны материализмом, жадностью и вожделием (формой устранения бессмысленности) и балансируют на грани чудовищно бессмысленной (и это им самим вполне понятно!) всеобщей атомной войны! Что дальше?

Согласно формуле времени, цикл есть выражение последовательности характерных изменений в самой природе основных взаимоотношений, которые являются основой ткани и переплетением нитей существования в определённом регионе пространства. Основные взаимоотношения, характеризующие **альфа** период исторического цикла, отличаются от тех, которые наделены существенными особенностями **омега**-стадии (т.е. завершения и конца) этого цикла. Символически говоря, крохотный росток, пробивающийся из-под корки земли весной, стремящийся завоевать себе место **под солнцем**, очевидно, имеет другой характер, нежели семя или багряные листья, падающие **на землю** в дни осени. Христос как Принцип прилива и течения существования, или как божественное Существо, чьё сознание окружает все периодические движения великого цикла времени в своём **сущностном и структурном** развёртывании (не в деталях, поскольку это бы отменило «свободу выбора» человека!) – Христос (при таком взгляде) «неизменен»; то есть Он заключает в Своем бытии весь цикл изменений. Но мы живём сейчас, и наше существо присутствует в Его мистическом (или «эоническом») Теле, то есть мы пребываем в фактической экзистенции, манифестируем значение, функции и цели короткого отрезка времени, нашей жизни. Мы являемся выражением изменений – выражением, которое может быть полностью или в большой мере бессознательным по отношению к тому, что оно выражает – и можно это принять сознательно, и таким образом, взять на себя его (т.е. выражения) место и функцию в громадном периодическом движении изменений.

Апостолы были **людьми-ростками**. Мы же можем стать только одним из двух: людь-

ми-семенами или людьми-листьями. Мы можем позволить захватить себя окончательной дезинтеграцией всего, что принадлежало сфере земных листьев, чья задача захватывать лучи солнца и ассимилировать его энергии, трансформирующиеся в химические (т.е. «культурные») продукты, существенные для земной жизни; **или** мы можем каким-то способом проявиться из растения нашего общества, как **потенциальные переносчики** жизни видов, снабжённых качеством относительного «бессмертия» и способностью к обновлению жизни, которая (способность) является функцией выражения семени.

Большая часть человечества всегда следует линии судьбы листьев, – их подхватывает поток культурной, социальной, этической дезинтеграции, который осуществляет «вульгаризацию» (от *vulga*, «толпа») всех великих ценностей, наделявших формой и значением культуру и общество «летнего» периода исторического цикла. Что до людей-семян, то они могут быть различных сортов – некоторые действуют на уровне строго социального и культурном, другие на уровне истинно «духовном». На любом уровне они проявляют: **1) уплотнение** всего, что было существенным в целом исторического цикла **2) отделение** таких существенных качеств от умирающего растения. Затем, «отделившись» и упав в землю, они внедряются в новую почву; или находятся в латентном состоянии для будущего посева, возможно, в отдалённых уголках пространства.

Такое «уплотнение» (в символической форме семени) может означать многие вещи. Но это неизбежно означает, что принцип селективности – умственно-духовного различия – работает, и отделяет квинтэссенцию от всего наносного. К этому процессу, несомненно, постоянно обращается Иисус (в Евангелиях). Более того, не все семена оказываются «пригодными»! Семена могут нести и деструктивную циклическую направленность, так же как и конструктивную; и ценность великой восточной философии заключается именно в том, что она позволяет нам осознать: дуализм добра и зла – как и **все** дуальности – является существенной частью содержания великого «танца» вселенской жизни в любом месте и во все времена. И поэтому Человек, обусловленный судьбой принципа посредничества, должен полностью осознавать все пары оппозиций. «Человек Бога» тот, кто испытал **и** сознание зла, **и** сознание добра, и осознанно, свободно взял на себя ответственность на стороне добра; в то время как «человек зла» (человек «совершенный» во зле) знает только, что такое зло, осознаёт, что лучший выход для него в отказе от добра по причине аккумуляции последствий прежних провалов и поражений, которых, впрочем, он мог бы избежать, – он проклинает Божественное.

Иисус говорил о своих учениках как об «избранных», как о «данных» ему Отцом. Иисус как **альфа** великого цикла человеческой эволюции является зарождающим началом этого цикла. Апостолы – «силы» этого зарождающего начала, необходимые для выхода нового роста сквозь земную почву. Для нас очевидно, что это двенадцатикратная энергия. Апостолов двенадцать так же, как и двенадцать Творческих Иерархов в небе (символ Творческого Порядка Вселенной как целого) согласно космологии Халдеи, Китая и представлениям многих других обществ. Двенадцать это число, символизирующее созидательную деятельность, направленную вовне; оно относится к установлению основы существования, структуры любой частной единицы микрокосмического и макрокосмического бытия.

Апостолы (и после них те, кого теперь многозначительно называют Отцами Церкви) выстроили внешнюю структуру христианства, которую мы знаем теперь; они выбрали, более или менее бессознательно и интуитивным способом, Великие Образы христианства. Этим Образам сегодня брошен вызов, и они, в большинстве случаев, демонстрируют силу инерционного сопротивления безжалостным волнам, вскипающим возле их оснований. Апостолы строили эти основания на своей собственной крови. Они строили их силой глубокой, бескомпромиссной, подлинной веры; они ковали свои инструменты на огне тотальной преданности, великолепного безрассудства, и безмерно действенной любви.

Это то, что сегодня мы сделать не можем. У нас нет материала, с которым бы мы име-

ли дело как **христиане**. Да, миссионеры-герои всё ещё существуют, и церковь освящает людей, являющих собой изумительные примеры смелости и негасимого огня в темноте нашего материалистического, охмелевшего от технологий века. Но эти примеры, более чем что-либо ещё, являются **протестными**. Они протестуют против вульгаризации и коммерциализации благородных ценностей. И всё же, они могут совершать высочайшие жесты искупления, – например, д-р Швейцер, сознательно принявший на свои плечи колониальные грехи своей цивилизации. В драме героически прожитой жизни, они могут обнаруживать саму основу духа христианства. И они действительно показывают, что дух Христа всё ещё пульсирует в теле христианства официального. Как целое, однако, тело потеряло свою сущностную витальность, свой творческий миро-трансформирующий энтузиазм. Другие религии, особенно бахаизм, чьи апостолы основывают сегодня центры по всему миру в духе ревностного поклонения и самоотречения, соревнуясь с ранними христианами, двигаются по этому пути. И коммунизм, по крайней мере в ранний период, также был видом религии, ради идеалов которой, фанатичные и ревностные её почитатели отправлялись на неминуемое мученичество.

Итак, что мы как христиане можем сделать, чтобы выразить наше историческое положение в завершении цикла, который, как теперь хорошо видно, до окончания этого века обернётся крахом нашей цивилизации? Если западная цивилизация дезинтегрируется так же, как римская империя 1500 лет назад (каким бы образом это ни произошло), то что остаётся нам сделать, чтобы не потерять высокие ценности в терминах жизни будущего? А мы можем быть уверены, что то, что мы сделаем сейчас, в ближайшие двадцать (или около того) лет, будет нашим «последним шансом», так как события неумолимо пойдут определившимся курсом.

Что по сути делают семена, при приближении осени? Они переносят себя из царства умирающего растения определённого цикла вегетации в иное царство, где жизнь всего вида, которому они принадлежат, обретает своё «бессмертное» бытие. Продукт годового цикла (семя) становится проводником для увековечивания (и, возможно, трансформации через «мутацию») всего вида, действующего миллионы лет в миллиардах растений. Каждый «человек-семя» подобным образом является посредником того Принципа, который находится в центре Мирового Процесса как человек-Бог, как индивидуальное выражение Человека, становящегося божественным фокусом для гармонизации прошлого в целях будущего – Сыном воплощённого Бога.

Состояние христианского братства по-существу является состоянием семени. Семя, понимаемое как универсальный символ, представляет собой начало и конец всех циклов. Но семя, которое является «началом» имеет бытие до фактического начала. Христос является семенем; Иисус – зародышем. Христос является «вечной» (т.е. эонической) реальностью; Иисус – иницирующее жертвоприношение в фактическом времени – жертвоприношение, начавшее цикл существования христианства посредством последующих жертвоприношений апостолов и тех, кто физически и социально являлись отцами христианской цивилизации (восточной, как и западной).

Наше время – это время для «людей-семян», которые позволят Принципу Христа интегрировать свои умы в Поле творческих энергий Ума божественного и, по готовности, свои «индивидуальные души» интегрировать в Братство Сынов Бога. Осенью семя должно быть реинтегрировано в вид, чтобы оно могло стать носителем и посредником этого вида; подобно этому, человек-семя должен найти свою миссию посредством перенесения своего индивидуального сознания (как живой части определённого общества, культуры, религии) на уровень сознания Христа. Только тогда он может быть «освящён» как семя, которое в нужное время, попав на плодородную почву, «умрёт как семя», дабы могла родиться новая растительность.

Это «жертвоприношение семени» – прорастание – может быть весьма отдалённым от нас, людей двадцатого столетия; т.е. оно далеко впереди, в смысле актуального рождения настоящего новой культуры. Тем не менее, существует «смерть семени» в факте того, что ум,

обретший видение или вдохновение, проектирует то, что было понято или осознано в конкретной форме выражения (сформулированной идее, книге, вдохновенной работе), и даже пусть пройдет очень много времени до того момента, как эта форма выражения, эта «идея-семя» найдет пригодную почву, в которой ей предназначено прорасти, но она высвободит великий Образ, который в дальнейшем люди конкретизируют и сделают действующим институтом, символизирующим и осуществляющим определённый образ жизни.

Что всё это сегодня для нас означает практически? Означает, что новый урожай «идей-семян» в ближайшие годы просто необходим. Сила универсального принципа посредничества, т.е. Христос, должна стать потенциальной возможностью новых форм христианства. Люди должны становиться – некоторые уже стали – теми, кто символически «полон семян»; людьми, подобными Марии, познавшими Благовещение Ангела «освященного Ума» и (как она) служа Богу, приняв свою судьбу всех возможных обновлений и трансформаций; становиться людьми, посредничающими между Богом и энергиями человеческой природы, людьми имеющими отношение к тому и другому, удовлетворяя требованиям обеих сторон.

Необходима **не** «революция»; то, что разрушает, разрушает и себя, и мы должны позволить мертвецам хоронить своих мертвецов. Необходима **мутация**. Необходимо новое качество соотнесённости, более глубокое, более сознательное чувство любви, более содержательное осознание гармонии и красоты. Мужчины и женщины нуждаются в том, чтобы имея такое желание, стать способными (и готовыми) инкорпорировать эти новые ценности существования в структуры своей индивидуальности, в свою освещённую (духом) ментальность; и готовыми принести себя в жертву во имя понимания – фактического, формирующего и излучающего, – так освящённый хлеб приносится на алтарь в вечном ритуале поклонения. Человечество снова должно обрести веру, но веру нового порядка! Веру, основанную не на традиции, к которой возвращаются изнурённые и обескураженные хаосом этого мира люди, а веру, пробуждающую видение того, что «наполнено семенами», того, что обогащено и согрето бесконечным потенциалом рождений и побед.

Эта вера, в центр которой мы можем поставить видение и имя Христа; ибо для умов и душ, очищенных от пепла устаревших догм или искажённых истин, имя Христа говорит об универсальной соотнесённости, о любви, которая включает в себя всё и искупает в бесконечной песне-исцелении, о гармонии, согласующей все видимые расхождения, о красоте как внутренней сонастройке порядку и миру универсального целого. Это имя эксплуатируется столь многими, обесмысливая его значение пустыми словами ментальных штампов, притуплённых ортодоксальностью. Это имя, Христос, освящает основную судьбу человека – судьбу человека-посредника, человека-поля, внутри которого реализуется гармоническая интеграция всех дуальностей (духа и материи, добра и зла, индивидуального и коллективного, «неизменности» и изменения). Она проявляет себя постепенно достигающей нового состояния души. Эта «божественная душа» есть урожай семян благородно прожитых жизней, точно и красиво осуществлённых дел, в чистоте додуманных мыслей и излучения своего опыта любви. И всё это человек, потенция; человек, который будет; человек, который должен быть.

С любовью,
электронная библиотека
Theosophy-Books.org

